GENIUS LOCI

GL

ДЖОН Р. Р. ТОЛКИЕН

Биография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Человечество делится на две половины: тех, кто читал книги Толкиена и уже не мыслит себе жизни без них, и тех, кто равнодушно закрыл первый том, не осилив и сотни страниц. Эта биография Джона Рональда Руэла Толкиена предназначена для первой половины человечества.

Автор всемирно известных "Хоббита" и трилогии "Властелин колец" стал властителем дум для нескольких поколений. К написанию автобиографии он всегда относился весьма скептически, считая, что "только ангел-хранитель или сам Господь могли бы показать нам истинную связь между фактами личной жизни и произведениями писателя".

Но в данном случае Майкл Уайт стал вторым ангелом-хранителем Толкиена: написал такую биографию великого мастера, которая удовлетворит самых ревностных почитателей его таланта.

- Майкл Уайт
  - Благодарности
  - Введение
  - Глава 1. Детство
  - Глава 2. Две женщины
  - Глава 3. Оксфорд
  - Глава 4. Женитьба и война
  - Глава 5. Фантастические миры
  - Глава 6. Вверх по лестнице
  - Глава 7. Жизнь дона
  - Глава 8. Мужской мир
  - Глава 9. Навстречу «Хоббиту»
  - Глава 10. Война и кольцо
  - Глава 11. Долгий путь к читателю
  - Глава 12. Мир Средиземья
  - Глава 13. Последние годы
  - Глава 14. Легенда жива
  - Хронология
  - Избранная библиография
    - Художественные произведения Дж.Р.Р. Толкиена
    - Книги о Дж.Р.Р. Толкиене и Средиземье
    - Прочая литература
    - Веб-сайты
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89

- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133

- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177

- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197

Майкл Уайт
Джон Р.Р.Толкиен. Биография

Посвящается Дженнифер и Питеру

Благодарности

Своим появлением на свет эта книга обязана множеству людей. Особую благодарность я хотел бы выразить моему литературному агенту Рассу Гейлену, с честью выходившему из самых сложных ситуаций на переговорах, и моим редакторам по обе стороны Атлантики — Алану Сэмсону из лондонского издательства «Литтл, Браун энд Компани» и Гэри Гольдштейну из нью-йорского издательства «Альфа». Неоценимую помощь в работе над этой книгой оказали мне Джуд Фишер, Питер Шнейдер, предоставивший сведения о том, насколько надёжны те или иные источники, и Джозефина Мирувин, неизменно поддерживавшая меня своим энтузиазмом и сообщившая мне несколько полезнейших интернет-адресов.

Кроме того, я хочу поблагодарить Майкла Крайтона: если бы не он, книгу эту довелось бы писать какому-то другому автору.

И, наконец, от всей души благодарю мою жену Лизу, которая подошла к тайне личности Толкиена непредвязто и сумела понять о нём нечто очень важное. Догадки, которыми она поделилась со мною, едва ли пришли бы мне в голову без её помощи.

Майкл Уайт. Сентябрь 2001 г.

Введение

С творчеством Толкиена я познакомился довольно поздно — позже, чем многие. Когда одна школьная приятельница вручила мне повидавший виды том «Властелина колец» со словами, что это и вправду стоит прочесть, мне было уже семнадцать. Но, несмотря на то, что поначалу причислить себя к поклонникам Толкиена я не спешил, мне удалось быстро наверстать упущенное: эту знаменитейшую из его книг я прочитал восемь раз подряд. Эта героическая, трагическая и неизменно волнующая повесть так меня заворожила, что стоило мне перевернуть последнюю страницу последней главы, как меня всякий раз тянуло вернуться к главе первой.

И вскоре я уже принялся собирать все сведения о Толкиене, до каких только можно было дотянуться. Само собой, я прочёл «Хоббита»; удалось достать также «Беовульфа» в толкиеновском переводе, а из его собственных произведений — «Фермера Джайлса из Хэма», «Лист работы Нигля» и другие, менее известные вещи. А в 1977-м, спустя год после моего знакомства с «Властелином колец», до меня дошло известие, что наконец-то выходит в свет долгожданный «Сильмариллион». В день, когда тираж поступил в продажу, я уже в восемь утра стоял в очереди у книжного магазина, торопясь получить заказанный заранее экземпляр, а еще через час, по дороге к автобусной станции и домой, уже читал об эльфах и смертных, натыкаясь на пассажиров, спешащих на работу.

Примерно в это же время я занялся музыкой. Я осваивал гитару и играл в ансамблях в школе и на первом курсе университета. В полном противоречии с духом времени (а тогда как раз вошёл в моду панк) я собирал группы под названиями вроде «Палантир» и сочинял песни о Галадриэли с припевом на эльфийском языке. Не могу вспоминать об этом без содрогания! Но всё же теперь, по прошествии многих лет, я понимаю, что моё юношеское увлечение Толкиеном, при всей своей незрелости, было отнюдь не безосновательным. Едва ли история Средиземья могла бы производить столь глубокое впечатление, если бы в ней действительно не заключалась некая непреодолимая притягательность.

Я не сразу узнал о том, что миллионы людей прошли такой же путь и стали благоговейными почитателями Толкиена и что некоторые из них тоже собирались в группы и пели песни о Средиземье. Но так оно и было. Ведь и меня самого с «Властелином колец» познакомила школьная подруга, а в

университете среди первокурсников считалось, что сидеть в комнате отдыха с этой книгой под мышкой — верный способ знакомиться с девушками. Более того, я знаю по меньшей мере одного человека, который под влиянием Толкиена и его книг выучил исландский язык и защитил по нему диссертацию. Но вместе с тем становилось всё больше и больше людей, питавших к Толкиену неприязнь только из-за того, что слишком многие перед ним преклонялись. Это совершенно понятная и, по-видимому, неизбежная реакция на модные течения. Человек, увлечённый чем-то сверх меры, раздражает непосвящённых и наводит на них скуку. Поэтому не стоит удивляться, что те, кого «Властелин колец» оставил равнодушными (Толкиен, как и любой другой автор, не может нравиться всем без исключения), относятся к его поклонникам с насмешливым презрением.

В том же году, когда я открыл для себя Толкиена, один из моих лучших школьных друзей решил отвергнуть все соблазны «Властелина колец» и объявил войну «коварному культу Средиземья». Прочесть саму книгу он даже не попытался, но зато с жадностью проглотил злую (и, признаться честно, очень смешную) пародию на неё — «Хватит с нас колец!». И даже мой вопрос, что смешного можно найти в пародии, не удосужившись прочитать оригинал, его не смутил.

Конечно же, со временем я остыл. Мало-помалу я освободился от влияния Толкиена и начал писать песни о любви, страсти и смерти. Что ещё важнее — круг моего чтения расширился. Но окончательно расстаться с Толкиеном я не пожелал: нежная привязанность к «Властелину колец» сохранилась, и я часто вспоминал эту книгу с любовью. В двадцать лет с небольшим я переехал в Оксфорд, а ещё через несколько лет решил стать писателем. Памятуя о том, что Толкиен жил в этом городе и встречался с К.С. Льюисом и другими «Инклингами» в пабе «Орёл и дитя», я и сам нередко заглядывал туда на кружечку пива — в надежде, что от тамошних стен на меня снизойдёт вдохновение. Не удивительно, что предложение написать эту биографию я принял с готовностью.

Но не успели высохнуть чернила на издательском договоре, как я осознал опасность, которую таил в себе возврат к моему юношескому увлечению. Ведь с тех пор, как я перечитал «Властелина колец» в последний, восьмой раз, минуло лет двадцать пять, а теперь мне придётся взяться за него снова. Отчасти я радовался, но в то же время мне было не по себе: понравится ли мне эта книга сейчас, спустя четверть века?

В том далёком семьдесят седьмом, когда я дочитывал последнюю главу в восьмой раз, я ещё не был даже студентом; я

слушал альбомы группы «Yes» и носил волосы до плеч. А теперь я стал взрослым мужчиной с женой и тремя детьми. За годы, прошедшие с тех давних пор, я прочёл тысячи книг, а группу «Yes» теперь слушал лишь изредка. Смогу ли я, как когда-то, представлять себя на месте Арагорна? Стану ли я мечтать о том, чтобы мне наконец открылись тайны Гэндальфа и других *истари*? А вдруг даже судьба Фродо и Сэма оставит меня равнодушным? Сколько книг, которые я когда-то любил, со временем утратили для меня всякую привлекательность! Что, если я стал таким же, как тот мой насмешливый друг, и тоже готов воскликнуть: «Хватит с нас колец!»?

Я купил и принёс домой новое издание «Властелина колец». Несколько дней книга пролежала на обеденном столе, потом перекочевала в спальню, затем — в ванную. Но открыть её я так и не решался. Я взялся за чтение посвящённой ей литературы и начал заново изучать биографию и эпоху Толкиена. Не одна неделя прошла, прежде чем я наконец собрался с духом и перевернул первую страницу этого главного труда его жизни.

И конечно же, я был очарован вновь. Волшебство не рассеялось. Более того, мне стали открываться новые важные детали. Я стал понимать то, на что прежде не обращал внимания и чем не интересовался по молодости лет. Я был в полном восторге, и с души моей свалился тяжёлый камень: ведь как бы я стал писать о Толкиене, если бы его книги мне разонравились?

Погрузившись снова в мир Средиземья, я испытал прилив воодушевления и понял, что все мои тревоги были напрасны. И теперь я убеждён, что люди делятся на две категории: одни любят мир Толкиена и на всю жизнь остаются его горячими приверженцами, а другим не дано полюбить его никогда.

Мой друг, невзлюбивший Толкиена ещё в школьные годы, теперь тоже стал взрослым, однако по-прежнему посмеивается над моей страстью. «Властелина колец» (который теперь носит гордый титул «Книги столетия») он так и не прочёл — и не собирается. Но, в конце концов, не зря же говорят, что хоббиты — это хобби!

Готовясь к работе над этой биографией, я обнаружил, что поисковая машина в интернете выдаёт ссылки примерно на 450 тысяч сайтов, связанных с Толкиеном или «Властелином колец». Это меня порадовало, тем более что многие сайты оказались на удивление профессиональными и увлекательными. Но некоторые так называемые «официальные» материалы поразили меня своей субъективностью, доходящей порой до абсурда и граничащей с религиозным фанатизмом.

Я и сам — фанат с большим стажем, но стена благоговейного

молчания, которую возвели вокруг профессора Толкиена авторы «официальных» материалов, приводит меня в ужас. Из опубликованных писем почти ничего нельзя узнать о его частной жизни. Всё личное, включая отношения с женой Эдит и дружбу с К.С. Льюисом и другими «Инклингами», окутано покровом тайны. Речи о том, какими мотивами мог руководоваться Толкиен и с какими внутренними демонами ему приходилось бороться, не заходит ни в одной из «авторизованных» биографических справок. И даже проанализировать общепринятые представления о побуждениях, чувствах и мнениях Толкиена не берётся почти никто. Да, Толкиен действительно был добропорядочным человеком, честным, высоконравственным и надёжным, а также очень умным и образованным. Но всё это отнюдь не означает, что его следует причислить к лику святых.

Между прочим, в истории это далеко не первый случай, когда потомки и даже современники творят себе кумира из некой выдающейся личности. В ходе работы над книгой «Исаак Ньютон: последний чародей» я узнал, что по схожим причинам ученики и последователи Ньютона не одно столетие скрывали от общественности некоторые материалы о своём учителе. И только знакомство с этим сведениями позволяет понять, что Ньютон был личностью гораздо более интересной и сложной, чем изображают его в школьных учебниках. А Стивена Хокинга, о котором мне также довелось написать книгу, многие коллеги до сих пор представляют каким-то сверхъестественным существом, недоступным человеческому пониманию. В обоих случаях я попытался добраться до истины — и передо мной открылись целые миры, полные жизни и ярких красок.

Работая над этой биографией, я вовсе не пытался искать или творить новых монстров. Я их и не нашёл, если не считать чудищ со страниц давно знакомых книг. Но творческие люди редко проживают свою жизнь в безмятежной простоте, сколько бы их апологеты ни старались внушить нам обратное. Хотелось бы надеяться, что всякий истинный почитатель мечтает видеть портрет своего героя не только в розовых тонах. И я, как почитатель творца Средиземья, постарался создать более колоритный образ этого популярнейшего из писателей и живописать личность и судьбу Толкиена если не в самых сочных красках, то, по меньшей мере, во всём многообразии оттенков и нюансов.

Глава 1. Детство

Профессор Джон Рональд Рейел Толкиен усердно крутит педали велосипеда, и воротничок у него уже промок от пота. Стоит тёплый летний день, учебный семестр в колледжах недавно кончился, и по Хай-стрит теперь можно проехать свободно. Ещё до полудня Толкиен успел встретиться с аспиранткой и разъяснить ей несколько сложных мест в одном англосаксонском тексте, купить свежих чернил и бумаги в лавке на Терл-стрит, вернуть книгу в библиотеку и разыскать у себя в кабинете стихотворение, которое он сочинял для «Оксфорд мэгэзин» и потерял на прошлой неделе где-то среди бумаг. Обычно он старается возвращаться домой к обеду, но сегодня было собрание факультета, так что обедать пришлось в колледже. А теперь он торопится домой, к кипе экзаменационных работ на школьный аттестат, громоздящейся у него на столе с начала недели.

Часы на центральной башне Карфакс-тауэр бьют три пополудни, и Толкиен, проезжая мимо, прибавляет ходу. На работу остаётся в лучшем случае два часа, а потом — снова собрание, на сей раз в профессорской Мертон-колледжа, за поздним чаем; значит, удастся проверить никак не больше трёх работ[1].

Он проезжает вверх по Бэнбери-роуд, сворачивает направо, потом налево и, наконец, оказывается на Нортмур-роуд, у дома №20, где семейство Толкиенов поселилось в начале этого года — года тысяча девятьсот тридцатого. Спрыгивая на ходу с седла, он въезжает в боковую калитку и по инерции катит вдоль дорожки к дому. Он приоткрывает дверь на кухню, просовывает голову в щель и улыбкой приветствует свою жену Эдит. Пора за работу… но пятимесячная малышка Присцилла проснулась на руках у мамы и радостно гукает. Он подходит к ним, целует жену в щёку и ласково щекочет дочку под подбородком. Ну всё, теперь и вправду пора. Он поворачивается и шагает по коридору в свой домашний кабинет.

Кабинет очень уютный. Стены сплошь увешаны книжными полками, так что у двери остался только узкий проход, но уже через несколько шагов этот туннель расширяется и открывается вид на рабочий стол. Стол стоит напротив южного окна, так что профессор может любоваться соседским садом, не отрываясь от работы; по правую руку от него — ещё одно большое окно, за которым расстилается ухоженная лужайка, а за нею тянется дорога. На столе у Толкиена — бювар, подставка для ручек и по стопке бумаг слева и справа. Слева — экзаменационные работы,

которые ещё предстоит проверить (большая стопка), справа — уже проверенные (стопка далеко не столь внушительная).

Толкиен устраивается за столом поудобнее, извлекает трубку из кармана куртки, набивает её доверху свежим табачком и с особой осторожностью подносит горящую спичку. Раскуривая трубку, он тянется к левой кипе бумаг, снимает верхнюю работу, кладёт её прямо перед собой и углубляется в чтение.

Проверять экзаменационные работы на аттестат, сочинения шестнадцатилетних школьников, — дело скучное и неблагодарное, но на одно профессорское жалованье жену и четверых детей не прокормишь. Да, занятие рутинное; но всё же Толкиену приятно сознавать, что каждую работу он прочитывает со всем вниманием, ни единой мелочи не упуская из виду. Этой очередной рукописи он посвящает полчаса. Время от времени он делает краткие пометки на полях, а в конце абзацев ставит галочки. Медленно переворачиваются страницы. Мир и тишина царят вокруг — только порой птица присядет на подоконник, да лёгкий ветерок зашелестит листвой за окном.

Наконец, оценка выставлена по всей справедливости и сочинение ложится в правую стопку. А Толкиен принимается за следующую рукопись. Вот уже несколько страниц позади… и вдруг перед ним — чистый лист! Помедлив лишь мгновение, он улыбается: вот ему и награда за дневные труды — одной страницей работы меньше. Он откидывается на спинку кресла и обводит взглядом кабинет. Внезапно он замечает что-то на ковре, у самой ножки стола. Крошечная дырочка! Несколько долгих секунд он смотрит на неё, погрузившись в мечты. А потом рука его тянется к чистому листу, лежащему перед ним на столе, и медленно выводит: «В земле была нора, а в норе жил хоббит…».

Толкиен понятия не имел, почему он это написал, и, конечно же, не мог себе представить, какую роль эта шалость его подсознания сыграет и в дальнейшей его судьбе, и в истории всей английской литературы. Однако он сразу почувствовал, что в этом обрывке фразы таится что-то интересное — и, как он потом признавался, интересное настолько, что ему немедленно захотелось «выяснить, кто же такие хоббиты».

Так одна-единственная фраза — быть может, родившаяся просто от скуки, а быть может, искавшая себе выхода долгие годы, — стала тем крошечным зерном, из которого со временем выросли «Хоббит» и «Властелин колец». И книгам этим, наряду с «Сильмариллионом» и обширным собранием разрозненных легенд о Средиземье, предстояло завоевать мировую славу, принести радость и вдохновение миллионам читателей и сыграть решающую роль в формировании целого литературного жанра —

жанра фэнтези. Через несколько лет, минувших с того судьбоносного дня, тысячи людей узнали о том, кто же такие хоббиты, а к началу шестидесятых хоббиты и населённый ими мир уже могли соперничать в известности с любой звездой Голливуда или царствующей персоной. Для многих Средиземье — это не просто вымышленный мир. То, что могло бы так и остаться единственной строчкой, нацарапанной на листке бумаги в кабинете безвестного профессора, обрело под пером Толкиена долгую и славную жизнь. Из этой строчки родился целый мир героических преданий — самостоятельный, самодостаточный, самосогласованный и неотразимо притягательный мир современной мифологии.

Дж.Р.Р. Толкиен родился в обычной, почти ничем не примечательной семье. Его отец, Артур Толкиен, был банковским служащим и работал в бирмингемском филиале «Ллойдз банк»[2]. Отец Артура, Джон, владел фортепианной мастерской и торговал нотами, но к тому времени, как Артур достиг совершеннолетия, фортепиано Толкиена перестали продаваться, мастерскую пришлось закрыть и Джон Толкиен разорился.

Таким образом, Артур рано понял, какими опасностями чревато предпринимательство. Отчасти именно поэтому он и предпочёл надёжную работу в местном банке. Но продвинуться по службе в бирмингемском отделении «Ллойдз» оказалось не так-то просто, и, несмотря на все свои радужные надежды, Артур понимал, что дорогу к повышению ему сможет открыть только смерть кого-то из старших коллег. И когда в конце 1888 года ему предложили работу за океаном, он без долгих раздумий согласился.

Филиал «Банка Африки», где теперь ему предстояло работать, находился в самом сердце Южной Африки, в далёком Блумфонтейне. К тому времени Оранжевая свободная республика, столицей которой был Блумфонтейн, начала превращаться в крупный центр горной промышленности: в Европе и Америке находилось немало желающих вложить деньги в африканские золотые прииски и алмазные копи. И только одно обстоятельство омрачало открывшиеся перед Артуром перспективы: годом раньше он влюбился в прелестную восемнадцатилетнюю девушку по имени Мэйбл Саффилд и сделал ей предложение. А это означало, что ради карьеры ему теперь предстоит расстаться с невестой.

Родители Мэйбл не вполне одобряли выбор дочери и полагали, что она заслуживает лучшего жениха. Лично против Артура Толкиена они ничего не имели, но снобистские предрассудки не позволяли им признать его ровней. Саффилды

считали Толкиенов жалкими обнищавшими иммигрантами — несмотря на то, что предки их, прибывшие из Саксонии, прожили в Англии уже несколько веков. И это тем более странно, что самим Саффилдам гордиться было нечем. Отец Мэйбл унаследовал от своего отца лавку мануфактурных товаров, но тоже разорился, как и Толкиен-старший. К тому времени, когда Артур познакомился с Мэйбл, Джон Саффилд торговал вразнос дезинфицирующими средствами компании «Джейз».

Впрочем, на отношениях между Артуром и Мэйблом всё это почти не отразилось — не считая того, что мистер Саффилд потребовал отложить свадьбу по меньшей мере на два года. Поэтому когда Артур принял приглашение на работу в Южной Африке, Мэйбл осталось лишь ожидать вестей от жениха и надеяться, что вскоре она сможет последовать за ним.

И Артур не обманул её надежд. К 1890 году он уже получил должность управляющего блумфонтейнским отделением «Банка Африки» и дела его пошли в гору. Обустроившись на новом месте, он отправил Мэйбл Саффилд письмо с приглашением в Блумфонтейн и повторным предложением руки и сердца. Мэйбл к тому времени уже исполнился двадцать один год, а назначенный мистером Саффилдом двухлетний испытательный срок благополучно истёк, так что в марте 1891 года, невзирая на все опасения родителей, Мэйбл купила билет на пароход «Рослин Касл» до Кейптауна.

В наши дни Блумфонтейн, административный центр провинции Оранжевая, стал самым обыкновенным городом типичной застройки, но в конце девятнадцатого столетия Артур Толкиен, прибывший на новое место службы, увидел перед собой лишь пару сотен ветхих домишек. Город продувается насквозь сильными ветрами из вельда. Сейчас большинство местных жителей могут укрыться от пыльных бурь в домах с кондиционерами, но в 90-е годы XIX века благоустроенных зданий здесь почти не было и белые поселенцы жили немногим лучше, чем нынешние чернокожие аборигены, которые ютятся в лачугах вокруг современного городского центра.

Артур и Мэйбл обвенчались в городском соборе Кейптауна 16 апреля 1891 года, а медовый месяц провели в одном из отелей кейптаунского пригорода Си-Пойнт. Но когда первые восторги улеглись и очарование новизны рассеялось, Мэйбл поняла, что жизнь в Южной Африке полна лишений и тягот.

Вскоре она почувствовала себя очень одинокой, а завести друзей среди других поселенцев оказалось не так-то просто. Большую часть населения Блумфонтейна составляли африканеры — потомки голландских колонистов, весьма неохотно

допускавшие англичан в свой круг. Правда, со временем Толкиены познакомились с другими выходцами из Британии и Мэйбл освоила роль гостеприимной хозяйки, но всё же городок казался ей убогим во всех отношениях. Здесь не было ничего, кроме теннисного корта, нескольких магазинов и небольшого парка, — а Мэйбл с детства привыкла к настоящей городской жизни в многолюдном Бирмингеме. И местный климат с палящим летним зноем, затяжными дождями и студёными зимами она сочла просто ужасным. «Степь печальная и дикая, — писала она домой. — Отвратительная пустыня!».

Однако делать было нечего: оставалось только привыкать. Артур работал на износ, чтобы отличиться перед руководством банка, и почти всё время проводил вне дома. Но, казалось, такая жизнь вполне его устраивает. У него появились друзья на работе, он был поглощён делами, и задумываться о менее привлекательных сторонах жизни в Блумфонтейне ему было просто некогда. На все огорчения Мэйбл он, похоже, смотрел сквозь пальцы, полагая, что это всего лишь временная депрессия, которая скоро пройдёт.

Мэйбл честно старалась наладить нормальную семейную жизнь и целиком посвятила себя заботам о муже. Порой ей удавалось уговорить Артура взять выходной, и тогда они отправлялись на прогулку или в единственный местный клуб, поиграть в теннис. А иногда они просто сидели дома вдвоём и читали друг другу вслух.

И оба они очень обрадовались, когда Мэйбл поняла, что ждёт ребёнка. Теперь она и думать бы забыла о своих горестях, если бы всё дело было только в скуке. Но беда оказалась ещё и в том, что хорошего врача было не сыскать во всём городке. Мэйбл не раз намекала мужу, что неплохо бы ему взять отпуск и отвезти её в Англию на время родов, но Артур всякий раз отвечал, что не может себе этого позволить. Наконец, взвесив все «за» и «против», Мэйбл не отважилась плыть домой в одиночестве и рожать без поддержки мужа и предпочла на свой страх и риск остаться в Блумфонтейне.

Сын Артура и Мэйбл появился на свет 3 января 1892 года. Его назвали Джоном, но этим дело не кончилось. Артур настаивал, чтобы мальчику дали второе имя «Рейел», как это было принято в семействе Толкиенов вот уже несколько поколений, но Мэйбл больше нравилось имя «Рональд». В конце концов, они пришли к обоюдному согласию, и 31 января 1893 года, при крещении в Блумфонтейнском соборе, мальчик получил имя «Джон Рональд Рейел Толкиен». Любопытно, что Джоном его никто никогда не звал. И родители, и, впоследствии, жена называли его Рональдом,

школьные товарищи — Джоном Рональдом, а в университете он получил типичное для тех времён грубоватое прозвище «Толлерс», то есть «Звонарь». Коллеги именовали его «Дж.Р.Р.Т.», а в официальных ситуациях — «профессор Толкиен». И, наконец, всему миру он стал известен как «Дж.Р.Р. Толкиен». Или совсем просто — «Толкиен».

Дни его младенчества, как и следовало ожидать, протекали по-африкански экзотично — подобные приключения никогда бы не выпали ему на долю в Бирмингеме. Сохранилось несколько семейных преданий, которые Толкиен запомнил на всю жизнь и потом рассказывал собственным детям. Однажды, например, соседская обезьяна забралась в сад Толкиенов и разорвала в клочья три распашонки маленького Рональда, сушившиеся на верёвке. А в другой раз один из домашних слуг, мальчик по имени Исаак, взял малыша и понёс показать его своим родным, жившим на самой окраине. Как ни странно, Толкиены его не уволили.

Одним словом, для маленького ребёнка жизнь в Блумфонтейне была полна опасностей. Резкие перепады погоды и первое лето в Южной Африке с младенцем на руках доставили Мэйбл немало хлопот. Их постоянно донимали мухи, а жара не спадала неделями. Сад заполонили ядовитые змеи и насекомые, и на втором году жизни малыша укусил тарантул. Спасся он только благодаря сообразительной и опытной няне, которая быстро обнаружила ранку и высосала яд[3].

Впрочем, для Мэйбл с рождением ребёнка жизнь во многом изменилась к лучшему. Артур по-прежнему пропадал в банке целыми днями, но весной 1892 года в Блумфонтейн приехали сестра и зять Мэйбл — Мэй и Уолтер Инклдоны. Уолтер собирался вложить деньги в местный горный промысел и хотел лично осмотреть золотые прииски. Теперь Мэйбл не страдала от недостатка общения, и, к тому же, сестра помогала ей ухаживать за ребёнком. Но всё равно она тосковала по родным краям и не могла смириться с тем, что Артур так мало времени уделяет семье. А вскоре положение осложнилось новой беременностью.

Хилари Толкиен родился 17 февраля 1894 года, на исходе долгого лета, особенно жаркого и мучительного. Не удивительно, что вскоре после родов Мэйбл снова впала в депрессию. Инклдоны вернулись в Европу, и теперь Мэйбл предстояло одной растить двух малышей в крайне неуютной обстановке. На помощь мужа рассчитывать не приходилось. Хилари, к счастью, оказался крепким и здоровым мальчиком, но Рональд постоянно болел. У него была слабая грудь, и он плохо переносил и летнюю пыль, и духоту, и холодные зимние ветры; а затем к вечным простудам

добавились кожные болезни и глазные инфекции. В ноябре 1894 года Мэйбл почувствовала, что ей просто необходимо на время сменить обстановку, и отправилась с детьми в Кейптаун — отдохнуть и подышать свежим воздухом. Артуру тоже не помешало бы взять отпуск, но он по-прежнему стоял на своём и твердил, что не может позволить себе даже короткой передышки. Он остался в Блумфонтейне и провёл очередное изнурительное лето в одиночестве.

А Мэйбл после этой поездки преисполнилась решимости избавить свою семью от пыли и пустынных ветров на мало-мальски заметный срок. Она с новыми силами стала уговаривать Артура навестить родительский дом. Он не виделся с родными уже почти шесть лет и заслужил по меньшей мере годичный отпуск. Но Артур и слышать ничего не желал: ведь если он уедет, на его место в банке могут взять кого-то другого! Он предложил Мэйбл самой поехать в Англию с мальчиками, пообещав, впрочем, что присоединится к ним, если к следующему лету успеет уладить все дела.

Итак, в апреле 1895 года Мэйбл, Рональд и Хилари взошли на борт парохода «Гвельф», за три недели доставившего их из Кейптауна в Саутгемптон. Там их встретила самая младшая из сестёр Мэйбл, Эмили Джейн, которую мальчикам представили как тётушку Джейн. До Бирмингема они добрались поездом. Саффилды жили в тесноте, и Мэйбл пришлось поселиться в одной комнате с детьми. Им досталась одна кровать на троих.

Кроме Мэйбл и детей, в этом крошечном домике на одной из улиц района Кингз-Хит ютилось ещё пятеро взрослых: родители Мэйбл, её сестра и младший брат, а кроме того — постоялец, молодой блондин по имени Эдвин Нив, который работал в страховой компании, а в свободное время флиртовал с Эмили Джейн или развлекал Рональда игрой на банджо и песнями из репертуара мюзик-холлов. Но и такая жизнь казалась Мэйбл вполне уютной — в сравнении с тем, что ей приходилось терпеть в Блумфонтейне. Климат здесь был мягкий, дом не сотрясался от свирепых порывов ветра, и можно было спокойно гулять в саду, не опасаясь наступить на змею или тарантула. Конечно, Мэйбл скучала по мужу…но, в конце концов, он сам предпочёл остаться в Африке. А здоровье детей было для Мэйбл дороже всего.

Разумеется, Артур тоже скучал. Он часто писал Мэйбл, сокрушаясь о том, что разлука затягивается, но всякий раз повторял, что не может оставить работу даже на несколько месяцев. Похоже, им овладел навязчивый страх потерять место и погубить свою карьеру безвозвратно.

А Южная Африка к тому времени уже стояла на краю

катастрофы. Буры под предводительством Пауля Крюгера[4] уже готовили восстание против англичан и собирали партизанское войско в Трансваале. И пока Артур Толкиен управлял финансами богатых европейцев в Блумфонтейне, Крюгер вёл переговоры о военном союзе между Трансваалем и Оранжевой свободной республикой. До англо-бурской войны оставалось всего несколько лет. Британским подданным, жившим в новых коммерческих центрах, к числу которых принадлежал и Блумфонтейн, приходилось всерьёз опасаться за своё будущее, но Артур мог утешаться хотя бы тем, что семья его сейчас в безопасности.

Но в ноябре 1895 года Мэйбл получила тревожное известие. Артур заболел ревматической лихорадкой. Это была опасная болезнь, и Мэйбл вновь стала умолять Артура на время оставить работу и приехать в Англию, к семье. Но он всё так же упрямо отказывался — на сей раз под предлогом, что не перенесёт холодной английской зимы.

В Блумфонтейне между тем наступило лето, и состояние Артура Толкиена резко ухудшилось. Узнав об этом из очередного письма, Мэйбл решила вернуться в Южную Африку вместе с мальчиками. В конце января 1896 году она начала готовиться к отъезду и заказала билеты на пароход. 14 февраля 1896 года четырёхлетний Рональд продиктовал письмо к отцу (сам он писать ещё не умел), в котором говорилось, как он по нему скучает и как ему не терпится снова увидеться с ним после долгой разлуки.

Но это письмо так и не было отправлено. На следующий день пришло известие, что Артур скончался от сильного кровотечения. Убитая горем Мэйбл немедленно упаковала вещи, оставила мальчиков на попечение своих родителей и села на первый же пароход до Кейптауна. К тому времени, как она добралась до Блумфонтейна, её мужа, с которым она не прожила и пяти лет, уже похоронили на местном кладбище.

А для Рональда началась новая жизнь. Из блумфонтейнской глуши он попал в Бирмингем — бурно растущий промышленный центр, второй по величине среди английских городов, один из столпов Британской империи. В прошлом остались и открытые степи, тянущиеся до самого горизонта, и красное солнце, садящееся за дальние холмы; в прошлом остались игры в саду под навесом, едва спасавшим от палящего зноя и пыли в послеполуденные часы. Теперь Рональда окружал мир однообразных городских домов, кирпичных труб, асфальтированных дворов и заводского дыма.

Несмотря на то, что Артур трудился не покладая рук, подорвал здоровье на работе и умер, так и не позволив себе

сделать передышку, его вдова и двое детей остались почти без гроша. Весь его капитал, вложенный в золотые прииски Бонанзы, приносил Мэйбл лишь тридцать шиллингов в неделю. Этого ей с детьми едва хватало на самую скромную жизнь. Ни Саффилды, ни родители Артура не могли оказать им финансовую поддержку, и только зять Мэйбл, Уолтер Инклдон, немного помогал им деньгами. Мэйбл, Рональд и Хилари прожили у Саффилдов уже девять месяцев, и всё семейство страдало от ужасной тесноты. Во что бы то ни стало нужно было подыскать какое-нибудь недорогое жильё.

И к лету 1896 года Мэйбл нашла подходящий коттедж — дом номер 5 по Грейсуэлл-стрит в деревушке Сэйрхоул, в полутора милях к югу от города. В наши дни Сэйрхоул — один из окраинных районов Бирмингема, густонаселённый и сплошь застроенный бетонными домами, но в те времена, когда здесь поселилась Мэйбл Толкиен с сыновьями, это всё ещё было мирное и безмятежное местечко, вдали от городского шума и суеты, в окружении полей и лесов. А в симпатичном кирпичном коттеджике с небольшой террасой Рональд сразу же почувствовал себя как дома.

Воспоминания об этой сельской идиллии он бережно лелеял до самой старости. Дом был небольшим, но уютным, а пожилые жильцы соседнего коттеджа приняли Мэйбл и детей дружелюбно и старались поддерживать их, чем могли. Хилари к моменту переезда было всего два с половиной года, но вскоре он уже начал играть со старшим братом в полях вокруг дома и сопровождать его в долгих прогулках, полных удивительных приключений. Иногда они добирались даже до соседней деревни Холл-Грин и со временем подружились с тамошними ребятами.

Братья были необыкновенно привязаны друг к другу, что и не удивительно — ведь они росли без отца. По этой же причине очень близкие отношения у них сложились и с матерью. С ранних лет мальчики привыкли давать волю фантазии и постоянно изобретали всевозможные игры и развлечения. Одному местному фермеру они отвели роль злого колдуна, и в их воображении мирная загородная местность превратилась в настоящий парк аттракционов, населённый добрыми и злыми волшебниками, соперничающими между собой за власть. Долгие летние дни братья проводили в крестовых походах и дальних странствиях (по местным лесам), защищая невинных и сражаясь со злодеями. Порой они ходили собирать ежевику в живописной лощине, которую окрестили «Долом». Особенно же в душу юному Рональду запала местная мельница, стоявшая близ Грейсуэлл-стрит. Ею владели два нелюдимых мельника — отец и сын. У

старшего была длинная чёрная борода, но вёл он себя довольно смирно. А вот младший мельник, судя по всему, терпеть не мог детей и казался им очень страшным. Рональд и Хилари прозвали его Белым Людоедом — потому что он был вечно покрыт мукой с головы до ног. Почти полвека спустя эти персонажи детских фантазий обрели новую жизнь в образах мельников из Хоббитании — досужего сплетника Пескунса и его противного сыночка Тода.

Научившись читать, Рональд стал не просто фантазировать, а сочинять целые сказки о великанах и драконах. Мать поощряла его и знакомила с лучшими детскими книгами того времени. Он прочёл и «Остров сокровищ», и «Алису в стране чудес», и старинное предание о Гамельнском крысолове. Но больше всего семилетнему Рональду пришлась по душе «Красная книга сказок» Эндрю Лэнга[5]. Лэнг, шотландский учёный, коллекционировал и адаптировал для детей народные сказки, и его сборники волшебных историй пользовались большой популярностью. Рональд обожал их и без конца перечитывал — в особенности те, в которых повествовалось о драконах и морских змеях, о чудесных приключениях и подвигах благородных рыцарей.

Так Толкиен пристрастился к чтению, а вскоре Мэйбл обнаружила в нём и врождённую способность к иностранным языкам. Она сама обучала обоих сыновей, и когда Рональду исполнилось семь лет, стала преподавать ему французский и начатки латыни, которой он немедленно увлёкся. В тот же период Мэйбл, которая сама была способной пианисткой, попыталась привить мальчикам интерес к музыке. Хилари оправдал её надежды, но Рональда игра на фортепиано не привлекла.

Может показаться странным, что Толкиен, вложивший в уста эльфов и хоббитов так много замечательных стихов и песен, сам остался равнодушен к музыке на всю жизнь. Он редко ходил на концерты; его жена Эдит превосходно играла на фортепиано, но он почти никогда её не слушал; джаз, джайв, и поп-музыка его раздражали; а однажды он даже заявил, что детский хор в церкви, которую он посещает, только портит богослужения. Судя по всему, музыка так никогда и не вошла в круг его художественных интересов[6].

Жизнь в Сэйрхоуле текла мирно и счастливо. Рональд любил эту деревушку, а его фантазии теперь питались чудесными образами сказок и старинных легенд. И время это он до конца дней вспоминал как самую безмятежную и блаженную пору своей жизни. А воспоминания о Южной Африке изгладились; быстро потускнел в памяти и образ отца, с которым Рональд в раннем детстве общался очень мало. Детством для Толкиена стала

именно жизнь в Сэйрхоуле с братом и нежно любимой матерью, а всё то, что было раньше, значения не имело.

Но длиться вечно эта волшебная пора не могла — и настал день, когда жизнь юного Рональда снова переменилась. На исходе тысяча девятисотого года, когда Рональду вот-вот должно было исполниться девять, Мэйбл с детьми вернулась в Бирмингем.

И на то были свои причины. Прежде всего, Мэйбл хотела, чтобы мальчики ходили в городскую школу. В 1899 году Рональд держал вступительные экзамены в престижную классическую школу короля Эдуарда, в которой когда-то учился его отец. Он потерпел неудачу, но на следующий год успешно сдал экзамены и в сентябре 1900 года начал посещать занятия. Однако школа находилась в четырёх милях от Сэйрхоула, а оплачивать поездки на поезде Мэйбл не могла, так что Рональд был вынужден каждый день проходить пешком в общей сложности восемь миль. Долго так продолжаться не могло, и Мэйбл решила, что пора перебираться в город, каких бы огорчений это ни стоило её мальчикам.

Но ещё более веским в глазах Мэйбл было другое основание для переезда. Дело в том, что ещё в 1899 году она встала на путь обращения в католичество, а ближайшая католическая церковь находилась в центре Бирмингема.

Прежде Мэйбл была верной приверженкой англиканства, но нетрудно понять, почему именно в лоне католической церкви она попыталась обрести утешение после безвременной смерти мужа. Рональд и Хилари довольствовались общением между собой, но у Мэйбл было не так уж много друзей. Со своей семьёй, в особенности с сестрой Джейн, она поддерживала близкие отношения, но с родными мужа была знакома плохо. Дед Рональда по отцовской линии умер полугодом раньше Артура, а со свекровью, Мэри Толкиен, Мэйбл так и не нашла общий язык.

О повторном замужестве Мэйбл Толкиен не желала и думать. Да и шансов найти нового жениха у неё практически не было. Тридцатилетняя вдова, живущая в деревне с двумя детьми и без гроша за душой, не могла считаться завидной невестой. Но Мэйбл это ничуть не смущало: она хотела воспитывать сыновей так, как сама считала нужным, а будучи женщиной сильной и независимой, не видела смысла выходить замуж только ради того, чтобы у мальчиков появился отчим.

И всё же Мэйбл не смогла полностью оценить последствия своего решения. Она не предвидела, что своим обращением в католичество восстановит против себя всю семью. Отец Мэйбл, Джон Саффилд, был воспитан в строгой методистской вере, а позднее стал унитарием. Католическую церковь он ненавидел

всеми фибрами души, и «отступничество» дочери возмутило его донельзя. С неодобрением отнёсся к поступку Мэйбл и её зять, Уолтер Инклдон, когда-то навестивший Толкиенов в Блумфонтейне.

Уолтер нажил довольно заметное состояние на удачных капиталовложениях и теперь считался одним из столпов англиканской общины Бирмингема. Обращение Мэйбл в католичество не только задело его лично, но и поставило под угрозу его положение в обществе, а потому он тотчас же лишил свояченицу и племянников того небольшого пособия, которое выплачивал им после смерти Артура. Мэйбл и до того едва сводила концы с концами, а теперь и вовсе оказалась на грани нищеты.

Но эта всеобщая враждебность, разумеется, только подтолкнула её в объятия «папистов». С 1900 года она почти перестала общаться с отцом и зятем, а также и с Мэри Толкиен, ещё одной убеждённой противницей католицизма. Из всех родственников она теперь поддерживала связи только с братом и сестрой.

С личной неприязнью со стороны большинства родных ещё можно было смириться, но финансовые трудности казались почти неразрешимыми. Устроиться на работу Мэйбл не могла, так как никому не желала доверить присмотр за Рональдом и Хилари. В конце концов она решила, что сможет обходиться малым, если будет вести хозяйство экономно. Единственной статьёй дохода остались скудные дивиденды от вложений Артура. Мэйбл сняла дешёвый домик в районе Моузли — убогий и мрачный, с грязными тюлевыми занавесками на узких оконцах. Это место надолго запомнилось Толкиену как «ужасная дыра».

Но здесь они прожили лишь несколько месяцев, так как выяснилось, что дом идёт под снос. Из Моузли они перебрались в район станции Кингз-Хит и, таким образом, оказались всего в нескольких кварталах от Саффилдов. Но Мэйбл путь в родительский дом был заказан, и мальчики могли навещать дедушку с бабушкой только в сопровождении тётушки Джейн. Детям новое место пришлось по вкусу: прямо за оградой сада проходила железная дорога, а чуть поодаль была станция, где поезда делали последнюю остановку на пути к главному бирмингемскому вокзалу. Таким образом, в жизни Рональда и Хилари появилось новое развлечение. А Мэйбл этот дом нравился тем, что по соседству с ним стояла католическая церковь Святого Дунстана, которую мальчики вслед за матерью начали посещать с 1901 года.

Этот год оказался непростым не только для Толкиенов, но и

для многих других семейств по всей стране. Война с бурами тянулась уже два года и конца ей не предвиделось. В январе скончалась королева Виктория, и на трон взошёл её сын Эдуард VII, стареющий повеса. А Мэйбл, естественно, была измучена всем, что ей пришлось пережить после отъезда из Блумфонтейна, и отчаянно нуждалась и в поддержке со стороны, и в какой-то новой внутренней опоре.

Церковь Святого Дунстана, к сожалению, не дала ей ни того, ни другого. Но в начале 1902 года Мэйбл случайно обнаружила Бирмингемскую ораторианскую церковь[7] в пригороде Эджбастон, где уже более полувека действовала конгрегация католических священников. Храм этот основал в 1849 году Джон Генри Ньюмен[8], самый знаменитый церковный деятель своего времени, бывший сначала священником англиканской церкви, а в 1844 году перешедший в католичество. Он побывал в Риме, где и был принят в лоно католической церкви, а моделью для бирмингемского храма ему послужила ватиканская конгрегация ораторианцев. Мэйбл эта церковь привлекла тем, что священники здесь вели службу в полном соответствии с её чаяниями. Кроме того, неподалёку находилась католическая школа Святого Филиппа, а самое главное — дом по соседству со школой сдавался внаём. В этот дом, здание номер 26 по Оливер-роуд, Толкиены и перебрались в январе 1902 года, в пятый раз сменив место жительства за время своего пребывания в Бирмингеме.

Жизнь их во многих отношениях изменилась к лучшему, и Мэйбл впервые за несколько лет почувствовала себя счастливой — по крайней мере, на какое-то время. В ораторианской церкви она нашла столь необходимую ей поддержку и обрела доброго друга в лице одного из священников — отца Фрэнсиса Хавьера Моргана.

Отец Фрэнсис начал посещать Толкиенов вскоре после того, как они переселились на Оливер-роуд, и стал их семейным духовником и близким другом. Он был наполовину валлиец (по отцовской линии), на четверть англичанин и на четверть — испанец, невысокий, но крепко сбитый, темноволосый и невероятно энергичный. Он говорил низким рокочущим голосом, и стоило ему войти в парадную дверь, как дом начинал сотрясаться от раскатов его гулкого смеха. Хилари и Рональд любили и уважали отца Фрэнсиса, а Мэйбл доверяла ему безраздельно.

И всё же отец Фрэнсис не мог предложить Мэйбл ничего, кроме духовного руководства. Материальные затруднения ей по-прежнему приходилось разрешать своими силами. Денег постоянно не хватало, а Эджбастон в те времена был районом

трущоб. По вечерам на улицах было небезопасно, и в зимние месяцы, когда темнело уже в пять часов, мальчики по возвращении из школы обычно сидели в четырёх стенах.

К тому же, школа Святого Филиппа оказалась скверной, что в те времена вообще было типично для государственных школ в бедных городских районах. В тесной классной комнате сидело пятьдесят-шестьдесят детей, а скучающие полуграмотные учителя вдалбливали им азы грамматики и математики. Образовательный уровень в школе Святого Филиппа был очень низкий: здесь готовили рабочую силу для местных фабрик, магазинов и складов.

К счастью для Рональда и Хилари, приверженность римской церкви не заставила Мэйбл закрыть глаза на недостатки этого католического заведения. Уже через несколько месяцев она забрала мальчиков из школы Святого Филиппа и снова стала учить их самостоятельно. В то же время она восстановила связи со школой короля Эдуарда, рассчитывая со временем отдать туда обоих сыновей.

В 1903 году Рональд действительно вернулся в школу короля Эдуарда, где ему назначили стипендию. Однако Хилари не прошёл вступительные экзамены. Мэйбл не считала успехи старшего сына своей заслугой, но и не принимала на себя вину за провал Хилари. Она уже понимала, что у Рональда дисциплинированный ум и явные способности к учёбе, а его брат, напротив, витает в облаках и, как говорится, не от мира сего. Поэтому младшего сына Мэйбл продолжила обучать дома в надежде, что он выдержит экзамены со второй попытки.

А одиннадцатилетний Рональд осенью снова стал ходить на занятия. Он пропустил два учебных года, но мать хорошо его подготовила и он без труда справлялся со всеми заданиями. Интерес к языкам у него не пропал — более того, он уже выказывал все задатки талантливого лингвиста. И школа короля Эдуарда предоставила все возможности для развития этого дара. Кроме французского и немецкого языков, входивших в обязательную программу, Рональд начал изучать греческий. Благодаря преподавателю Джорджу Бруэртону, который был весьма яркой и энергичной личностью и страстным поклонником средневековой литературы, юный Толкиен познакомился с поэзией Чосера и открыл для себя сокровищницу среднеанглийского языка[9]. К концу года Мэйбл уже могла с гордостью сообщить в письме к своей свекрови, Мэри Толкиен, что юный Рональд, недавно прошедший конфирмацию[10] в ораторианской церкви, делает большие успехи в учёбе и легко читает книги, рассчитанные на подростков пятнадцати лет.

Но в начале 1904 года радость от конфирмации и первого причастия Рональда омрачилась первыми предвестиями грядущих бед. Мэйбл сильно нездоровилось, и вскоре стало ясно, что её усталость объясняется не только заботами о детях и постоянным напряжением от жизни на краю нищеты. Обнаружилось, что Мэйбл больна диабетом.

В 1904 году лечить диабет не умели: врачи ещё ничего не знали о роли инсулина. Состояние Мэйбл быстро ухудшалось, и в апреле она попала в больницу.

Поначалу родственники её пришли в растерянность: никто не знал, как теперь быть с мальчиками. Из дома на Оливер-роуд вывезли всё имущество, договор об аренде расторгли. Мэйбл лежала в больнице, но врачи бессильны были помочь ей: оставалось лишь надеяться, что длительный отдых позволит ей набраться сил. Взять на содержание обоих мальчиков никто из родных не мог, поэтому Рональда и Хилари временно разлучили. Хилари отправили к дедушке и бабушке, а Рональда приютила тётушка Джейн, которая к тому времени уже вышла замуж за бывшего постояльца Саффилдов — страхового агента Эдвина Нива, достопамятного любителя банджо. Супруги Нив жили на южном побережье Англии — в Хоуве, близ Брайтона, так что Рональду пришлось снова прервать занятия в школе. Впрочем, он старался не отстать от программы, читал рекомендованную литературу и продолжал изучать языки самостоятельно.

К июню Мэйбл, вопреки всем опасениям, немного оправилась, и её выписали из больницы. Отец Фрэнсис подыскал для неё и мальчиков две комнаты (спальню и гостиную) в маленьком коттеджике, который принадлежал ораторианской церкви и был сдан внаём местному почтальону. Коттедж стоял на землях ораторианского пансиона, в котором селились больные и пожилые члены конгрегации (участок этот ещё полвека назад приобрёл основатель церкви Джон Генри Ньюмен). За небольшую плату жена почтальона, миссис Тилл, согласилась заботиться о семье Толкиенов и готовить для них еду.

Лето 1904 года запомнилось Рональду как самый идиллический период его детства. В дальнейшем этот чистый образец английской сельской жизни почти наверняка послужил ему моделью для пасторальных картин Хоббитании. Рональд не осознавал, насколько тяжело больна его мать, и был убеждён, что она скоро выздоровеет. Он тосковал по Сэйрхоулу все четыре года с того самого дня, когда им пришлось расстаться с этим уютным уголком. Но с переездом в крошечную деревушку Реднэл, расположенную в самом сердце Вустершира, вдали от бирмингемской грязи и смога, он как будто вновь обрёл свой

потерянный рай. В солнечные дни, которых в то славное лето выдалось немало, Рональд и Хилари подолгу гуляли в окрестных лесах, лазили по деревьям, рисовали и запускали воздушных змеев.

За это лето мальчики сдружились с отцом Фрэнсисом. Он часто навещал их и сопровождал на прогулках или просто сидел на веранде ораторианского пансиона, покуривая длинную трубку вишнёвого дерева. Впоследствии Толкиен утверждал, что сам стал курильщиком именно под впечатлением от этой живописной картины.

Но, как это ни печально, идиллия продлилась недолго. С сентября Рональд снова стал ходить в школу (Хилари по-прежнему учился дома). Ему приходилось тратить по полтора часа утром и вечером на дорогу до станции и обратно; темнело теперь рано, и Хилари по вечерам встречал брата на станции с фонарём.

А состояние Мэйбл всё ухудшалось, хоть мальчики этого и не замечали. Диабет прогрессировал, и 14 ноября она упала без сознания в гостиной реднэлского коттеджа, прямо на глазах у Рональда и Хилари. Для мальчиков это было поистине ужасной неожиданностью, но ничем помочь матери они не могли. Мэйбл впала в кому и шесть дней спустя скончалась в возрасте тридцати четырёх лет. Миссис Тилл утешала несчастных мальчиков, как могла, а у постели Мэйбл в её смертный час стояли только её сестра Мэй Инклдон и отец Фрэнсис.

Глава 2. Две женщины

Толкиен так и не простил до конца своих родственников: он полагал, что они довели Мэйбл до болезни своим неприятием католичества. Они отказывали ей в поддержке, даже когда она уже слегла, и Толкиен не мог не винить их в её безвременной кончине.

Отчасти эти обвинения объясняются возмущением и горечью, вполне естественными для мальчика, потерявшего горячо любимую мать. Но не следует считать их вовсе безосновательными: Мэйбл действительно была угнетена и огорчена до глубины души реакцией родных на её обращение, и не исключено, что именно это и стало первым толчком к болезни. Время не залечило рану: даже через тридцать семь лет после смерти матери, в письме от 1941 года, Толкиен рассказывал своему сыну Майклу о том, какой прекрасной, умной и образованной женщиной была Мэйбл, сколько невзгод пришлось перенести ей в своей жизни и каким гонениям она подверглась, перейдя в католичество. Он был убеждён, что именно душевные страдания оборвали её жизнь так рано.

Смерть Мэйбл Толкиен оставила глубокий след в душе юного Рональда и во многом предопределила его личное отношение к религии. Правда, на склоне лет Толкиен заявлял, что католическая вера нашла отклик в его душе ещё до смерти матери, и в другом письме к Майклу, в 1963 году, писал: «Я проникся любовью к Святому Причастию с самого начала — и, милостью Божьей, сохранил эту любовь навсегда»[11].

Возможно, так оно и было, но не вызывает сомнений и то, что Толкиен прочно ассоциировал свою мать с католичеством и чтил её как мученицу, пострадавшую за веру и ради блага своих сыновей. Для двенадцатилетнего Рональда образ матери и католическая вера были связаны неразрывно. С того времени он и оставался убеждённым и ревностным поборником католицизма; и, как мы увидим, эта глубокая религиозность повлияла на всю его дальнейшую жизнь и карьеру, стала одним из столпов созданной им мифологии и одним из главных источников его творческого вдохновения.

Раннее сиротство серьёзно отразилось и на характере Рональда. Он с детства был дружелюбным, общительным и весёлым и сохранил эти черты на всю жизнь — по крайней мере, во внешнем поведении. И в зрелые годы он мог с лёгкостью поддерживать беседу с кем угодно и почти на любую тему. Но с ноября 1904 года в его личности появилась новая, довольно

мрачная, сторона. Прежде он жил в бедности; ему приходилось постоянно переезжать с места на места, меняя одно неуютное жильё на другое, столь же негостеприимное; он замечал, с какой неприязнью относились дедушка и бабушка к его нежно любимой матери, и отчасти понимал причины этой враждебности; и, наконец, в глубине души он всё ещё хранил горькую память об утрате отца. Все эти лишения закалили его, воспитали в нём терпение и гибкость и научили приспосабливаться к переменам. Однако смерть матери стала для него слишком жестоким ударом судьбы и не могла не показаться ему бессмысленной. Она пробудила в нём глубинное чувство тщетности всех человеческих усилий. Что бы человек ни делал, в конечном счёте всему придёт конец.

Временами отчаяние захлёстывало его и повергало в тяжёлую депрессию. В такие периоды он едва находил в себе силы работать и общаться с людьми — даже с близкими друзьями и родными. Одному другу он писал в минуту уныния: «В каком ужасном мире мы живём! Наш мир омрачён страхом и отягощён скорбью»[12].

В первые дни после похорон Мэйбл родственники Толкиена пребывали в замешательстве: они не знали, как поступить с Рональдом и Хилари. Незадолго до смерти Мэйбл назначила опекуном мальчиков отца Фрэнсиса, но жить в ораторианской общине они не могли. Зашла было речь о том, чтобы отдать их в пансион, но этот вариант быстро отвергли: таких расходов Саффилды не могли себе позволить. Стипендии, которую назначили Рональду в школе короля Эдуарда, хватало только на оплату учёбы, но не на жильё и стол, а Хилари только что прошёл вступительные экзамены и был принят в школу лишь на правах приходящего ученика.

Проблема разрешилась благодаря одной из родственниц со стороны Саффилдов — тётушке Беатрис, которая согласилась поселить мальчиков у себя на Стерлинг-стрит, в бирмингемском районе Эджбастон. Когда-то Беатрис была замужем за младшим братом Мэйбл, Уильямом, но тот умер несколькими месяцами раньше сестры, и Беатрис осталась одна в довольно просторном домом с несколькими свободными комнатами. Она всё ещё была в глубоком трауре, да и от природы не отличалась сердечностью и радушием. Она отвела мальчикам большую комнату и готовила им еду, но не выказывала ни малейшего интереса к их занятиям и переживаниям. Однажды Рональд зашёл на кухню и в ужасе увидел, как Беатрис помешивает в очаге кучку пепла — всё, что осталось от писем и личных бумаг его матери. Тётушка не желала племянникам ничего дурного — просто у неё было чёрствое

сердце. Она подумала, что мальчикам эти бумаги ни к чему, и решила от них избавиться.

Поначалу жизнь на Стерлинг-стрит повергала Рональда в уныние. Он снова вернулся в мрачные бирмингемские трущобы, в тот же район, где они жили с матерью до периода недолгой реднэлской идиллии. Из его спальни видны были только крыши и заводские трубы; он лишился даже таких маленьких радостей, как проезжающие под окном поезда. Беатрис почти не общалась с мальчиками, и в доме было темно и скучно, особенно в долгие месяцы той первой зимы после смерти Мэйбл. Первое Рождество без матери стало для Рональда самым печальным за всю его жизнь.

Однако в жизни братьев была и светлая сторона: они привыкли полагаться на церковь и дружбу с отцом Фрэнсисом, и теперь проводили в ораторианском храме едва ли не больше времени, чем на Стерлинг-стрит. Каждое утро Хилари и Рональд мчались вдоль по улице, мимо школы Святого Филиппа и своего бывшего дома на Оливер-роуд, к воротам церкви. Они прислуживали отцу Фрэнсису на мессе и делили с ним утреннюю трапезу. Затем они отправлялись в школу — пешком или, изредка, в омнибусе. А в четыре часа, когда заканчивались занятия, братья встречались у школьных ворот и возвращались в храм, где пили чай и проводили вечерние часы со своим опекуном.

Столь тёплые отношения с отцом Фрэнсисом укрепили в душе Рональда привязанность к католичеству и решимость пойти по стопам матери. Ни Толкиены, ни Саффилды не отважились опротестовать волю Мэйбл и оторвать её сыновей от римской церкви. Праздничные дни мальчики проводили в гостях у Мэй и Уолтера Инклдонов, играя со своими двоюродными сёстрами — Мэй и Марджори. И в доме деда и бабки их всегда принимали с радостью.

Кроме того, Рональд любил учиться, и это также отвлекало его от мрачных мыслей. В школе он пользовался всеобщей любовью, как у однокашников, так и среди учителей. Он увлекался самыми разными предметами и охотно занимался спортом. Особенно его привлекало регби. К концу 1905 года Толкиен стал первым учеником в классе и обрёл близкого друга в лице Кристофера Уайзмена.

Кристофер был на год младше Рональда, но их объединяло немало общих интересов. Кристофер был очень способным учеником и в том же 1905 году занял второе место по успеваемости. Так между ними зародилось дружеское соперничество, не прекратившееся и по окончании школы. Оба

они страстно увлекались языками и исторической лингвистикой. Джордж Бруэртон, который несколькими годами ранее приобщил Рональда к сокровищнице среднеанглийского языка, теперь почувствовал, что оба его лучших ученика созрели для изучения другого древнего языка — англосаксонского. Так они познакомились с памятниками дочосеровской литературы и, прежде всего, с великим древнеанглийским эпосом — «Беовульфом».

На летних каникулах, когда, в отличие от каникул пасхальных, не приходилось напряжённо готовиться к экзаменам, Рональд и Хилари большую часть времени проводили в ораторианском храме. Кроме того, раз в году отцу Фрэнсису удавалось ненадолго вывозить их из Бирмингема. Обычно они отдыхали в дорсетском городке Лайм-Риджис. Они останавливались в уютной гостинице «Три чаши» на Брод-стрит, целыми днями гуляли по взморью и скалам и порой даже купались в холодных горных озерцах.

Отец Фрэнсис был не просто другом семьи, взявшим на себя обязанности опекуна. Он по-настоящему заменил мальчикам отца. Он любил их, как родных сыновей, и относился к ним обоим с искренним уважением, так что Рональд и Хилари могли поверять ему все свои заботы и беседовать с ним куда свободнее, чем большинству мальчиков их возраста удаётся общаться с родными отцами[13]. Поэтому отец Фрэнсис быстро понял, что в гнетущей атмосфере дома на Стерлинг-стрит им приходится нелегко.

К счастью, у него уже был на примете другой вариант. Он был хорошо знаком с местным виноторговцем мистером Фолкнером и его общительной женой, каждую неделю устраивавшей музыкальные вечера, на которых часто бывали священники ораторианской общины. Фолкнеры владели большим домом на Дачис-роуд в гораздо более респектабельном районе, чем Эджбастон, где жила тётушка Беатрис. Фолкнеры сдавали комнаты внаём, и отцу Фрэнсису стало известно, что одна большая комната на третьем этаже пустует. В феврале 1908 года Рональд и Хилари упаковали чемоданы, попрощались с тётушкой Беатрис и в очередной раз перебрались на новое место.

Рональд был очень доволен. Сам по себе дом на Дачис-роуд оказался довольно неприглядным: стены его заросли ползучими растениями, а комнаты были загромождены уродливой мебелью. Однако здесь было чисто и светло — особенно по сравнению с мрачным жилищем на Стерлинг-роуд. Фолкнеры были людьми гостеприимными, и в доме постоянно слышались музыка и смех. Сама миссис Фолкнер прекрасно музицировала, вела светский

образ жизни и изо всех сил стремилась войти в высшее общество, но это не мешало ей оставаться весёлой и жизнерадостной и относиться к братьям Толкиенам с искренней приязнью.

Кроме того, Фолкнеры жили на широкую ногу — с подобной роскошью мальчикам ещё не приходилось сталкиваться. В доме даже была горничная, молодая девушка по имени Энни. Конечно, Рональд всё ещё тосковал по сельской жизни и вольным просторам Сэйрхоула и Реднэла, но и на Дачис-роуд оказалось вовсе не так уж плохо. А на следующий день после новоселья, расположившись в своей комнате на третьем этаже и разобрав чемоданы, Рональд и Хилари спустились к обеду и обнаружили, что они — не единственные постояльцы в этом доме. Комнату прямо под ними, на втором этаже, занимала молодая и очень хорошенькая девушка, изящно сложённая, сероглазая, с модной по тем временам короткой стрижкой. Её звали Эдит Брэтт. Ей было девятнадцать лет, и Рональду, который был почти на три года младше, она показалась соблазнительно зрелой.

У Эдит было с ним много общего. Её мать, Франсис Брэтт, умерла пятью годами раньше, а отца своего она не знала, так как родилась вне брака. В конце 1888 года Франсис уехала в Глостершир, где 21 января 1889 года и родила дочку. Но затем она вернулась в Бирмингем и поселилась в районе Хэндсворт, где и растила дочь, не обращая внимания на пересуды соседей и упрёки родственников. Семья Брэттов была довольно зажиточной, и Эдит выросла в более комфортабельной обстановке, чем братья Толкиены. Её отправили на воспитание в женский пансион, и уже в раннем возрасте у неё проявились музыкальные способности. К десяти годам Эдит играла на фортепиано так хорошо, что появилась надежда со временем отдать её в музыкальную академию. Но с безвременной смертью матери в 1903 году все эти далеко идущие планы рухнули. Впрочем, недостатка в средствах Эдит не испытывала: в наследство ей досталось несколько земельных участков в Бирмингеме. А в доме Фолкнеров ей позволяли играть на фортепиано — правда, только популярные мелодии и лёгкую классику, так как миссис Фолкнер терпеть не могла гаммы.

Не удивительно, что Эдит и Рональд быстро поладили: они были сиротами и считали самих себя и друг друга жертвами несчастливых обстоятельств, что и помогло им найти общий язык. Впоследствии Толкиен неоднократно говорил своим детям, что он и Эдит в каком-то смысле спасли друг друга от невзгод, которые обоим пришлось претерпеть в детские годы.

Поначалу их отношения ограничивались шутливым флиртом. Комната Рональда находилась прямо над комнатой Эдит, и когда

весь дом засыпал, молодые люди подавали друг другу условный сигнал и переговаривались, сидя подоконниках. Позже начались и свидания вне дома — Эдит и Рональд уходили поодиночке, а затем встречались в одном из бирмингемских кафе или отправлялись на долгую велосипедную прогулку за город. Сидя у ручья или в тени большого дуба, она поверяли друг другу свои надежды и мечты, свои планы на будущее. Так в то долгое, жаркое лето 1909 года дружба их переросла во влюблённость.

Какое-то время об их отношениях никто не догадывался. Хилари никому не обмолвился ни словом; молчали и Хелен Фолкнер[14], и служанка Фолкнеров Энни. Но в конце концов о тайных свиданиях Рональда и Эдит прознала некто миссис Чёрч — хозяйка кафе, в котором часто бывали молодые люди. Однажды заметив их за столиком, она не замедлила сообщить об этом опекуну Рональда. Узнав о том, что Рональд встречается с девушкой, отец Фрэнсис тотчас же вмешался.

Рональд выбрал неподходящее время для романтического увлечения. Ему нужно было готовиться к непростым вступительным экзаменам в университет, а мысли об Эдит отвлекали его от занятий. Отец Фрэнсис понимал это и был крайне озабочен. Он немедленно послал за Рональдом и, строго отчитав его, запретил видеться с Эдит и потребовал сосредоточиться на учёбе. Он велел своему воспитаннику немедленно порвать отношения с девушкой, добавив, впрочем, что через три года, когда Рональд достигнет совершеннолетия, никто не помешает ему возобновить роман, если к тому времени они с Эдит не охладеют друг к другу. Но пока что Рональд должен был полностью посвятить себя подготовке к экзаменам. Кроме того, ему предстояло покинуть дом Фолкнеров, а Эдит было решено отправить в Челтнем.

Рональд подчинился своему опекуну безоговорочно. Он любил и уважал отца Фрэнсиса и понимал, что опекун не желает ему зла, но лишь заботится о его будущем. И умом Рональд признавал его правоту. Но по натуре он был эмоциональным юношей, и перспектива трёхлетней разлуки с возлюбленной глубоко его огорчила.

В разгар этих бурных событий, в конце лета 1909 года, Рональду пришлось ехать в Оксфорд. Он сел на поезд, явился на экзамен и, несмотря на расстроенные чувства, постарался проявить себя с самой лучшей стороны. Вечером того же дня Рональд тщетно искал своё имя на доске объявлений в зале приёмной комиссии. Он не выдержал экзамен, а следовательно, не мог рассчитывать на стипендию, без которой путь в университет ему был закрыт.

Возвратившись в Бирмингем, Толкиен на какое-то время погрузился в уныние. Должно быть, ему казалось, что всё пропало: ведь он потерял любимую девушку и не смог добиться стипендии. Он понимал, что через год сможет ещё раз попытать счастья в университете, но провал на экзамене всё равно стал для него тяжёлым ударом. Это Рождество оказалось почти таким же печальным, как в 1904 году, и страницы дневника, начатого Рональдом с 1 января 1910 года, полны горестных жалоб на судьбу.

Надежд на лучшее будущее новый год не принёс. Братьев переселили на новую квартиру неподалёку от дома Фолкнеров, а Эдит в скором времени предстояло отправиться в Челтнем. Рональд решил попрощаться с возлюбленной перед долгой разлукой и, нарушив своё обещание отцу Фрэнсису, договорился с Эдит о тайной встрече, чтобы провести с ней хотя бы ещё один день. Они встретились за городом, в кафе, где никогда раньше не бывали. Рональд повёл Эдит в ювелирную лавку и купил ей в подарок на двадцать первый день рождения наручные часы, а Эдит купила ему ручку — в подарок к восемнадцатилетию. В тот же день они поклялись хранить верность друг другу и договорились, что через три года обязательно встретятся вновь.

Но отец Фрэнсису каким-то образом узнал об этом свидании и призвал Рональда к ответу. На этот раз священник был в ярости. Ослушание воспитанника он воспринял как личную обиду. Толкиен пытался объяснить, что он всего лишь хотел попрощаться с возлюбленной, но опекун был неумолим. Он объявил, что отныне и вплоть до двадцати одного года Рональду запрещается не только видеться и разговаривать с Эдит, но и общаться в письмах.

Рональд был потрясён и сломлен. Он бесконечно жаловался на свои горести в дневнике и часами стоял на перекрёстке близ Дачис-роуд, чтобы увидеть, как его любимая проходит мимо или проезжает на велосипеде. Он молился о случайной встрече с нею и, по-видимому, не мог думать ни о чём, кроме Эдит.

Но даже этим «случайным» встречам вскоре был положен конец. Отцу Фрэнсису стало известно, что Рональд по-прежнему виделся с девушкой. Быть может, слухи были преувеличены, но так или иначе на сей раз опекун вышел из себя и пригрозил лишить Толкиена финансовой поддержки и не дать ему поступить в университет.

Итак, Рональду пришлось смириться. Но Эдит никто не запрещал общаться с возлюбленным, и она написала ему прощальное письмо, снова заверив юношу в своих нежных чувствах. Рональд приободрился и в день её отъезда снова вышел

бродить по улицам. Он надеялся в последний раз встретить Эдит. И это ему удалось — в последний раз перед трёхлетней разлукой. Он увидел издали, как она едет на велосипеде к железнодорожной станции, к новой жизни, которая ждала её в Челтнеме.

Вскоре Рональд понял, что теперь ему остаётся только одно: с головой погрузиться в учёбу. Если Эдит сдержит обещание, он увидится с ней сразу же, как только ему исполнится двадцать один год. Но тем временем ему предстояло играть по правилам — если, конечно, он хотел состояться в жизни, сделать карьеру учёного и выйти победителем хотя бы в этом отношении.

Рональд по-прежнему страдал, но в душевных муках его характер и воля закалились. Он полностью сосредоточился на учёбе, и центром его жизни стала отныне школа короля Эдуарда. Обиды на отца Фрэнсиса Рональд не затаил — он понимал, что опекун действует в его интересах. Но на смену детским забавам и жизни под крылом ораторианской общины пришли серьёзные интеллектуальные увлечения и общение со старшими соучениками в тесном дружеском кругу. Рональд стал больше заниматься спортом и, несмотря на хрупкое сложение, был избран капитаном регбийной команды. Игра ему очень нравилась, однако в первом же триместре ему сломали нос и он сильно прикусил язык[15].

Кроме того, Рональд основал школьный клуб, члены которого почти каждый день собирались после занятий в библиотеке, а иногда — за чаем в универсаме Барроу на Корпорейшн-стрит, в центре Бирмингема. Этот так называемый «Чайный клуб» состоял из четырёх старших учеников, носивших гордый титул «библиотекарей». Позже двое членов клуба предложили сменить название на «Барровианское общество» (в честь универсама Барроу), но остальные возражали, и в конце концов было решено объединить два названия и впредь именоваться «Чайным клубом Барровианского общества», или ЧКБО.

Клуб составляли четверо лучших учеников, которым вскоре предстояло почтить своим присутствием аудитории самых привилегированных высших учебных заведений. Кроме Рональда, в него входили уже известный нам Кристофер Уайзмен, сын директора школы Роберт Джилсон и мальчик помладше, Джеффри Бах Смит, которого друзья называли просто Джи-Би-Си. Каждый день они встречались в библиотеке, тайком кипятили воду в чайнике на спиртовке и пили чай с печеньем и сэндвичами. За чаем шла беседа о предметах, в увлечении которыми четверо друзей и нашли общий язык, — о древних языках и мифологии. Они декламировали отрывки из

«Беовульфа» и «Сэра Гавейна и Зелёного рыцаря»[16], говорили о классической музыке и о своих текущих делах и делились друг с другом всеми открытиями, которые им удалось совершить за последнее время в мире книг, искусства и «высокой культуры». Во многих отношениях эта небольшая группка послужила моделью для будущих «Инклингов» — знаменитой группы интеллектуалов, ядро которой составили Толкиен, К.С. Льюис и другие оксфордские профессора. Это был клуб юных единомышленников, которых связывали между собой общие интересы, любознательность и высокие моральные принципы.

В декабре 1910 года Толкиен снова приехал в Оксфорд. Ему предстояла вторая, последняя попытка сдать вступительный экзамен. На сей раз он чувствовал себя более уверенно — и не без оснований. Он хорошо подготовился и уже имел представление о том, какого рода вопросы ему будут задавать. И его ожидания оправдались: он выдержал экзамен и был принят в Эксетер-Колледж[17] с открытой классической стипендией[18]. Занятия должны были начаться в октябре следующего года.

Рональд надеялся получить более престижную повышенную стипендию (составлявшую сто фунтов в год) и в глубине души был уверен, что заслужил её. Но и шестидесяти фунтов в год вкупе с небольшим пособием на поступление в университет, выплаченным в школе короля Эдуарда, и содержанием, которое назначил своему воспитаннику отец Фрэнсис, при экономной жизни должно было хватить на весь курс обучения. На радостях Рональд нарушил данное опекуну обещание и телеграммой известил Эдит о своих успехах, а та ответила ему поздравительной телеграммой без подписи.

В школу короля Эдуарда, где ему предстояло доучиться ещё два триместра, Рональд вернулся в бодром расположении духа. Разумеется, он по-прежнему тосковал по Эдит, но он сознавал, что собственными силами только что преодолел одно из величайших препятствий в своей жизни. До воссоединения с возлюбленной оставалось всего два года, и к тому времени он будет уже студентом второго курса.

Глава 3. Оксфорд

Между Оксфордом и Бирмингемом пролегает настоящая пропасть: трудно поверить, что эти города отделяет друг от друга всего пятьдесят миль. Словно бы в знак того, что ему наконец удалось пробить себе дорогу в жизни, Толкиен прибыл в Оксфорд на широкую ногу: один приятель, Дикки Рейнольдс, привёз его на автомобиле, что по тем временам было ещё редкой роскошью. В тот день стояла невыносимая жара, и Толкиену с Рейнольдсом пришлось долго искать остальных студентов, пока не выяснилось, что все ушли на реку.

В 1911 году в Оксфордском университете господствовала классовая система. Безусловно, здесь были и серьёзные студенты, желающие учиться и делать карьеру своим умом. Но большинство составляла «золотая молодёжь», сыновья (и, в редких случаях, дочери) аристократов, твёрдо знающие, что им в любом случае обеспечена степень третьего класса, а затем — место в Сити, в армии или во главе одного из отделений отцовской корпорации. Студенты, принадлежавшие к среднему классу, и выходцы из рабочей среды (попадавшие в Оксфорд крайне редко) учились усердно, но выживали только благодаря стипендиям. Они общались в основном между собой и, как правило, не поддерживали никаких отношений с богатыми студентами, которые отдавали предпочтение более престижным колледжам — Крайст-Чёрч, Модлин и Ориэл. Одним словом, для богатых здесь было всё точь-в-точь, как в «Возвращении в Брайдсхед»[19]. Однако некоторый отблеск роскоши падал и на учащихся победнее. Да иначе и быть не могло: ведь несмотря на кастовую замкнутость, молодые люди из среднего класса, выпускники государственных школ, вели в целом такой же образ жизни, что и их богатые сверстники. Они тоже учились пить и курить и открывали для себя радости ночных пирушек в кругу друзей. Кое-кто знакомился и с «экзотикой» наподобие кокаина или опиума, а отдельным счастливцам удавалось даже приобщиться к сексу.

Толкиен был типичным «бедным студентом», и самое сильное впечатление в Оксфорде на него произвела не столько сама возможность учиться и расширять свой кругозор, сколько тот факт, что перед ним наконец открылась перспектива полнокровной жизни, немыслимой для воспитанника ораторианской общины и не идущей ни в какое сравнение с детскими забавами ЧКБО. Но он получил весьма консервативное воспитание и с ранних лет был приучен чтить авторитеты, так что откровение этой небывалой свободы снизошло на него далеко не

сразу.

Он начал курить трубку и пить пиво. Друзьям он уделял больше времени, чем учёбе, а на развлечения с этими новыми друзьями уходило немало денег. По субботам, когда под дверь его комнаты просовывали «бэтл», то есть отчёт о сумме, израсходованной на содержание, для Толкиена это неизменно оказывалось неприятным сюрпризом (как, впрочем, и для большинства его современников). К концу первого курса он влез в долги, что было совершенно типично для студентов, но лично у него вызывало беспокойство.

Впрочем, всё это не означает, что интеллектуальные развлечения перестали его интересовать. Он вступил сразу в два дискуссионных клуба — колледжское Эссеистское общество и Диалектическое общество. Атмосфера в этих клубах напоминала собрания ЧКБО в библиотеке школы короля Эдуарда, и Толкиен почувствовал себя в родной стихии.

Большую часть времени он проводил в чисто мужской компании, что отчасти объяснялось строгими общественными нравами. Неженатым мужчинам дозволялось общаться с незамужними девушками только под надзором. Кроме того, девушек-студенток в Оксфорде было немного, и они посещали отдельные лекции в женских колледжах Леди-Маргарет-Холл и Сент-Хилдаз. Толкиену и его друзьям такое положение дел представлялось вполне естественным, и жизнь в мужской компании в известном смысле давала им возможность продлить беззаботное детство. Разумеется, Толкиен не забывал об Эдит и, вероятно, по-прежнему тосковал о ней вечерами, оставаясь наедине с собой в пустых колледжских комнатах. Но тем не менее, все эти молодые люди, недавно покинувшие стены закрытых мужских школ и расставшиеся со своими собственными «чайными клубами», тянулись друг к другу и полагали, что присутствие женщин стало бы для них только помехой.

Никакого оттенка гомосексуальности в подобных отношениях не было — во всяком случае, для Толкиена. Позже он утверждал, что впервые услышал о существовании гомосексуализма только в армии. Этот сугубо мужской мир был, скорее, сродни товариществу мальчишек, играющих в пиратов или ковбоев и индейцев. Но поскольку размахивать деревянными мечами и втыкать перья в волосы восемнадцатилетним юношам уже не пристало (по крайней мере, в трезвом виде), то им оставалось лишь состязаться в остроумии и мериться силами в интеллектуальных играх. По сравнению с большинством своих современников, которые в этом возрасте уже зарабатывали себе на хлеб тяжёлым трудом, оксфордские студенты не знали забот и

жили как в сказке. Но так или иначе, именно им — как и их предшественникам на протяжении многих поколений — предстояло встать на страже научных, политических и военных интересов Британии.

Кроме того, не учиться, конечно же, было невозможно. И в этом отношении Толкиену снова повезло: он встретил ещё одного учителя-энтузиаста, вдохновенного и преданного своему делу. Доктор Джо Райт не имел ничего общего со стандартным образчиком оксфордского профессора. Он родился в маленьком йоркширском городке и с шести лет работал на местной шерстобитной фабрике. В школу он так и не пошёл, но к пятнадцати годам неожиданно открыл для себя целый мир, который прежде был ему недоступен, — мир чтения, письма и иностранных языков. Он самостоятельно освоил грамоту и пошёл в вечернюю школу, где стал изучать французский и немецкий, а вскоре занялся и латынью. В восемнадцать лет он бросил фабрику и сам открыл вечернюю школу в одной из пустующих комнат материнского дома. Накопив немного денег, он отправился путешествовать по Европе и добрался до Гейдельберга, где в конце концов получил докторскую степень. К тому времени он выучил русский, старонорвежский, древнесаксонский, древнеанглийский и ещё множество других языков, древних и современных. Вернувшись в Англию, Джо Райт поселился в Оксфорде, где его вскоре назначили на должность заместителя профессора сравнительного языкознания. В 1892 году (в год рождения Толкиена) Райт написал «Учебник готского языка», который юному Рональду довелось прочесть ещё в школьные годы по совету Бруэртона.

Райт был строгим и требовательным учителем, но Толкиен со своей стороны проявлял исключительные способности, и вскоре Райт понял, что его ученик питает к языкам глубокую, чистую любовь и от природы чувствителен к течению и ритму слов и звуков. Ещё в школе Толкиен глубоко изучил латынь и греческий, а также, благодаря поддержке компетентного и увлечённого наставника, познакомился с некоторыми другими древними языками, в том числе старофинским и старонорвежским. Теперь же, с помощью профессора Райта, Толкиен проник ещё глубже в этот таинственный мир и увидел, сколько скрытых взаимосвязей можно обнаружить в языках разных культур, подчас весьма отдалённых друг от друга географически и хронологически.

Таким образом, первый год в университете пролетел почти незаметно. По-видимому, так счастлив Толкиен был только в раннем детстве. Поддерживать равновесие между развлечениями и учебными нагрузками он научился довольно быстро. Конечно, у

него накопились долги, но это было делом таким обычным, что его, пожалуй, сочли бы чудаком, будь у него всё в порядке со счетами. Церковь в этот период Толкиен посещал очень редко, но вера его не пошатнулась. Наконец, в лице Джо Райта он обрёл прекрасного наставника, способного поддержать в нём искренний интерес к учёбе. Короче говоря, жизнь его приближалась к идеалу, и счастье его омрачалось теперь только тревожными мыслями об Эдит.

Друзья и учёба помогали ему отвлечься от тоски по возлюбленной, но он по-прежнему был пылко влюблён и с нетерпением вёл счёт дням, отделявшим его долгожданного совершеннолетия. И наконец этот день настал. Накануне своего дня рождения, поздно ночью 2 января 1913 года, Толкиен написал письмо Эдит, в котором ещё раз признался ей в любви и выразил желание воссоединиться после столь долгой разлуки.

На следующее утро он отправил письмо и стал дожидаться ответа. Но через несколько дней его мечты столкнулись с суровой реальностью: в ответном письме Эдит сообщила, что недавно обручилась с другим молодым человеком — Джорджем Филдом, братом её старой школьной подруги, Молли Филд, жившей в Челтнеме.

Эта помолвка должна была положить конец всяким отношениям между Эдит и Рональдом. Однако Эдит намекнула в письме, что в действительности вовсе не любит Джорджа и приняла его предложение только из опасения, что Рональд её забыл. Побоявшись остаться в старых девах, она завязала роман с единственным из близко знакомых ей молодых людей, подходящих для брака.

Но Толкиен ни на мгновение не забывал о возлюбленной и не хотел её потерять — особенно теперь, когда мучительный срок ожидания кончился. 8 января он приехал поездом в Челтнем. Эдит встретила его на платформе, и они проговорили до самого вечера. Убедившись в том, что Толкиен действительно её любит, она пообещала разорвать помолвку и выйти замуж за него.

Поначалу бедный Джордж Филд возмутился и очень расстроился: ведь он любил Эдит, хотя та и не отвечала ему взаимностью. Но Эдит осталась непреклонна. Её не смутили ни пересуды соседей, ни упрёки со стороны челтнемских блюстителей нравов. Теперь она уверенно связывала своё будущее с молодым человеком, который сдержал клятву верности, данную три года назад.

Но и Эдит, и Рональду предстояло в эту зиму немало испытаний. В январе-феврале 1913 года Толкиену пришлось напрячь все силы для подготовки к экзамену «хонор-

модерейшнз»[20] — первому из двух экзаменов на степень бакалавра классической филологии. В первый год обучения он не занимался систематически, а это означало, что всего за два месяца ему нужно было наверстать упущенное за целый курс. Кроме того, воссоединение с Эдит и частые поездки в Челтнем отнимали много времени. Поэтому Толкиена нисколько не огорчило, что по результатам экзамена ему присудили только вторую степень.

Но наставники Толкиена в Эксетер-Колледж были разочарованы. Несмотря на то, что заслужить первую степень было чрезвычайно трудно, они полагали, что это высшее отличие вполне доступно для студента, которому удалось в своё время добиться стипендии и который достаточно предан делу науки (по крайней мере, из благодарности за то, что его вообще приняли в университет). И всё же в экзаменационных работах Толкиена было нечто неординарное. И хотя по совокупности оценок он получил лишь вторую степень, работу по своей специальности — сравнительному языкознанию, которое он проходил под руководством Джо Райта, — Толкиен написал почти безупречно. Экзаменаторы не только оценили эту работу на «отлично», но и особо отметили её выдающиеся достоинства. В результате совет профессоров колледжа во главе с ректором, доктором Фарнеллом, предложил Толкиену перевестись с классической филологии на факультет английского языка и литературы.

Толкиену это предложение показалось разумным. Литература Древней Греции и Рима, изучение которой составляло основу курса классической филологии, никогда его особенно не интересовала. Древние мифы германских народов и легенды, сохранившиеся в записи на старонорвежском (древнеисландском) языке привлекали его несравненно больше и представлялись в каком-то смысле более «правдивыми». Конечно, английский язык и литература подходили Толкиену не идеально, но, по крайней мере, этот вариант был удачнее классической филологии. Этот учебный курс возник в Оксфорде относительно недавно и, как явствовало из самого его названия, разделялся на две группы дисциплин. С одной стороны, студенты должны были изучать структуру и развитие языка от древних времён до современности, а с другой — читать и анализировать литературные произведения, написанные после XIV века.

Толкиен намеревался заниматься исключительно лингвистикой. Так называемая «современная» литература его не интересовала. Шекспира он считал незаслуженно перехваленным и многие его пьесы откровенно недолюбливал. Ни Драйден, ни Мильтон не привлекли его интереса надолго, а писатели XVIII —

XIX веков, чьи произведения составляли основу учебного курса на факультете английского языка и литературы, и вовсе вызывали у него отвращение.

К счастью, в наставники ему назначили ещё одного талантливого и разностороннего преподавателя — новозеландца Кеннета Сайзема, который был старше самого Толкиена лишь на четыре года. Поначалу Сайзем показался Толкиену очень холодным и замкнутым, но затем обнаружилось, что свой предмет он знает и излагает в совершенстве, и вскоре Толкиен привязался к своему наставнику и проникся к нему искренней симпатией. Тексты, входившие в обязательную программу, Толкиен одолевал с трудом, но языковые дисциплины и проблемы кросс-культурных и лингвистических взаимосвязей чрезвычайно его привлекали. Эта тематика, хорошо согласовавшаяся с его темпераментом и интересами, и предопределила его дальнейшую карьеру на поприще филологии.

А перед Эдит Брэтт тем временем встала другая проблема — ничуть не менее серьёзная, нежели та, с которой столкнулся Толкиен при подготовке к экзамену. По ряду причин влюблённые не торопились объявлять о своей помолвке. Во-первых, Толкиен опасался, что известие об их воссоединении вызовет недовольство у его бывшего опекуна, отца Фрэнсиса Моргана. Разумеется, никакой власти над Рональдом отец Фрэнсис больше не имел, но старые привычки изживаются долго. Во-вторых, Толкиен до сих пор не рассказывал об Эдит ни одному из своих друзей. Ни его товарищи по ЧКБО, ни новые университетские друзья даже не подозревали о её существовании. Но главная причина промедления заключалась в том, что Эдит ещё не была готова перейти в католичество.

Для Толкиена обращение Эдит в католическую веру было непременным условием их дальнейшей совместной жизни. Англиканскую церковь он ненавидел. В его глазах она олицетворяла собою всё зло, по вине которого его мать безвременно ушла из жизни. При этом со своими родственниками Толкиен, как ни странно, продолжал поддерживать добрые отношения, хотя в глубине души также винил их в смерти матери. Он тепло общался с Уолтером Инклдоном и регулярно навещал и Саффилдов, и свою бабушку по отцовской линии. Но религиозную организацию, к которой они принадлежали, — англиканскую церковь — он презирал всей душой.

Особой набожностью Эдит не отличалась, но обращение в католичество всё же представляло для неё проблему. Прежде всего, она была воспитана в англиканской вере и традиции католицизма были ей чужды. Она не скрывала, что исповеди ей

неприятны, и никогда не чувствовала того духовного облегчения, которое якобы испытывают благочестивые католики после отпущения грехов. Вдобавок, ей не по душе были суровые требования католической веры. Она терпеть не могла утренние мессы, и с годами, когда ей стало часто нездоровиться, она решительно отказалась поститься и посещать вместе с мужем богослужения в шесть часов утра.

Кроме того, подчиниться условию Рональда ей мешали и не менее серьёзные причины мирского характера. «Дядя» Джессоп, глава семьи, в которой Эдит жила в Челтнеме с 1910 года, был убеждённым протестантом и ненавистником Рима. Эдит знала, что стоит ей лишь заявить о своём переходе в католичество, как её без лишних церемоний попросят убраться из дома Джессопа. И, наконец, вся светская жизнь в Челтнеме была тесно связана с местной приходской церковью.

И всё же Эдит понимала, что не сможет выйти замуж за Толкиена, не выполнив его просьбу. Рональд просто не мыслил себе совместной жизни с женой-англиканкой. Без сомнения, он сознавал, что Эдит достаточно проницательна, чтобы воспринять это условие как испытание её любви. И всё же он был непреклонен: его супруга во что бы то ни стало должна следовать той же вере, что и покойная Мэйбл Толкиен.

Разумеется, такое требование было не лучшим способом восстановить отношения после долгой разлуки. Эдит наверняка раздражало, что её, по сути дела, насильно принуждают стать католичкой. Но, тем не менее, она смирилась — как поступила бы в то время почти всякая женщина, оказавшаяся в её положении. Она любила Рональда, а он любил её; кроме того, он подавал большие надежды. Он был нежным, заботливым и внимательным. Эдит отчаянно хотела выйти за него замуж и начать наконец нормальную жизнь: ведь ей было уже двадцать четыре года, и существование на правах старой девы в претенциозном и скучном обществе Челтнема её не устраивало.

Взвесив все «за» и «против», она пришла к выводу, что назначенная Рональдом цена за счастье не столь уж высока, и весной 1913 года сообщила «дяде» Джессопу о своём решении. Как она и предполагала, «дядя» тут же велел ей искать другое жильё и убираться из его дома.

Эдит была готова к такому повороту событий. Она заранее решила поселиться вместе с одной из своих кузин — Дженни Гроув, женщиной средних лет, страдавшей искривлением позвоночника. Они быстро подыскали себе временное жильё в Уорике, неподалёку от Челтнема, а затем перебрались в небольшой домик в том же городке. Местный священник, отец

Мерфи, начал наставлять Эдит в католической вере (впрочем, к своей задаче он отнёсся без особого энтузиазма).

Летние каникулы — с конца июня и до конца августа — Толкиен провёл в Уорике. Жених и невеста впервые смогли вместе посетить церковь и присутствовать на обряде благословения. Толкиен был вне себя от радости и в своём дневнике описывал это событие в экзальтированных выражениях, но какое впечатление оно произвело на Эдит, осталось неизвестным.

Не вызывает сомнений, что отношения между Эдит и Рональдом окрепли именно благодаря тому, что все окружающие пытались разлучить влюблённых. И несмотря на то, что любовь их была взаимной, многое друг в друге их раздражало, и нередко дело доходило до ссор. Слишком много времени они провели в разлуке и слишком недолгим было знакомство до этого вынужденного расставания, — поэтому неудивительно, что жених и невеста плохо знали друг друга. Более того, минувшие три года прошли для них в разных условиях, и оба они во многом изменились. Расставшись с Эдит, Толкиен обрёл утешение в мужской компании, сначала — со школьными друзьями в ЧКБО, а затем — с оксфордскими приятелями. Он вкусил свободу независимой холостяцкой жизни и, что ещё важнее, приобщился к жизни в учёной среде.

Своё призвание Толкиен искал довольно долго. В школе он был первым учеником, но в тот период, когда они с Эдит жили на Дачис-роуд, трудно было представить, что впереди его ожидает научная карьера. Способности его раскрылись в полной мере уже после расставания с Эдит — и, можно предположить, не без влияния этой разлуки.

Эдит же была совершенно чужда науке и не получила систематического образования. В детстве она выказала исключительную музыкальную одарённость, но развить этот талант ей не позволили. Никто её не поощрял и не поддерживал, никто не заботился о том, чтобы её природный дар расцвёл и принёс плоды. И если в юные годы она ещё питала надежды стать профессиональной пианисткой или хотя бы учительницей музыки, то ко времени воссоединения с Рональдом от всех этих планов давно уже пришлось отказаться.

Кроме того, жених и невеста не вполне сходились характерами. Эдит была независимой и весёлой девушкой, несмотря на то, что все окружающие постоянно пытались подавить в ней эту искру жизни. В детстве она, как и Толкиен, хлебнула горя. Она тоже рано осиротела и постоянно переезжала из дома в дом; настоящей семьи у неё не было. Правда, она

старалась таить свои разочарования, но время от времени обида всё же прорывалась, и нередко из-за какого-нибудь пустяка между влюблёнными вспыхивала ожесточённая перепалка.

Толкиену, со своей стороны, трудно было выражать свою любовь к Эдит иначе, чем в сентиментальной и слегка покровительственной форме. В письмах он называл её «малышкой», а её жилище в Уорике — «маленьким домиком». Столь незрелые представления о любви между взрослыми и вполне современными людьми объяснялись не только неопытностью, но и слишком сильным впечатлением от прочитанных книг. Чарльз Моузли справедливо отмечает, что многие люди переносят романтические литературные представления о любви в реальную жизнь, и Толкиен не был исключением:

> «Разумеется, прочитанные книги на всех накладывают свой отпечаток. Если вы день за днём будете читать романы и поэмы, в мире которых женщин возводят на пьедестал, чтут и едва ли не обожествляют, а главными достоинствами мужчин признаются отвага и честность, щедрость и честь, то в конце концов вы станете мыслить в тех же категориях (и, возможно, это только пойдёт вам на пользу)»[21].

Всё это прекрасно, но независимую женщину, которая давно уже привыкла во всём полагаться только на себя, такой подход не мог не раздражать. Не удивительно, что отношения с женихом вызывали у Эдит смешанные чувства. Рональд заставил её перейти в свою веру, оставался равнодушен к её музыкальным способностям и не пытался приобщить её к своим научным занятиям. И в то же время он душил её своими покровительственными и незрелыми изъявлениями чувств.

По-видимому, эти разногласия и побудили их отложить официальную помолвку ещё на какой-то срок. Летом 1913 года Толкиен отправился во Францию в качестве воспитателя при двух мальчиках-мексиканцах. В Париже к ним присоединился ещё один мальчик и две тётушки. На Толкиена была возложена обязанность познакомить их с культурной жизнью французской столицы.

Поначалу задача казалась несложной, но вскоре она обернулась такими неприятностями, которым Толкиен искренне предпочёл бы даже ежедневные ссоры с Эдит. Прежде всего, к своему величайшему смущению, Рональд обнаружил, что все его достижения в сравнительном языкознании и способность писать учёные эссе о самых мудрёных и загадочных тонкостях

старонорвежского или англосаксонского языка совершенно бесполезны в быту: на испанском он не мог связать и двух слов, да и его французский, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Так что его подопечные, не знавшие английского, попросту его не понимали.

Более того, он сразу же невзлюбил французскую кухню, а французы, в особенности парижане, показались ему людьми грубыми и неотёсанными. И в довершение всех бед, маленькие мексиканцы, которых ему надлежало учить и воспитывать, не проявили ни малейшего интереса к французской культуре и не хотели видеть ничего, кроме пошлых туристических достопримечательностей. Кое-как уговорив их посетить Бретань, Толкиен надеялся обрести утешение в прекрасных ландшафтах и тонких винах, с которыми у него ассоциировалась эта провинция. Но дело кончилось тем, что они застряли в Динаре — приморском городке ничем не лучше Блэкпула[22] и, по мнению Толкиена, ровно настолько же вульгарном.

И здесь их поджидало главное несчастье. Когда вся компания отправилась на очередную прогулку по улицам, одну из тётушек сбила машина, вылетевшая на тротуар. Через несколько часов пострадавшая скончалась от тяжёлых внутренних повреждений.

Так эта бедственная поездка окончилась настоящей бедой, и Толкиен вздохнул с облегчением, когда наконец договорился об отправке тела покойной в Мексику и передал родственникам мальчиков всю ответственность за их дальнейшую судьбу. Сойдя с парохода в Дувре, он дал себе слово, что никогда больше не возьмётся за подобную работу.

Осенью 1913 года начался третий курс его обучения в Оксфорде, и после столь бурного лета Толкиен был только рад вернуться к занятиям. Конечно, его по-прежнему беспокоила напряжённость в отношениях с Эдит, но теперь ему было на что отвлечься от волнений. Он погрузился в студенческую жизнь с головой и мало-помалу приобрёл привычку к роскоши. На деньги, вырученные за злополучную поездку во Францию, он приобрёл новую, довольно модную, мебель, украсил стены своих комнат популярными в то время японскими гравюрами и обзавёлся новым гардеробом. В хорошую погоду он плавал на плоскодонке и регулярно играл в теннис. Его избрали президентом дискуссионного клуба и с небольшой группой друзей основал ещё один клуб — под названием «Шахматная доска». Члены его главным образом ходили друг к другу обедать, тешась изысканными яствами и дорогими винами.

А Эдит тем временем скучала в Уорике. Городок был очень красив (хотя и не шёл в сравнение с Оксфордом), и здесь тоже

имелся довольно престижный университет, да и жизнь была гораздо веселее, чем в благочинном Челтнеме, но Эдит была лишена всех радостей светского общения. Её кузина Дженни была воплощённым образчиком старой девы. И хотя письма Рональда нередко лишь раздражали Эдит описаниями беспечной студенческой жизни, всё же их писал человек, который любил её и за которого ей в скором времени предстояло выйти замуж. А Дженни была «профессиональной» старой девой. Так что скучающей Эдит хватало одного взгляда на свою бедную кузину с её горбом и явными признаками надвигающейся старости, чтобы вернуться с небес на землю и честно признать, что она должна быть благодарна Рональду, несмотря на все его досадные недостатки. Быть может, именно это и помогло ей продержаться в этот трудный период.

Толкиен между тем нашёл для себя удобный ритм жизни, который сохранил и в дальнейшем, до самой старости. Отдавая дань студенческим развлечениям, он находил и время для серьёзной работы. Несмотря на привычку засиживаться допоздна в кругу друзей за графином коньяка и проводить тёплые дни на реке, лениво любуясь с палубы ялика нависшими над водой ивовыми ветвями, он сумел выиграть премию Скита[23], которую Эксетер-колледж присуждал за успехи в изучении английского языка, и встал на верный путь к степени первого класса.

В январе 1914 года Эдит была принята в лоно католической церкви. Церемония была назначена на 8 января — первую годовщину воссоединения влюблённых. Через несколько недель они объявили о помолвке, и отец Мерфи, наставник Эдит, благословил их на брак. Обе церемонии состоялись в местной церкви Уорика — довольно убогой, если не сказать уродливой. Но для Рональда и Эдит обстановка значения не имела. К этому времени оба они уже свыклись с мыслью, что их отношения никогда не будут идеальными — и никогда таковыми не были. Слишком уж несхожими были их интересы и характеры. Но они прожили в разлуке достаточно долго, чтобы осознать эти различия и научиться с ними мириться. Они поняли, что смогут быть счастливы друг с другом, невзирая ни на что.

Вернувшись в Оксфорд к началу зимнего триместра, Толкиен, по-видимому, чувствовал себя счастливым как никогда. Как ни странно, он до сих пор не сообщил о своих отношениях с Эдит ни старым школьным приятелям, ни оксфордским друзьям. Но теперь хранить тайну не имело смысла. Толкиен написал письма своим товарищам по ЧКБО, и те ответили поздравлениями. Обручившись с девушкой, о которой он мечтал с восемнадцати лет, он мог наконец взглянуть в будущее с уверенностью и

надеждой. Жизнь казалась ему прекрасной и светлой, ни единого облачка на горизонте больше не было. Ни он, ни Эдит, ни его друзья даже вообразить себе не могли, что не пройдёт и года, как начнётся война, в которой безвременно оборвутся жизни миллионов их сверстников.

Глава 4. Женитьба и война

Немного найдётся в Англии таких мест, где жизнь с объявлением войны изменилась бы столь резко и неожиданно, как в Оксфорде. Ещё в начале лета 1914 года молодые люди из университета шумно праздновали окончание учебного года. Плоскодонки запрудили реку, громко хлопали пробки шампанских бутылок, погода стояла прекрасная, экзамены остались позади. А затем, как обычно с наступлением летних каникул, город опустел. Богатые студенты разъехались по своим поместьям или отправились путешествовать. Те же, кто, подобно Толкиену, учился на стипендию, возвратились под скромный родительский кров или взялись за летнюю подработку, чтобы накопить немного денег к октябрю, когда их снова подхватит и закружит буйный вихрь студенческой жизни.

Но такого октября, как в 1914 году, Оксфордский университет не знал за всю свою историю. Европа уже стояла на краю пропасти. 28 июня 1914 года наследник Австро-Венгерской монархии, эрцгерцог Франц Фердинанд, погиб вместе со своей женой в Сараево от руки сербского террориста. Правительство Австро-Венгрии немедленно обвинило сербское правительство в соучастии и месяц спустя объявило Сербии войну.

Мир между европейскими государствами и так держался на хрупких основаниях, и установить эту относительную стабильность в своё время удалось лишь благодаря сложным дипломатическим манёврам. Убийство австрийского эрцгерцога вызвало «цепную реакцию» общеевропейского масштаба. Россия, давний противник Австро-Венгрии, объявила о всеобщей мобилизации, а Германия использовала это как повод для объявления войны России. Союзная России Франция, в свою очередь, приступила к мобилизации, в результате чего Германия объявила войну и ей. В силу «сердечного согласия»[24] Англия вынуждена была поддержать Францию и 4 августа 1914 года объявила войну Германии и Сербии.

Так-то и случилось, что осень 1914 года студенты Оксфорда встретили не за праздничным столом в честь начала нового учебного года и не на теннисных кортах, а в тренировочных лагерях. Отсюда им предстояло отправиться во Францию, на поля сражений, где к тому времени уже пали тысячи профессиональных солдат, служивших в составе Британских экспедиционных войск.

На первом этапе войны всеобщей мобилизации в Англии не проводилось, но страсти разгорались так стремительно, что уже к

осени сотни тысяч молодых людей записались в добровольцы. Однако Толкиен к их числу не примкнул. Он намеревался заслужить долгожданную первую степень, а потому предпочёл вернуться в Оксфорд, отложив военную службу до следующего лета. Приехав в Оксфорд в первую неделю октября, он с потрясением обнаружил, что университет почти опустел. Из прежних его друзей в колледже остался только признанный непригодным к воинской службе Колин Каллис, один из членов клуба «Шахматная доска».

Поначалу жизнь в обезлюдевшем университете показалась Толкиену невыносимой, и в письме к Эдит он жаловался на ужасную скуку. Но затем они с Каллисом решили перебраться из унылых университетских комнат на квартиру неподалёку от Эксетер-колледжа, на Сент-Джон-стрит. В то же время Толкиен записался в Корпус военной подготовки[25] и приступил к муштре в университетском парке, которая, как ни удивительно, ему даже понравилась.

Новости с фронта приходили неважные. Осенью 1914-го на волне ура-патриотических настроений поговаривали, что война кончится победой «уже к Рождеству». Но вот Рождество миновало, а 1915 год вместо победы обернулся мучительной позиционной войной. Сотни тысяч солдат засели в окопах, протянувшихся через поля Северной Франции на целые мили. Лишь узкая полоска «ничейной земли» в несколько сотен ярдов отделяла друг от друга враждующие армии, и никакими атаками и контратаками сдвинуть линию фронта не удавалось. К весне 1915 года возник дефицит боеприпасов, и боевые действия приостановились. Но то была лишь краткая передышка. За первый год войны на одном только Западном фронте погибло более миллиона солдат, и все понимали, что перестрелки вскоре возобновятся и унесут ещё миллионы жизней.

Теперь, когда Оксфорд опустел, Толкиен смог всерьёз сосредоточиться на учёбе. И пока Эдит в Уорике терпела повседневную рутину и неизбежные в дни войны лишения, Рональд усердно трудился. В июне 1915 года он сдал последний экзамен по английскому языку и литературе, а через несколько дней узнал, что ему присудили отличие первого класса.

Но отпраздновать это событие Толкиен не успел. Обязательства перед Корпусом военной подготовки и обычные для военного времени проблемы с транспортом не позволили ему даже съездить в Уорик и разделить свой триумф с Эдит. Его распределили вторым лейтенантом в полк ланкаширских стрелков, где служил и один из его друзей по ЧКБО, Дж.Б. Смит.

Ближайшие поля сражений на Западном фронте находились

всего в сотне с лишним миль от Оксфорда, и во многих семьях уже оплакивали молодых людей, павших при Моне и под Ипром. Но для Толкиена и других новобранцев, только что прошедших подготовку, война со всеми её ужасами всё ещё казалась чем-то далёким и ненастоящим.

Нашим современникам, привыкшим моментально узнавать новости из любого уголка планеты, трудно себе представить, как мало известий в те времена поступало с фронта и как медленно шли даже эти скудные сообщения. Не было ни радио, ни телевидения, а в газетах боевые действия описывались хоть и во всех подробностях, но с большим опозданием. Даже погибших хоронили на месте, а не доставляли домой с последними почестями.

Моторного топлива не хватало, цены на продукты подскочили, но в целом гражданскому населению не пришлось столкнуться с такими тяготами, как в годы второй мировой войны. В первую мировую английские города почти не бомбили, и те, кто оставался дома, не видели других солдат, кроме восторженных новобранцев, садившихся на пароходы в Портсмуте, Саутгемптоне и Дувре, и перебинтованных, искалеченных и обожжённых ветеранов, возвращающихся в английские госпиталя[26].

В тренировочном лагере Толкиену ничего не оставалось, кроме как убивать время в ожидании отправки во Францию. Он занимался строевой подготовкой и отращивал усы. Он слушал лекции о роли и задачах офицера и об уходе за оружием, обучался чтению карт и методам ведения военных действий. После роскошной оксфордской жизни, где студенты регулярно обедали в колледжской столовой, имели доступ к одной из лучших в мире библиотек и вели неторопливые беседы, сидя в кожаных креслах за стаканом хорошего портвейна, казарменное существование не могло не показаться Толкиену унылым и суровым. Теперь его окружали профессиональные солдаты и зелёные новобранцы, молодые люди, которых война оторвала от фабрик и полей и поставила под ружьё. И Толкиену, как офицеру, предстояло командовать этими людьми и вести их в битву. Возможностей для учёных диспутов, бесед и раздумий больше не представлялось. Армейская пища была почти несъедобной, спать приходилось на узкой койке, крыша над отхожим местом протекала, и, что самое ужасное, солдатская жизнь оказалась нестерпимо скучной.

Впрочем, кое-какие развлечения находились. Вскладчину с приятелем Толкиен купил мотоцикл и наконец-то смог навещать Эдит в Уорике, когда ему удавалось получить увольнение на

несколько дней. Эти встречи радовали обоих. Перед лицом грозящей разлуки, которая могла оказаться вечной, Эдит, по-видимому, окончательно смирилась со всеми недостатками своего жениха.

В тот же период Толкиен сделал первые заметки о мифологии, которой предстояло завладеть его воображением на всю оставшуюся жизнь. Семя, из которого впоследствии выросло величественное древо «Сильмариллиона», зародилось в его уме именно в эти дни неопределённости и тягостного ожидания.

После полугода начальной подготовки Толкиен решил специализироваться на связном деле. Он выучил азбуку Морзе и научился обращаться с сигнальными флажками и полевыми телефонами, работавшими на основе проводной связи (вдоль всего окопа протягивали длинный провод).

На Рождество Толкиену удалось ненадолго вырваться в Уорик, и они с Эдит наконец решили пожениться. В новом году Рональда должны были отправить во Францию, а по статистике первых полутора лет войны средняя продолжительность жизни солдата на фронте не превышала нескольких недель. Кроме того, со дня на день ожидался «большой натиск», грозящий огромными потерями. Наступили страшные времена.

Обсудив ситуацию, Эдит и Рональд решили назначить свадьбу на среду 22-го марта 1916 года. Отцу Фрэнсису Моргану Толкиен, в обычной своей манере, сообщил об этом лишь за пару недель до венчания. Он опасался, что бывший опекун примет это известие враждебно. Однако отец Фрэнсис послал жениху и невесте самые тёплые поздравления и предложил обвенчать их в ораторианской церкви Бирмингема. Но было поздно: Рональд уже обо всём договорился с отцом Мерфи, и долгожданное бракосочетание состоялось в Уорике.

Подобно тысячам другим молодых пар по всей Европе, новобрачные не могли рассчитывать на долгую и счастливую совместную жизнь. Каждый день война беспощадно губила самые радужные мечты и надежды. Жизнь для Рональда и Эдит внезапно стала ещё более хрупкой, чем казалась в детстве, и обоим им оставалось теперь только смиренно ждать и уповать на Господа.

Весной 1916 года Рональда повысили в звании до лейтенанта, и он сфотографировался в военной форме. На этом снимке он предстаёт типичным английским офицером времён первой мировой. Коротко подстриженные волосы, гладко зачёсанные влево на пробор; безупречно опрятная форма; высокий лоб, длинный, тонкий нос, усы и выдающиеся скулы. Лицо не назовёшь классически красивым, но все черты свидетельствуют о недюжинном уме, решимости и честности. Это лицо человека,

сразу же располагающего к доверию; однако на нём оставили свой след и тревоги военного времени, о чём свидетельствуют отразившиеся во взгляде неуверенность и грусть. Через несколько недель после того, как был сделан этот снимок, Толкиена наконец отправили во Францию.

Он прибыл в Кале 6 июня, откуда пешим ходом направился в базовый лагерь Британской армии, располагавшийся в маленьком городке Этапль. Здесь он провёл три недели в полной неизвестности: в любой момент его часть могли бросить в бой. Пришлось привыкать к новому ритму жизни: вынужденное безделье, бесконечные чаепития, курение трубки, разговоры, чтение и, само собой, ожидание.

Напряжение соседствовало с невыносимой скукой, которая усугублялась тем, что книг и газет в лагере почти не было, а прогулки исключались вовсе — отойдя от лагеря всего на несколько шагов, солдат уже рисковал нарваться на мину или снайперскую пулю. Толкиен с трудом находил общий язык с другими офицерами. Большинство из них были профессиональными военными, смотревшими на подобных ему свысока — как на дилетантов, жалких колледжских юнцов, напяливших на себя армейскую форму. Толкиен предпочёл бы общество сержантов и пехотинцев-рядовых, составлявших основную часть батальона, но устав запрещал офицерам поддерживать дружеские отношения с рядовыми, так как считалось, что подобная фамильярность подрывает дисциплину в войсках.

На фоне скуки с каждым днём росла напряжённость. С того момента, как пришёл приказ об отправке на фронт, Толкиен ни минуты не чувствовал себя в безопасности. Разумеется, он был наслышан о том, что происходит на фронте. Никто не задерживался в базовом лагере надолго; части одна за другой уходили линию боёв, а в обратном направлении безостановочно двигался поток больных и раненых. И каждому солдату было что рассказать о том кошмаре, который творился всего в нескольких милях от лагеря. Но ещё хуже было то, что в официальных сводках никаких подробностей не сообщали и никаких сведений о дальнейших планах кампании в лагерь не поступало. Вкупе с бессмысленным ожиданием эта неизвестность превратилась в невыносимую муку.

Перемены наступили внезапно. 11-й батальон, в который Толкиена перевели уже в Этапле, покинул лагерь и двинулся на северо-восток, к линии фронта. Походило на то, что наконец начался давно обещанный «большой натиск» — контрнаступление союзных сил.

События разворачивались стремительно. Военным эшелоном 11-й батальон направился в Амьен — столицу департамента Сомма, расположенного в северофранцузской области Пикардия, приблизительно в семидесяти пяти милях к северу от Парижа. Из окон поезда Толкиен видел, в какое запустение пришёл этот край под перекрёстным огнём двух враждующих армий. Вот уже несколько недель шли дожди; поля превратились в болота; то там, то сям сквозь грязное стекло вагона виднелись полуразрушенные низенькие домишки с покосившимися ставнями; медные ворота, некогда красовавшиеся на въезде в какое-то имение, сиротливо валялись в мокрой куче хлама.

Солдаты играли в карты и курили, заполняя вагон дымом дешёвых сигарет и трубочного табака. Багажные полки и проходы были битком набиты вещмешками. Сержанты начищали сапоги и смазывали штыки. Кое-кто писал домой, возлюбленным и матерям. Невдалеке грохотали гаубицы и миномёты. Почти для всех, кто ехал в этом вагоне, то было последнее в жизни путешествие.

Дождь по-прежнему лил и во время краткой остановки в Амьене, и на марше из города к деревушке Рюбампре, что была ещё миль на десять ближе к линии фронта. Рёв и грохот орудий становился всё громче. Изредка над головами солдат уже свистели шальные снаряды; из-за угрозы мин и снайперских пуль нельзя было расслабиться ни на минуту.

В Рюбампре батальон задержался на полтора дня. Жители давно покинули деревушку, а единственная улица, тянувшаяся между выжженными остовами строений, была изрыта воронками от снарядов, и пройти по ней с лошадьми и орудиями было почти невозможно. На ночь солдаты разместились в сараях и под защитой полуразрушенных стен. Импровизированные навесы почти не спасали от дождя.

На следующий день они продолжили путь и добрались до деревушки Бузенкур, где их ожидал более обустроенный лагерь. Линия огня была уже совсем близко, и сюда постоянно стягивалось пополнение. От самой деревни практически ничего не осталось: снаряды и мины сровняли с землёй почти все дома, обитатели которых давно погибли или бежали куда глаза глядят. Солдаты соорудили несколько хижин, в которых разместились офицеры, и Толкиен в том числе. Остальным пришлось довольствоваться рваными мокрыми матрасами и ночевать в чистом поле или на придорожной полосе.

В те дни среди солдат только и было разговоров, что о «большом натиске», но контрнаступление всё откладывалось и откладывалось. Примерно четырьмя месяцами ранее, в конце

февраля 1916 года, немцы под командованием генерала фон Фалькенхайна[27] попытались прорвать фронт союзных войск при Вердене на реке Мёз (северо-восточная Франция), в результате чего позиционная война затянулась. За эти четыре месяца обе стороны понесли большие потери, но к 1 июля 1916 генерал Хейг[28] сосредоточил в одной точке огромные силы (более полумиллиона британских солдат и несколько меньшее по численности французское войско), намереваясь совершить мощный контрудар и вытеснить немцев из Франции.

Это сражение вошло в историю как битва при Сомме. В первый же день немецкие пулёметы скосили девятнадцать тысяч английских солдат, а потери ранеными составили около шестидесяти тысяч. Большинство погибших и раненых оставалось лежать в нескольких шагах от своих окопов. Тот день обернулся для англичан самыми сокрушительными потерями за всю историю британской армии. Вину за это справедливо возлагают на Хейга, понадеявшегося на то, что после нескольких дней интенсивного предварительного артобстрела немецкие пулемёты вышли из строя. В действительности же немецкая военная техника почти не пострадала. В числе девятнадцати тысяч погибших оказался один из ближайших друзей Толкиена, его товарищ по ЧКБО Роб Джилсон, служивший в суффолкском полку.

О гибели друга Толкиен узнал только через две недели. Пока под пули и гранаты шла первая волна атакующих (среди которых был и Джилсон), 11-й батальон держали в резерве. Через пять дней подошла и его очередь, но Толкиен всё ещё оставался в Бузенкуре: он был офицером второй роты, а в окопы сначала отправили только первую.

Из недавно полученного письма Толкиен знал, что двое его друзей, Роб Джилсон и Дж.Б. Смит, находятся в соседнем лагере. Он предполагал, что их уже бросили на передовую, и очень за них волновался. Но в тот самый день, когда в гущу сражения отправилась первая рота, Смит явился в Бузенкур целый и невредимый. Перед возвращением в окопы ему полагалось несколько дней отдыха.

В эти несколько дней друзья то и дело беседовали за чашкой чая, как когда-то в пыльной библиотеке школы короля Эдуарда. Они вспоминали прошлое и посмеивались над причудами своих отсутствующих товарищей. Но воссоздать ту безмятежную атмосферу, в которой прошли дни их ранней юности, конечно же, было невозможно. Чистенькие, аккуратные школьники превратились в усталых, измученных солдат, ввергнутых в самое сердце ада на земле.

Через три дня первая рота вернулась из окопов. Многие погибли, около сотни человек — более трети всего состава — было ранено. А в пятницу, через неделю после прибытия на фронт, настал черёд второй роты, которой командовал Толкиен. Той ночью, под покровом тьмы, они взвалили на плечи свои вещмешки, надели каски и двинулись по слякотной дороге на передовую. Окопы протянулись примерно в миле от деревни.

> Подобьями карги или хрыча,
> Горбатясь, кашляя, в воде стоячей,
> От вспышек взрывов, что рвались рыча,
> На дальний отдых мы плелись, как клячи.
> Шли как во сне. Шли без сапог, хромая,
> Сбив ноги. Шли, шагая невпопад;
> Усталые и даже не внимая
> Глухому визгу газовых гранат[29].

Так Уилфред Оуэн начинает одно из самых знаменитых своих описаний окопной войны. Нам к этому нечего добавить. Перед лицом такой боли и тщеты любой эпитет покажется неуместным[30].

Роту Толкиена бросили в атаку на занятую немцами деревушку Овийе. Многие его товарищи пали под пулемётным огнём в первые же несколько часов наступления. Толкиен сражался на передовой двое суток без передышки, но, как ни удивительно, остался невредим, не считая нескольких царапин. Затем он немного отдохнул и вернулся в строй ещё на двенадцать часов, после чего его роту наконец отвели с позиций.

Вернувшись в Бузенкур, Толкиен нашёл там несколько писем. Одно из них было от Дж.Б. Смита, и в нём содержалось известие, которого так опасались друзья с начала боёв при Сомме. Их школьный товарищ Роб Джилсон погиб.

Для Толкиена эта весть была страшным ударом. В горячке боя он видел, как гибнут солдаты, сражавшиеся с ним бок о бок, и самому ему довелось убивать, но близкого друга он потерял впервые. Казалось, вместе с Робом Джилсоном ушла в небытие вся связанная с ним часть былой жизни. Ко всем потерям и лишениям, которые приходилось претерпевать Толкиену на войне, прибавилась скорбь о безвременно павшем друге.

Всё ещё не оправившись от этого ужасного известия, Толкиен возвращался в окопы снова и снова. Пока что ему удавалось избегать ранения, но в этот период он осознал собственную смертность остро, как никогда. До гибели Джилсона Толкиен ещё мог внушать себе, что его друзья и он сам неподвластны смерти,

защищены волшебными узами связавшей их взаимной любви. Подобные убеждения вообще нередки среди солдат: этот самообман помогает им выдерживать бесконечные тяготы войны и встречать лицом к лицу все ужасы и опасности.

Бои при Сомме бушевали всё лето, и Толкиен то и дело оказывался в самой гуще сражения. В августе ему ещё раз довелось увидеться со Смитом. Они помянули павшего друга и вспомнили о другом своём товарище по ЧКБО — Кристофере Уайзмене, который в то время служил во флоте. Оба они, и Смит, и Толкиен, закалились в огне войны и немало ожесточились. Развеять тоску в лёгкой беседе не удалось, и друзья расстались в подавленном настроении. То была их последняя встреча.

С наступлением осени ситуация почти не изменилась. Сражения продолжались весь сентябрь и октябрь; не умолкли орудия и после того, как холодные ветра и дожди возвестили о наступлении зимы. Солдаты увязали в слякоти по пояс, окопы кишели крысами, вонь стояла невыносимая.

Стоит ли удивляться, что при Сомме, как и по всей линии фронта, от болезней солдаты выходили из строя ещё чаще, чем от ранений? В конце октября 1916 года, после пяти месяцев пребывания во Франции, Толкиен заразился свирепствовавшей в те дни «окопной лихорадкой» — острой инфекционной болезнью, которая переносится вшами и вызывает тяжёлые приступы лихорадки.

Случилось это в деревушке Боваль, откуда Толкиена через два доставили в госпиталь в приморском городе Ле-Туке, где он провёл ещё неделю. Так как состояние больного не улучшалось, решено было отправить его обратно в Англию. И 9 ноября 1916 года Толкиен оказался в хорошо знакомом ему с детских лет Бирмингеме.

Эдит тотчас же приехала к нему. Врачи всерьёз опасались за жизнь пациента и продержали его в госпитале целых шесть недель. Но помочь ему почти ничем не могли: окопная лихорадка — тяжёлая болезнь, и многие солдаты, особенно раненые, от неё умирали. Медицина ещё не знала антибиотиков и механизм развития болезни был неизвестен, так что врачам оставалось лишь вести наблюдение за больными и следить, чтобы те хорошо питались.

Сразу же после свадьбы Эдит переехала в Грейт-Хейвуд — деревню в Стаффордшире, рядом с тренировочным лагерем, в котором Толкиен дожидался отправки во Францию. Опрятный домик, в котором она поселилась с кузиной Дженни, стоял в центре этой живописной деревушки. Здесь, в меблированных комнатах, они и прожили до конца 1916 года. К третьей неделе

декабря Толкиена выписали из бирмингемского госпиталя, и они с Эдит отправились поездом в Грейт-Хейвуд.

Для Толкиена наступило блаженное время отдыха. Правда, ужасы окопной жизни были ещё свежи в его памяти, а после отпуска его снова ждала служба во Франции. Однако они с Эдит старались извлечь из этой краткой передышки всё, что можно. Они пытались не думать о войне, но это, конечно же, было непросто. Стояли холода, топлива и продуктов не хватало, жить в деревенском домике было неуютно. Но хуже всего были неизменно дурные новости с фронта. Перед отъездом из Бирмингема Толкиен узнал о гибели Смита — тот был ранен осколками снаряда и умер от гангрены. Так к концу второго года войны из четырёх друзей — основателей ЧКБО в живых осталось только двое: Толкиен и Кристофер Уайзмен.

Ситуация в мире политики тем временем изменилась. В ноябре Вудро Вильсон был переизбран президентом США, а 7 декабря премьер-министром Великобритании стал Дэвид Ллойд Джордж. Англо-американские связи окрепли, и пошли разговоры о том, что не сегодня-завтра Соединённые Штаты придут на помощь союзным войскам и обрушатся на кайзера со свежими силами. Но смягчить эмоциональную реакцию на затянувшуюся войну не могли никакие доводы разума. Слишком многими овладело чувство тщетности всех усилий и бессмысленности всех смертей; слишком многим казалось, что будущее таит в себе только новые невзгоды и лишения. С таким настроением встречали Рождество 1916 года по всей Европе, и дом Толкиенов не стал исключением.

И всё же супруги старались разогнать сгустившиеся над их судьбой мрачные тени. Эдит играла на фортепиано, Рональд рисовал её портреты. Они выходили на прогулки и тихо беседовали, сидя у камина. В тот месяц Эдит забеременела, и новость эта была радостной но, в то же время, пугающей. В каком мире придётся жить их ребёнку? Не только Толкиены, но и многие другие супружеские пары в ту хмурую зиму задавали себе подобный вопрос.

К концу января Толкиен, казалось, был уже на верном пути к выздоровлению, но в конце февраля произошёл рецидив. Проболев ещё три недели, Толкиен снова окреп в достаточной мере для путешествия, и его направили в Йоркшир на переподготовку.

Рональд поехал в лагерь один, но Эдит и Дженни вскоре прибыли следом. Они сняли комнаты в Хорнси — довольно жалком приморском городишке. Здесь было скучновато и в лучшие времена, а теперь опустевший городок и вовсе замер,

словно оцепенев под тяжестью низких, серых облаков.

Стоило Толкиену прибыть в тренировочный лагерь, как он снова разболелся, ещё тяжелее, чем прежде, и его положили в санаторий в Харроугейте (неподалёку от Йоркшира). Через несколько недель он пошёл на поправку и вернулся в лагерь.

И так продолжалось всю весну и лето 1917 года: приступы болезни, подчас весьма тяжёлые, чередовались с краткими периодами ремиссии. Этот цикл доставлял большие неудобства не только самому Толкиену, но и Эдит, которая к концу лета 1917 года была уже на шестом месяце беременности. Её мучила жара, а унылые и тесные меблированные комнаты в Хорнси не шли ни в какое сравнение с теми уютными домиками, в которых они с Дженни жили до войны. Всё это изрядно беспокоило Эдит, и в сентябре она решила вернуться в Челтнем и провести там недели, оставшиеся до родов.

16 ноября в челтнемской больнице на свет появился первый ребёнок Толкиенов — мальчик, которому дали имя Джон Фрэнсис Рейел. Рядом с Эдит была только Дженни, Толкиен смог приехать лишь через неделю. К тому времени его перевели в лагерь близ деревни Рус, куда и перебралась Эдит с новорождённым сыном, как только оправилась после родов.

В Англии уже сильны были надежды на то, что война вступает в последнюю фазу и очень скоро союзники будут торжествовать победу. И для оптимизма были свои причины, так как характер военных действий за последние месяцы существенно изменился. Ещё весной 1917 США объявили войну Германии, и в Европу устремился поток американских солдат, боеприпасов и вооружения. На помощь ВМС Великобритании, сдерживавшим натиск германского флота у берегов Европы и в Атлантике, пришли американские военные корабли. Сообща они сумели нейтрализовать подводные лодки противника, нападавшие на торговые суда и сильно затруднявшие доставку продовольствия и боеприпасов.

Вмешательство Соединённых Штатов повлекло за собой перелом в ходе войны и вселило в англичан новые надежды. Однако ситуация с Россией и Восточным фронтом по-прежнему оставалась неопределённой. В России власть перешла в руки большевиков, и всю страну охватил хаос. К тому времени на Восточном фронте пало уже несколько миллионов русских солдат, и новые власти решили пойти на уступки и подписать перемирие на весьма невыгодных условиях.

Для Эдит и Рональда Рус стал очередной тихой гаванью, ещё одним островком счастья и спокойствия в море бедствий. Впервые для них забрезжила надежда, что Рональду не придётся

возвращаться на фронт. Но идиллия продлилась недолго. Правда, во Францию Толкиена больше не отправили, но в марте его перебросили в новый лагерь — в стаффордширском городке Пенкридж, в семидесяти милях к югу от Руса. Эдит, маленькому Джону и Дженни Гроув снова пришлось ехать следом за ним. Стоило же им устроиться на новом месте, как Толкиену пришёл приказ о возвращении в Йоркшир.

Чаша терпения Эдит переполнилась, и она наотрез отказалась от очередного переезда. Она предпочла остаться в Пенкридже, а Рональд поехал в йоркширский лагерь в Гулле. Там он снова слёг, и его в очередной раз положили в госпиталь.

Эдит была на грани нервного срыва. Конечно, она не могла не радоваться тому, что муж её вернулся из окопов живым, но вот уже полтора года он то и дело болел, а вдобавок Эдит вынуждена была беспрестанно переезжать за ним с места на место. Не удивительно, что она вышла из себя и даже озлобилась. Из переписки между супругами явствует, что она уже не давала себя труда скрывать своё разочарование. В одном из писем Эдит иронически замечает, что за последние два года Толкиен провёл в постели столько времени, что наверняка успел отдохнуть впрок на всю оставшуюся жизнь.

Но самое страшное было уже позади. В этот последний год войны союзники по-прежнему несли тяжёлые потери (в числе погибших оказался и Уилфред Оуэн, убитый при переправе через канал Уаза-Самбра всего за неделю до капитуляции немцев[31]), но перемены к лучшему начались уже в конце 1917 года. 11 ноября 1918 года в вагончике на железнодорожной станции в Комьпене, где размещался штаб союзных войск, верховный главнокомандующий маршал Фердинанд Фош[32] принял договор о капитуляции, подписанный от имени Германии правительственным чиновником Маттиасом Эрцбергером[33]. На следующий день Толкиен обратился к своему командиру с просьбой перевести его в Оксфорд с целью завершения образования до демобилизации.

Глава 5. Фантастические миры

Каждому поклоннику Дж.Р.Р. Толкиена известно, что цикл книг, повествующих о Средиземье, не имеет себе равных. За последние полвека появились тысячи произведений в жанре фэнтези, авторы которых обязаны Толкиену очень многим. Но ни одно из них не производит на читателя впечатление такой же целостности и полноты, как мир, изображённый в «Хоббите», «Властелине колец», «Сильмариллионе» и «Утраченных сказаниях». И это не случайно. В отличие от современных авторов, работающих в жанре фэнтези, Толкиен работал над созданием этого цикла произведений почти всю свою жизнь — в общей сложности около шестидесяти лет. И в каком-то смысле его внутренний мир — мир Средиземья — стал для него более реальным, чем внешняя жизнь.

Но с чего же начался обширный труд, приведший к рождению этого «параллельного мира»? Что побудило Толкиена взяться за эту работу? И что помогало ему долгие годы сохранять к ней глубокий интерес?

Это непростые вопросы, и ответить на них исчерпывающим образом нам едва ли удастся. Но в наших силах, по крайней мере, попытаться проследить за ходом мысли Толкиена и рассмотреть истоки и первоосновы его грандиозного замысла.

Прежде всего, нам следует обратиться к тем ранним впечатлениям, которые Толкиен бережно хранил в душе с детских лет. Мы помним, как нежно он любил сельскую Англию, и можно не сомневаться, что многие её черты запечатлелись и в сотворённом им мире Средиземья. Подобно большинству детей, Толкиен много фантазировал и выдумывал всевозможных монстров и чудищ, а окружающий мир представал его воображению волшебными краями, полными чудес и приключений. Необычно, однако, то, что образы детских фантазий сохранились в его памяти очень отчётливо, и когда он начал писать, ему не составило труда к ним вернуться. Время игр в компании младшего брата осталось позади, но Толкиен стал создавать персонажей, которые могли бы разыгрывать за него любимые роли. Так поступают все авторы художественных произведений. Но в данном случае важно то, что прототип своего воображаемого мира Толкиен создал ещё в раннем детстве. Основой всей сложнейшей альтернативной реальности Средиземья стала игра детской фантазии. Толкиен сберёг в памяти незатейливую сказку своего детства и преобразил её в невероятно увлекательную и правдоподобную мифологию, по сей

день потрясающую воображение читателей.

Именно стремление создать мифологию и стало средоточием легенд о Средиземье. Первые фрагменты будущего великого эпоса Толкиен записал ещё в годы войны, по возвращении с фронта. Он мечтал создать, по собственному его выражению, «мифологию для Англии». Изучая древние языки и культуру народов, говоривших на этих языках, он пришёл к выводу, что в Англии, в отличие от Исландии, Скандинавии или стран Центральной Европы, так и не сложилось корпуса письменных преданий, способных составить полноценную мифологическую систему. В древнеанглийской литературе сохранились только отдельные фрагменты утраченных сказаний, отголоски легенд Артуровского цикла, отрывки и отблески давно минувших времён. Шекспира, которого многие считают хронистом мифов и легенд, Толкиен, как уже говорилось, ценил невысоко; не вдохновляли его и произведения Чосера. В Англии не сохранилось ничего, сопоставимого с «Младшей Эддой» (памятником скандинавской мифологии, записанным исландским историком XIII века Снорри Стурлусоном), эпической поэмой «Беовульф» или финским эпосом «Калевала»[34]. Но Толкиен решил, что ему по плечу заполнить этот досадный пробел.

Не ему первому пришла в голову такая идея. Э.М. Форстер[35] в романе «Хауардз-Энд», опубликованном в 1910 г. писал:

> «Почему в Англии нет великой мифологии? Наш фольклор так и не вышел из колыбели. Лучшие мелодии, какие можно услышать в нашей сельской местности, — детища греческих свирелей. При всех своих достоинствах, при всей своей глубине народное воображение оказалось здесь бессильно. Оно так и не пошло дальше ведьм и фей»[36].

Но кто лучше Толкиена мог справиться с этой задачей? На роль создателя мифологии Средиземья он подходил идеально: ведь автору такого труда необходимо было обладать не только живым и дисциплинированным воображением, но и тонким чувством языка и глубоким пониманием лингвистики. Многие удивляются, впервые услышав о том, что Толкиен целыми днями работал в университете, а книги сочинял, главным образом, по ночам или когда удавалось выкроить свободную минутку. С другой стороны, многие его коллеги-профессора наверняка тоже удивились, когда Толкиен прославился своими книгами. Но на самом деле только это сочетание художественного дара с талантом лингвиста и позволило ему создать самодостаточную вымышленную культуру. Ибо, как Толкиен узнал ещё в ранней

юности, язык — это не просто слова.

В действительности, изучение языка — это изучение культуры. Может показаться странным, что, будучи профессором англосаксонского языка и прекрасно разбираясь в лингвистических тонкостях и структуре ещё десяти-двенадцати языков, Толкиен, тем не менее, с трудом мог говорить по-французски и по-испански. Но дело в том, что Толкиена интересовали в первую очередь взаимосвязи между языком и культурой. Изучая «Беовульфа» (которым Толкиен был увлечён ещё со времён учёбы в школе короля Эдуарда), можно получить массу информации об образе жизни и мировосприятии скандинавских народов VII столетия. «Младшая Эдда» и «Беовульф» содержат в себе ничуть не меньше сведений о древних скандинавах, чем любая коллекция археологических находок.

Таким образом, изучение древних языков помогло Толкиену оценить роль мифа как памятника древней культуры. И только осознав это, он смог приступить к созданию собственной мифологии для описания некой вымышленной культуры (по существу, целой вымышленной вселенной!), основанной на языках народов, населяющих этот фантастический мир. Именно язык или, точнее говоря, эльфийские языки, и стали тем зерном, из которого впоследствии вырос весь эпический цикл Средиземья.

Но, разумеется, одного лишь интереса к языку, пусть даже всепоглощающего, для создания мифологии было недостаточно. Столь же важную роль в рождении Средиземья сыграли ещё три фактора: во-первых — яркое воображение, без которого невозможно было бы сотворить эти несуществующие языки и вдохнуть жизнь в говорящих на них персонажей, во-вторых — дисциплинированность, без которой написать все эти книги были бы просто невозможно, а в третьих — побудительная причина, без которой Толкиен так никогда и взялся бы за этот колоссальный труд.

По справедливости говоря, второй и третий факторы тесно взаимосвязаны, так как трудно представить себе, чтобы кто-нибудь стал трудиться над подобной задачей изо дня в день, месяц за месяцем и год за годом, если бы его не побуждали к тому мощный первоначальный импульс и внутренняя потребность творить этот вымышленный мир (или, по выражению самого Толкиена, «сотворчествовать в его создании»).

Каковы же были эти побудительные причины? Что заставляло его творить Средиземье и чем в конечном счёте определился облик этого неповторимого мира?

Охватившее Толкиена желание создать «мифологию для Англии» объясняется не только тем, что в национальной

литературе он не нашёл ничего такого, что с чистой совестью мог бы назвать исконно английским мифом, но и тем, что именно Толкиен, как никто иной, был *способен* решить эту задачу. Он был прекрасно к ней подготовлен. И вернувшись в Англию из окопов, он впервые осознал это в полной мере.

Однако первоисточник этого стремления следует искать в более далёком прошлом, во временах школьного товарищества ЧКБО. Каждый из молодых людей, сиживавших некогда за чаем в библиотеке школы короля Эдуарда, твёрдо верил в своё высокое предназначение. Никто из них не сомневался в своих выдающихся интеллектуальных способностях. И хотя своё призвание они ещё не нашли и большую часть времени только заигрывали с теми или иными идеями, всё же каждый из них был убеждён, что рано или поздно совершит в своей жизни нечто важное.

В последние раз друзья — к тому времени уже студенты престижных университетов — собрались вместе на рождественских каникулах 1914 года, у Кристофера Уайзмена, недавно переехавшего вместе с родителями в большой, довольно богатый дом близ Уондсворта[37]. Все четверо — Уайзмен, Толкиен, Дж.Б. Смит и Роб Джилсон — готовились идти на войну, но эти несколько дней они провели точь-в-точь, как в старое доброе время. Они читали вслух отрывки из любимых книг и вели долгие беседы о литературе, искусстве и политике. И всё же кое-что изменилось. Молодые люди начали осознавать своё призвание. Эта рождественская встреча с друзьями пробудила в Толкиене вдохновение. Он захотел сочинять стихи. Современная поэзия его не интересовала, и он решил обратиться к древнему жанру героического эпоса, достоинства которого оценил уже давно.

Но война многое изменила. Всего за год погибло двое из четырёх товарищей — Джилсон и Смит, а Уайзмен и Толкиен пережили тяжёлое потрясение, впервые остро ощутив всю хрупкость человеческой жизни. За несколько дней до собственной гибели Смит писал Толкиену о том, каким ужасным ударом стала для него смерть Роба Джилсона, но тут же утверждал, что братство их осталось нерушимым, несмотря на эту потерю. Тем, кто выживет, — добавлял он, — тем, кто вернётся с войны целым и невредимым, предстоит выступать от имени всех четверых и по-прежнему гордо нести светоч ЧКБО. Им предстоит высказать, что не успели высказать погибшие, и сотворить нечто такое, чем могли бы гордиться все члены их школьного товарищества.

Это письмо Толкиен принял очень близко к сердцу, а гибель Смита лишь придала его прощальным словам ещё больший вес. И уже через несколько дней под пером Толкиена возникли первые

фрагменты эпического цикла — первые ростки мифологии, которую он начал творить не только для Англии, но и для ЧКБО, для Джилсона и Смита.

Однако до сих пор мы ответили лишь на вопрос о том, что побудило Толкиена приступить к своему «сотворчеству в создании» мифологии. Но почему он решил выступить от имени ЧКБО именно в такой форме? Почему он вообще стал лингвистом и знатоком древних культур и мифов? Почему он избрал делом своей жизни древние языки и мифологию?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придётся вернуться в прошлое ещё дальше, к привязанности более давней и глубокой, нежели та, что объединила между собой членов ЧКБО, — к той нежной любви, которую маленький Рональд питал к своей матери, Мэйбл Толкиен.

Любовь к матери Толкиен пронёс через всю жизнь, и до конца своих дней он был твёрдо убеждён, что Мэйбл Толкиен умерла молодой по вине тех, кто отверг её из-за обращения в католицизм. Этим убеждением питалась и вера самого Толкиена. По-видимому, именно оно и привело к тому, что одной из основ его жизни стала глубокая религиозность.

Но невозможно счесть простым совпадением и тот факт, что языками и древней мифологией Толкиен увлёкся почти сразу же после смерти матери. Не могла ли в душе его затаиться неосознанная обида на церковь, обида на католицизм, отнявший у него мать? Не могла ли эта обида подтолкнуть его к поискам мира, свободного от христианства и от какой бы то ни было ортодоксальной веры вообще, — к поискам некой исконной, языческой альтернативы привычной ему реальности?

Одна из самых ярких особенностей толкиеновской мифологии заключается в том, что, подобно древним преданиям, лёгшим в её основу, она изображает мир, не знающий христианства. Христианин назвал бы мир Средиземья «падшим», но ещё не обретшим искупления[38]. Иными словами, это мир раннего детства, мир, в котором Толкиен жил до того, как его мать обратилась к религии, — быть может, Сэйрхоул или Блумфонтейн, где его мать была ещё молодой и здоровой и ничто не нарушало их семейной идиллии. Садясь за пишущую машинку или принимаясь за очередную иллюстрацию к своим книгам, подсознательно Толкиен всякий раз возвращался в эти блаженные, чистые времена и в материнские объятия.

Трудно отрицать, что подобное стремление вернуться к невинному и счастливому миру детства — поистине мощный стимул для творчества. Но оно ни в коей мере ни лишает волшебства чудесный мир Средиземья и ничуть не умаляет

достижений его творца. Смерть матери и обстоятельства этой трагедии послужили всего лишь неосознанным первотолчком к созданию Средиземья. Возможно, в этих мысленных возвращениях к раннему детству Толкиен и черпал силы для своих одиноких ночных трудов. Однако разработать мифологию, создать правдоподобных героев и сюжеты, а затем структурировать весь этот огромный материал и придать ему художественную форму Толкиену предстояло самостоятельно.

И труд этот тем более достоин восхищения, что вершить его Толкиену приходилось без всякой опоры и поддержки. Никакого предварительного договора с издателями он не заключал и поначалу едва ли мог рассчитывать на то, что книги его будут прочитаны кем-либо, кроме нескольких близких друзей. Более того, не следует забывать, что задача, которую он перед собой поставил, фактически не имела прецедента.

В наши дни фэнтези — один из самых популярных литературных жанров, но в те времена, когда Толкиен приступил к своему труду, «романтические фантазии» (в английском литературоведении иногда именующиеся «художественными фантазиями»[39] или «романтическим эпосом»[40]) занимали в литературе весьма скромное место и обычно зачислялись в одну категорию с произведениями более развитого жанра научной фантастики.

В вопросе о том, кого можно считать основоположником фэнтези, исследователи не пришли к единому мнению; чётко сформулировать особенности этого жанра и определить его отличия от научной фантастики также пока не удалось. Но, несмотря на это, фэнтези имеет древнюю и достойную родословную. Одним из первых авторов, творивших в этом жанре, был древнегреческий писатель Лукиан Самосатский[41], живший во II веке н.э. Лукиановы сатиры, древнейший из дошедших до нас образцов фэнтези, послужили моделью для множества произведений позднейших эпох. В XV веке английский писатель-гуманист и государственный деятель Томас Мор возродил стиль Лукиана в своей знаменитой «Утопии», которой в дальнейшем подражали многие авторы, в том числе итальянский философ Томмазо Кампанелла (1568 — 1639), подвергшийся преследованиям и пыткам за «еретические» взгляды, изложенные в утопии «Город Солнца».

Несколько в стороне от этого направления стоит одна из самых знаменитых «фантазий» мировой литературы — опубликованные в 1726 году «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта. Сатирический дар Свифта поистине уникален, и хотя подражателей у него было немало, создать столь

же выдающееся произведение по образцу «Гулливера» не удалось никому. Но зато на протяжении XVII — XVIII веков появлялось всё больше и больше романов иного типа, которые также можно без особого преувеличения назвать предвестниками современной фэнтези. В их числе — «Подземное странствие Николая Клима» Людвига Хольберга, «Микромегас» Вольтера и, конечно же, «Франкенштейн» Мэри Шелли[42].

Большой вклад в развитие жанра фэнтези внёс Вальтер Скотт, сочетавший в своих сочинениях исторический реализм с элементами фантастики. В наши дни Скотт известен, главным образом, как автор рыцарских романов — прежде всего «Айвенго» (опубликован в 1819 г.) и циклом романов «Уэверли» (1814), «Гай Мэннеринг» (1815), «Антикварий» (1816) и «Чёрный карлик» (1816). Скотт старался воссоздавать атмосферу минувших времён с тщательностью истинного учёного. Сюжеты его захватывающих героических повествований разворачиваются на фоне средневековой Англии и Шотландии, и многие элементы литературной формы, разработанной Скоттом, вошли в репертуар художественных средств современной фэнтези, действие которой нередко помещается в обстановку «альтернативного Средневековья».

Столетие спустя, с началом эпохи технического прогресса, вниманием читающей публики завладела научная фантастика. Лучшими образцами этого жанра, созданными в тот период, по праву признаются романы Жюля Верна и Герберта Уэллса. Но самые знаменитые произведения этих авторов — «Двадцать тысяч лье под водой» Верна (1870) и «Машина времени» Уэллса (1895) — нельзя причислить к жанру фэнтези, или «романтической фантазии», так как в них изображаются *возможные* миры. Действие этих романов происходит в привычной и хорошо узнаваемой «реальности», а ключевую роль в развитии сюжета играют новейшие достижения науки и техники. Именно на этом этапе фэнтези отделилась от научной фантастики: работе с футуристическими научными идеями авторы фэнтези предпочли создание альтернативных миров, сколь угодно далёких от «реальности».

Одним из крупнейших представителей жанра фэнтези на рубеже XIX — XX вв. был ирландский писатель лорд Дансейни. Эдвард Джон Мортон Дракс Планкет, 18-й барон Дансейни, родился в 1878 году, получил образование в Итоне и поддерживал дружбу со знаменитым ирландским поэтом У.Б. Йейтсом[43]. Подобно Толкиену, Дансейни был учёным (профессором английской литературы в Афинском университете), а книги писал в свободное время. Начало его полувековой

литературной карьере положил опубликованный в 1905 году сборник фантастических рассказов «Боги Пеганы», а в общей сложности лорд Дансейни написал около семидесяти книг, в том числе «Меч Веллерана». Свой излюбленный жанр — описания вымышленных миров, для которых нет почти ничего невозможного и где привычные законы земной реальности работают далеко не всегда, — сам Дансейни определял как повести о том, что находится «за гранью изведанного».

В своё время Толкиен прочёл немало сочинений Дансейни, но свидетельств о том, какое впечатление они на него произвели, сохранилось не так уж много. В молодости эти книги его восхищали, но позже Толкиен стал считать Дансейни поверхностным автором, недостаточно внимательным к деталям. Особенно его возмущало отношение Дансейни к именам собственным. Сам Толкиен тщательно следил за тем, чтобы все имена персонажей и топографические названия в его книгах соответствовали строгим лингвистическим правилам, так что подход Дансейни, просто изобретавшего имена собственные как придётся, не мог его не раздражать.

И всё же некоторые рассказы Дансейни запали Толкиену в память. Один из примеров — «Сокровище гиббелинов», где жуткие гоблины, или орки (которых Дансейни называет «гиббелинами»), не едят, «как известно, ничего, что поплоше человечины». В «Плачевной истории Тангобринда-златокузнеца» герой встречается с чудовищным пауком Хло-хло, а в «Дочери короля эльфов», одном из лучших рассказов Дансейни, Альверик из долины Эрл отправляется за грань изведанного и возвращается с дочерью эльфийского короля.

Но гораздо более глубокое влияние на Толкиена оказал другой автор «фантазий» — Уильям Моррис, и сам Толкиен с радостью признавал, что многим ему обязан. Моррис родился в 1834 году в богатой семье протестантов-евангелистов. Родители баловали сына и стремились оградить его от любых неприятных столкновений с внешним миром, так что мальчик рос замкнутым и необщительным. Ещё в семилетнем возрасте он увлёкся Средневековьем, странствующими рыцарями и героическими деяниями. Интерес этот во многом питался любовью к романам Вальтера Скотта и, в особенности, к циклу «Уэверли». Вскоре увлечение переросло в настоящую страсть. Когда Уильяму исполнилось девять, отец подарил ему пони и маленькие доспехи, и мальчик стал разыгрывать сцены своих фантазий в чаще Эппингского леса, на окраине которого стоял дом Моррисов.

Моррис отличался высокой эрудицией и с юных лет проявлял художественные способности. Он увлекался историей, искусством

и литературой, и с возрастом на смену играм пришло настоящее творчество. Он отлично успевал в школе, а в 1853 году (за пятьдесят восемь лет до Толкиена) поступил в оксфордский Эксетер-Колледж. Вначале он намеревался стать священником, но очень скоро отказался от этих планов и отдал предпочтение карьере художника и поэта. Унаследовав после смерти отца большое состояние, приносившее 900 фунтов годового дохода, Уильям избавился от необходимости зарабатывать себе на жизнь.

В своей поэзии, насыщенной средневековой образностью и писавшейся не без влияния Чосера, Китса и Теннисона, Моррис, тем не менее, создал совершенно оригинальный «альтернативный мир». Он встал во главе «Братства прерафаэлитов» и поддерживал тесную дружбу с Данте Гэбриэлом Россетти, Эдвардом Бёрн-Джонсом и Алджерноном Суинберном[44]. Первым его опубликованным произведением стала поэма под названием «Земной рай», работу над которой Моррис начал в 1861 году. В конце 60-х гг. XIX века Моррис всерьёз заинтересовался древнеисландским фольклором и опубликовал переводы двух исландских саг — «Саги о Гуннлауге Змеином Языке» и «Саги о Греттире».

К середине 70-х гг. Моррис сумел вписать в контекст этого относительно нового увлечения древней мифологией свою давнюю страсть к Средневековью и английским рыцарским романам, и на свет появилось одно из лучших его произведений — «Сказание о Сигурде Вёльсунге и падении Нибелунгов». За этой эпической поэмой последовали самые знаменитые его прозаические сочинения — «Дом сынов Волка» (1888) и «Лес за краем света» (1894). Спустя два года вышел в свет ещё один роман — «Колодец на краю света», который вплоть до появления толкиеновского «Властелина колец» оставался самым объёмным (более тысячи страниц) произведением в жанре фэнтези за всю историю литературы. Некоторые элементы героического эпоса, содержащиеся в этом романе, Толкиен позднее включил в свою эпопею. Мир, изображённый здесь Моррисом, во многом напоминает средневековую северо-западную Англию, но, подобно Средиземью, пронизан волшебством и совершенно не затронут христианским мировоззрением.

Эта серия произведений сыграла в жизни Толкиена огромную роль. Морриса он по-настоящему открыл для себя только в 1913 году, в начале третьего года обучения в Эксетер-Колледже. Той осенью, получив премию Скита, часть из пяти фунтов премиальных он потратил на прекрасное издание «Дома сынов Волка» в кожаном переплёте.

Не вызывает сомнений, что именно Моррис указал Толкиену

путь к изысканному литературному стилю (а следует признать, что Толкиен отступал от подлинной изысканности и опускался до простой декоративности крайне редко). Следующий далее отрывок из «Леса за краем света» наглядно показывает, как близок по духу Моррис самым поэтичным фрагментам из произведений Толкиена, в особенности некоторым эпизодам «Сильмариллиона»:

> «И увидел он высокий корабль, которого не замечал он прежде, — корабль, снаряжённый в плаванье: уже спущены были буксирные шлюпки, и матросы уже сидели на вёслах, приготовясь править в открытое море; оставалось отдать швартовы, и моряки, казалось, лишь ожидают кого-то, кто ещё не успел подняться на борт. А посему и Вальтер стоял, взирая в праздности на сей корабль, пока не увидел вдруг, как, минуя его, направились к сходням некие люди. Трое их было: первым шёл карлик, ликом смугл и безобразен, с руками предлинными, ушами преогромнейшими и собачьими клыками, как у дикого зверя, наружу торчащими. Облачён же он был в богатый плащ жёлтого шёлка, и в руке его был изогнутый лук, а на поясе — короткая сабля. Следом шла дева, на вид юная, зим не более двадцати, ликом прелестная, как цветок, сероокая, с волосами цвета каштана и губами полными и алыми, телом же стройная и нежная. Прост был её убор — зелёное платье, тесное и не столь длинное, чтобы от взора укрылось железное кольцо на правой её лодыжке. И последней шла дама, высокая и статная, обликом столь величественная и одеяниями столь блистательная…»[45].

Существенный вклад в развитие жанра фэнтези внесли и другие писатели того времени. Весьма популярны в начале XX века были Генри Райдер Хаггард (современному читателю известный, главным образом, по захватывающему приключенческому роману «Копи царя Соломона») и Эдгар Райс Берроуз, сочетавший в своих романах элементы фэнтези и научной фантастики[46]. Известностью пользовался также Джеймс Бренч Кэйбелл, в чьей «Истории жизни Мануэля» действие происходит в «альтернативных» Соединённых Штатах[47]. Подобно Моррису, Кэйбелл сотворил мир, в котором место ортодоксальной религии занимают магия и мифологическая традиция. Его книги приобрели скандальную репутацию, и одна из них, «Юрген, или Комедия правосудия», много лет находилась

под запретом.

Самым выдающимся из близких современников Толкиена, работавших в том же жанре, был английский писатель Эрик Раккер Эддисон. Эддисон приступил к работе над собственной масштабной «художественной фантазией» почти одновременно с Толкиеном. В 1922 году он опубликовал роман «Червь Уроборос», главный герой которого, Лессингем, переносится в альтернативный мир под названием Меркуриус, где становится посредником между двумя враждующими племенами.

Толкиен утверждал, что познакомился с этим романом только в 40-е годы, и довольно резко отвергал всякие предположения о том, что «Червь Уроборос» оказал на него какое-либо влияние. Сомневаться в его искренности у нас нет причин. Параллели между сочинениями Эддисона и, к примеру, «Властелином колец» практически не прослеживаются, если не считать того, что во всех этих книгах действие помещено в альтернативную реальность — а это общий признак подавляющего большинства произведений в жанре фэнтези. Интересно, однако, то, что Эддисон, подобно Моррису и Толкиену, увлекался скандинавской мифологией. В 1926 году он издал роман о викингах «Стирбьорн Могучий», а затем приступил к переводу древнеисландской «Саги об Эгиле» (стоит вспомнить, что Моррис тоже переводил исландские саги).

Приезжая в Оксфорд, Эддисон всякий раз являлся на собрания «Инклингов» по приглашению К.С. Льюиса, так что Толкиен встречался с ним неоднократно и впоследствии вспоминал о нём как о человеке довольно неприятном и агрессивном. Эддисон считал, что Толкиен пишет «вяло», но Толкиен оценивал Эддисона высоко и называл его лучшим в своём поколении автором фэнтези.

Итак, кого же можно считать предшественниками Толкиена на тот период, когда он только приступил к литературному творчеству? Толкиен был большим поклонником Морриса. Он не без удовольствия читал Вальтера Скотта и Дансейни. Вероятно, он был знаком и со Свифтом, и с некоторыми научно-фантастическими произведениями, включая романы Жюля Верна и Уэллса. Он серьёзно интересовался мифами и преданиями народов Северной Европы и германскими легендами, хорошо знал «Беовульфа» и сохранившиеся образцы древне- и среднеанглийской литературы. Он успел внимательно изучить Чосера, но Шекспиром не интересовался. «Современные» авторы — все от Джордж Элиот до Томаса Стернза Элиота, включая и Диккенса, — также оставляли его равнодушным. Его привлекала, главным образом, возможность творить языки и на их основе

«сотворчествовать в создании» культурной традиции и мифологии вымышленных народов.

Начало было положено в 1914 году. Толкиен пробовал силы в поэзии ещё до последнего собрания членов ЧКБО. Первой его удачей стало стихотворение под названием «Плавание Эаренделя Вечерней Звезды», в котором повествуется о странствиях морехода Эаренделя и впервые упоминается «Западный край», позднее, в «Сильмариллионе», превратившийся в страну бессмертных, лежащую на крайнем Западе. По общему духу и образности это стихотворение во многом близко к циклу англосаксонских христианских поэм Кюневульфа[48], в которых фигурирует ангел по имени Эарендель. Этот цикл Толкиен изучал годом раньше при подготовке к экзамену на степень, и «Плавание Эаренделя Вечерней Звезды» положило начало взаимодействию между фантастической вселенной Толкиена и тем миром, в котором жили творцы древней скандинавской мифологии.

Удовольствовавшись результатом, Толкиен стал подумывать о том, чтобы развить тему этого стихотворения и создать на его основе более обширную легенду или, быть может, целый связный цикл преданий. Во второй половине 1914 — начале 1915 гг. он написал ещё ряд стихотворений. Поначалу связать их с мотивами, присутствующими в «Плавании Эаренделя», ему не удавалось, так что Толкиен временно обратился к разработке других тем. Он написал «Морскую песнь предначальных дней», попытавшись создать натуралистический пейзаж в духе Вордсворта. Но попытка оказалась не слишком удачной, и Кристофер Уайзмен посоветовал другу соблюдать большую сдержанность. После этого Толкиен взялся за посвящённое Эдит любовное стихотворение, которое, по совету Уайзмена, выдержал в более простом и лаконичном стиле. Затем он сочинил стихотворение «Как Лунный Дед поспешил на обед»[49] (много лет спустя опубликованное в составе сборника «Приключения Тома Бомбадила»), а в начале 1915 года, обретя некоторую уверенность в своих силах, написал специально для Эдит шутливый стишок «Шаги гоблинов».

Но самыми интересными и оригинальными достижениями того периода оставались пока ещё отрывочные фрагменты цикла, основанного на «Плавании Эаренделя Вечерней Звезды». К тому времени Толкиен вот уже несколько лет работал над своим «дурацким языком фэйри», как он со смущением именовал наречие собственного изобретения, постепенно развившееся в правдоподобную и гибкую языковую систему, а впоследствии лёгшее в основу двух эльфийских языков — квенья («высокого эльфийского») и синдарина (разговорного наречия эльфов Средиземья). Именно тогда Толкиен осознал, что образы эльфов

можно удачно включить в более обширную тему, ядром которой стало «Плавание Эаренделя». Так, мало-помалу, разрозненные фрагменты стали выстраиваться в связную структуру, и в воображении Толкиена впервые наметились очертания мифологии Средиземья и истории трёх его эпох.

К весне 1915 года, в период подготовки к выпускным экзаменам в Оксфорде, Толкиен начал работать над «Песнью об Эаренделе», где описываются земные странствия звёздного морехода Эаренделя. Достигнув берегов Валинора, Эарендель видит два древа, на одном из которых зреют золотые плоды, а на другом — серебряные. С последующими работами Толкиена, подготовившими почву для самых знаменитых его книг, эта поэма связана лишь косвенно, однако здесь уже возникают детали, повторяющиеся позднее в песне, которую поёт эльфийский принц в Ривенделле[50], и в соответствующем эпизоде «Сильмариллиона». Важно то, что с появлением этой поэмы Толкиен встал на верный путь и перед ним открылось целое море новых возможностей.

Год 1916-й начался для радостным событием — долгожданной свадьбой с Эдит. Но затем счастье отвернулось от Толкиена. Издательство «Сиджвик и Джексон», в которое он послал небольшую подборку стихов, отказалось его печатать. В тот же период вся его жизнь резко переменилась. Из тренировочного лагеря Толкиена отправили во Францию, и в окопах Соммы он познал отчаяние и страх. Год, начавшийся столь радужными перспективами, закончился потерей друзей, болезнью и безнадёжностью.

Ни в передышках между боями, и ни в периоды тревожного ожидания очередного приказа Толкиен не делал никаких новых заметок, но мысленно работать над своей мифологией он не переставал. Война и, прежде всего, гибель двух ближайших друзей побудили Толкиена по возвращении в Англию сосредоточиться на этой работе всерьёз. И не вызывает сомнений, что впечатления от битвы при Сомме сыграли в его будущих трудах значительную роль.

О влиянии военных впечатлений на сюжеты и персонажей толкиеновских книг мы поговорим подробнее в одной из следующих глав. Но важно сразу отметить, что популярность эпопеи о Средиземье объясняется не только правдоподобием и живостью деталей: от соприкосновения с кровью, болью и жестокостью окопной войны стиль Толкиена обрёл хладнокровие и суровость, поднявшие его на новую художественную высоту.

Война нанесла Толкиену душевную травму — не менее тяжёлую, чем другим виднейшим писателям XX века, таким как

Джордж Оруэлл или Уильям Голдинг. То, что этим людям довелось изведать во Франции, запечатлелось в их памяти на всю жизнь и наложило свой отпечаток на произведения, написанные уже через много лет после войны. Оруэлл на страницах своей знаменитой антиутопии «1984» воскресил дух беспощадной жестокости. Голдинг в «Повелителе мух» выявил тёмную изнанку человеческой души. Толкиен же пошёл иным путём: он приступил к «строительству» вселенной, в которой тёмные силы сражаются с силами света, предельное зло противостоит высшему добру. Вплотную за работу над мифологией Средиземья Толкиен взялся в период выздоровления от «окопной лихорадки», когда зрелища кровавых ужасов и героических деяний были ещё свежи в его памяти.

Но обстановка, в которой он приступил к своему труду, ничем не напоминала ту преисподнюю при Сомме, из которой ему чудом удалось вырваться живым. Грейт-Хейвуд, идиллическая английская деревушка, где Эдит жила с начала 1916 года и куда Толкиена отправили отдыхать и выздоравливать, была местечком мирным и тихим, как нельзя лучше подходящим для спокойных, неторопливых раздумий.

Как уже говорилось, именно в этот период, незадолго до рождения первого ребёнка, Толкиен и Эдит впервые сблизились по-настоящему. Никто не нарушал их уединения, и жизнь их в эти несколько недель текла безмятежно и плавно. Поэтому не удивительно, что сказания, впоследствии составившие ядро «Сильмариллиона», проникнуты романтизмом, высокой героикой и трагичностью: романтическую окраску в настроение Толкиена вносила любимая жена, а элементы героизма и трагедии были связаны с ещё не изжитыми военными воспоминаниями.

Толкиен купил дешёвый блокнот и написал на обложке: «Книга утраченных сказаний», а затем принялся заполнять страницы отрывками преданий и стихотворениями, набросками и подробно проработанными эпизодами своей мифологии. Первым законченным преданием (в конце концов вошедшим в «Сильмариллион») стало «Падение Гондолина» — легенда о великой битве, в которой уже знакомый нам мореход Эарендель помогает эльфам и людям из Гондолина в борьбе с Морготом, воплощением предельного зла[51].

Эта первая полностью завершённая легенда стала для Толкиена опорой в дальнейшей работе над циклом. В период 1917 — 1918 гг. отдельные сюжеты уже уверенно складывались в масштабную драматическую эпопею.

Нельзя отрицать, что «Книга утраченных сказаний» и оформившийся на её основе «Сильмариллион» построены по

образцу традиционной «легенды» — предания о борьбе между добром и злом. Драма завязывается в первую эпоху Средиземья, когда Феанор, эльфийский мастер из рода нолдоров, создаёт три Сильмарила — прекрасных драгоценных камня, в честь которых и получил своё окончательное название весь цикл сказаний. В камнях этих заключён свет двух чудесных деревьев Валинора — свет, озаряющий земли бессмертных и дорогой сердцу всех эльфов и валаров (полубогов, которые правят миром, исполняя волю Единого). Очарованный красотой Сильмарилов, один из валаров, отступник Моргот (вероятно, языческий аналог Люцифера), похищает их, губит светозарные деревья Валинора и, спасаясь бегством, скрывается в Средиземье.

Эльфы, оскорблённые этими злодействами, бросаются в погоню за Морготом, чтобы отнять у него драгоценные Сильмарилы. С этого и начинается долгая история войн, которой посвящена большая часть преданий о Средиземье и в ходе которой эльфы и люди век за веком ведут с Морготом борьбу за прекрасные творения Феанора.

«Сильмариллион» — повесть о великой трагедии. Эльфы (нолдоры) не могут одержать победу в этой войне, лишь малым эпизодом которой становится падение Гондолина. Претерпев бессчётные потери и страдания, они в конце концов обращаются за помощью к валарам, и те, сжалившись над нолдорами, приходят в Средиземье. Разыгрывается грандиозная битва, в которой валары сокрушают Моргота и разрушают его твердыню Тангородрим.

Однако то была пиррова победа: в последней битве эльфийские земли Белерианда скрылись под волнами моря, два Сильмарила из трёх были утрачены навеки, а большинство нолдоров, ставших изгнанниками в Средиземье, погибло в войнах с Сауроном во Вторую эпоху. Уцелеть до конца Третьей эпохи удалось лишь немногим.

В этом скорбном финале почти наверняка отразились личные воспоминания Толкиена о войне. Идея невозможности полной победы и мотив триумфа, омрачённого утратой, вообще занимают в толкиеновском мире очень важное место. На протяжении всего эпического цикла победы покупаются дорогой ценой, а любой успех оборачивается по крайней мере частичным поражением. Весь мир Средиземья окрашен печалью и пронизан ощущением хрупкости и недолговечности.

Грустью проникнут даже самый романтичный эпизод «Утраченных сказаний». В «Песни о Берене и Лутиэн» излагается легенда, отчасти схожая с сюжетами «Ромео и Джульетты» и «Тристана и Изольды». Смертный Берен, сын Барахира, глава

Первого дома эдайнов, встречает танцующую на лесной поляне эльфийскую принцессу Лутиэн, дочь Тингола Серого Плаща, короля эльфов Дориата. Полюбив эльфийскую деву, Берен отправляется во владения Моргота, чтобы сразиться с ним и завладеть Сильмарилом, а Лутиэн следует за возлюбленным и помогает ему. Берену удаётся исполнить задуманное, но вскоре он погибает от клыков чудовищного волка. Лутиэн Тинувиэль, бессмертная эльфийская принцесса, избирает для себя человеческий жребий, чтобы последовать за Береном и в смерти.

По всей вероятности, Толкиен написал это сказание весной 1918 года, через несколько месяцев после того, как родился его первый сын. Вдохновила его Эдит, танцевавшая для него в лесу близ Руса в Йоркшире, где они снимали временное жильё в период военных скитаний. Впоследствии Толкиен неизменно ассоциировал «Песнь о Берене и Лутиэн» с историей своей любви к Эдит. Тяготы, которые довелось перенести героям этого предания, связывались в воображении Толкиена с реальными житейскими невзгодами, перед лицом которых удалось устоять ему и Эдит. Из всех своих легенд он больше всего любил именно эту, и когда Эдит умерла, пятьдесят три года спустя, Толкиен распорядился выбить на её могильном камне следующую надпись:

ЭДИТ МЭРИ ТОЛКИЕН
1889 — 1971
Лутиэн

«Утраченные сказания» значили для Толкиена очень много, но как поступить с ними дальше, он себе не представлял. Позднее, уже приобретя популярность как автор «Хоббита», Толкиен изо всех сил пытался опубликовать «Сильмариллион», и нетрудно понять, почему эта книга занимала в его душе особое место. В эти предания он вложил себя самого — свою любовь, свои страхи, свою ненависть. То было глубоко личное творение, и Толкиен возвращался к нему вновь и вновь до конца своих дней. Поставить последнюю точку в этом цикле легенд он так и не смог. Даже в старости, всего за несколько месяцев до смерти, он всё ещё вносил в текст «Сильмариллиона» изменения, поправки и уточнения. Ведь ещё в те далёкие годы, когда был исписан до конца первый блокнот, а предания Средиземья только начали разрастаться в огромную эпопею, Толкиен понял, что это и есть то великое дело, которое он призван свершить в своей жизни. Потому-то и на склоне лет он так и не смог признать, что главный его труд завершён: к тому времени история Средиземья давно уже обрела собственную жизнь и вобрала в себя своего создателя. Толкиен отождествил себя со своей мифологией и вне

её себя уже не мыслил.

В 1918 году Толкиен был демобилизован, и в его жизни начался новый этап. Впереди его ждала карьера учёного и жизнь семьянина, любящего мужа и отца. На то, что труд, которому он посвятил вот уже два года, в один прекрасный день удостоится внимания публики, оставалось только надеяться. Толкиен ещё не догадывался, что созданный за эти два года первый вариант «Сильмариллиона» стал для него лишь первым шагом на пути к литературной славе — пути, на котором его ожидало ещё множество неожиданных поворотов и приключений.

Глава 6. Вверх по лестнице

День победы принёс с собою небывалую радость и облегчение. В час пополудни впервые за четыре года зазвонили колокола Биг-Бена. Сотни тысяч горожан высыпали на улицы, праздничные шествия перекрыли движение транспорта в центре Лондона на целый день и до глубокой ночи. По словам одного очевидца, всё это походило на «выпускной бал какой-то гигантской школы».

Война унесла около десяти миллионов жизней и подорвала благосостояние всех великих наций Европы. Но в то же время облик западной цивилизации преобразился. Прусская империя, на строительство которой путём династических браков и войн Габсбурги потратили тысячу лет, распалась всего за каких-то пятьдесят месяцев. Но из праха этой империи восстали четыре новых государства — Австрия, Чехословакия, Венгрия и Югославия. И народы Европы в один голос заявили, что никогда не допустят повторения столь чудовищной бойни.

Известие об окончании войны застало Толкиена в Гулле. Оставаться в армии хотя бы на минуту дольше необходимого у него не было ни малейшего желания. Он немедленно подал прошение о переводе в Оксфорд, откуда уже получил приглашение на работу, и через несколько недель ему было разрешено вернуться к академической деятельности. Обретя долгожданную свободу, он наконец смог забрать Эдит, маленького Джона и Дженни Гроув из Пенкриджа, где они жили с весны того года, и обосноваться с ними в Оксфорде — в месте, которое Толкиен давно уже привык считать своим домом.

Первым в жизни Толкиена местом службы стала должность филолога в оксфордской лаборатории, сотрудники которой работали над составлением «Нового словаря английского языка». Лаборатория размещалась в нескольких крошечных, пыльных комнатках старого здания Музея Ашмола[52] на Брод-стрит, в центре города. Должность эта оплачивалась весьма скромно, но Толкиен понимал, что со временем она даст ему возможность получить более выгодное и престижное место в университете.

«Новый словарь английского языка» представлял собой масштабный и долгосрочный проект. Работа над ним началась в 1878 году под руководством редактора Джеймса Мюррея, который умер в 1915 году, посвятив этому словарю без малого сорок лет своей жизни[53]. За первые двадцать два года составители добрались от буквы «А» до буквы «Н» и опубликовали соответствующие тома, после чего проект вступил во вторую,

заключительную фазу. Толкиену была поручена работа над несколькими словами, начинающимися с буквы «W».

Для работы такого рода требовались педантичное внимание к мелочам и глубокое чувство языка. Необходимыми лингвистическими навыками Толкиен обладал, но корпеть над словарными статьями ему было скучно, и он сознавал, что его призвание — в научной карьере более широкого плана. В лаборатории Толкиену выделяли всего по несколько слов за раз, и задача его заключалась в том, чтобы тщательнейшим образом исследовать их корни и значения. Он должен был выявить сложные и запутанные связи этих английских слов с их эквивалентами во множестве других языков (как современных, так и древних, в том числе в англосаксонском) и проследить пути их развития. Для окончательного текста словаря предназначалась лишь малая доля этого материала; однако составители полагали, что о каждом слове следует узнать всё, что только возможно, дабы в точности и правильности тех двух-трёх строчек, которым предстояло войти в словарь, уже не возникало никаких сомнений. Нередко на проработку одного-единственного слова и составление полного отчёта у Толкиена уходила целая неделя.

В первые несколько месяцев жизни в Оксфорде Толкиены снимали небольшую квартирку на Сент-Джон-стрит, неподалёку от Музея Ашмола. Но вскоре Толкиен начал давать частные уроки на дому, и к лету 1919 года они с Эдит смогли перебраться из этого тесного и неуютного жилья в особнячок по соседству, на Альфред-стрит.

С этим переездом в их семейной жизни воцарилось благополучие. Новый дом оказался достаточно просторным, так что Толкиены смогли нанять служанку и, к немалой радости Эдит, наконец-то забрать со склада фортепиано и поставить его на почётное место в гостиной. Кроме того, проводить здесь уроки было гораздо удобнее. Преимущество Толкиена перед многими другими частными преподавателями состояло в том, что он мог свободно принимать учениц из женских колледжей: в присутствии его жены и Дженни Гроув юные леди не нуждались в компаньонках.

Так Толкиен открыл в себе педагогический дар. Он пользовался популярностью среди студентов, его ученики делали успехи, и в этой новой роли он чувствовал себя превосходно. К весне 1920 года он уже набрал целую группу учеников. Занятия были расписаны вперёд до конца учебного года, и Толкиен решил, что от работы над «Новым словарём английского языка» можно отказаться.

Судя по всему, он исполнился нетипичной для себя

уверенности в собственных силах. Эдит только недавно сообщила ему, что снова забеременела, однако в этот же период Толкиен осознал, что его истинная мечта — сделать учёную карьеру. Он обнаружил, что способен внушать своим ученикам энтузиазм к предмету, и понял, что филологические занятия вне стен университета — такие, как работа над «Новым словарём…», — решительно ему не подходят.

Летом 1920 года Толкиен узнал, что профессор английского языка Ф.У. Мурмен из университета Лидса погиб в результате несчастного случая на воде, и в связи с этим на кафедре английского языка открылась вакансия лектора[54]. Втайне от Эдит Толкиен подал заявку на эту должность. Правда, на успех он не надеялся, но вскоре на Альфред-стрит пришло письмо с приглашением на собеседование.

Толкиен почти не сомневался, что не выдержит конкуренции с гораздо более опытными кандидатами. Однако, прибыв в Лидс и весьма коротко сойдясь с пригласившим его Джорджем Гордоном, новым профессором английском языка, он понял, что кое-какие шансы у него всё же есть. Через несколько дней Толкиен получил официальное уведомление о назначении на должность лектора и вынужден был сообщить Эдит, что им предстоит очередной переезд.

Эдит, разумеется, расстроилась. Ведь она уже было поверила, что со скитаниями покончено; кроме того, жить в Оксфорде ей нравилось всё больше и больше. Но выбора не оставалось. Для Толкиена новая должность была огромным шагом вперёд по карьерной лестнице, и пренебрегать такой возможностью было нельзя.

Город Лидс — далеко не самое приятное на свете место; неуютно в нём было и в те времена. Узкие, хмурые улочки центрального района были застроены однотипными двухэтажными коттеджами (их называли «два на два», имея в виду две комнаты на первом этаже и две — на втором) с крошечными бетонированными двориками. Столь же непривлекательным, по сравнению с оксфордской роскошью, выглядел и университет, который в наши дни несомненно назвали бы «краснокирпичным»[55].

Особенно тяжело Толкиену пришлось в первые несколько месяцев. Эдит решила остаться в Оксфорде до родов, и Толкиен смог позволить себе снять лишь тесную каморку неподалёку от университета. Каждые выходные он навещал семью в Оксфорде — уезжал в пятницу вечерним поездом, а в воскресенье возвращался. Такая жизнь настолько его утомляла, что он даже подал заявки на две другие должности — на кафедру Бейнса в

Ливерпульском университете и на кафедру Де Бирса в университете Кейптауна, недавно основанную на средства знаменитой семьи алмазных магнатов.

В Ливерпуле кандидатуру Толкиена отклонили, но зато из Кейптауна пришли хорошие вести: его готовы были принять на должность профессора. Сидя в своей убогой комнатушке в ту морозную зиму 1921 года, он, должно быть, мучительно раздумывал об этой нежданно открывшейся перспективе. О первых годах своей жизни, проведённых в Южной Африке, он ничего не помнил; они, можно сказать, превратились для него в легендарное прошлое. Но несмотря на всю свою заманчивость, переезд в Кейптаун породил бы и множество проблем.

Тем временем Эдит родила второго сына, Майкла, и объявила, что готова перебраться в Лидс. Толкиен подыскал новое жильё поблизости от университета, и в конце 1921 года они въехали в дом № 11 на бульваре Сент-Марк. На то, что Эдит согласится отправиться в далёкое путешествие, нечего было и надеяться, и в конце концов Толкиен счёл за благо отказаться от предложения из Кейптауна.

Правда, впоследствии он не раз вспоминал об этом упущенном шансе и гадал, не ошибся ли он с решением. До тех пор, пока он не достиг прочного положения в учёных кругах и не стал знаменитым писателем, ему нередко казалось, что, прими он тогда это приглашение, перед ними могла бы открыться новая жизнь, полная волнующих событий. Однако серьёзных причин для сожалений не возникло, ибо, как только Эдит и Рональд воссоединилась в Лидсе, их семейная жизнь снова вошла в благодатную полосу.

Оба постепенно поняли, что в Лидсе вовсе не так уже мрачно и тоскливо, как им казалось поначалу. Царившая здесь неформальная атмосфера пришлась Эдит по душе гораздо больше, чем оксфордская утончённая церемонность, и она быстро нашла общий язык с жёнами Рональдовых коллег.

Кафедра английского языка, во главе которой стоял Джордж Гордон, была довольно скромной, хотя постоянно расширялась. Университет Лидса не располагал такими средствами, как Оксфорд, и Толкиену приходилось делить кабинет с Гордоном и профессором французского языка. Все трое ютились в старом, давно не ремонтированном помещении, уступавшем по площади раза в четыре просторным апартаментам оксфордских донов[56]. И виды, открывавшиеся из грязных окошек этого кабинета, не шли ни в какое сравнение с пышными газонами и старинными каменными стенами, которыми Толкиен некогда любовался в Эксетере. И всё же комфорт и земные блага — это не самое

главное. Толкиен относился к Гордону с искренней симпатией и уважением, и студенты тоже пробудили в нём живое участие. Большинство из них были родом из окрестных городков, многие происходили из низших слоёв среднего класса, и почти все отличались усердием и трудолюбием. Опыт общения с оксфордской аристократией помог Толкиену понять, что сами по себе остроумие и светскость — качества приятные, но в сочетании с леностью и высокомерием — совершенно бесполезные. В крепких ребятах с севера Англии, учившихся в университете Лидса, Толкиен обнаружил ту же преданность делу и то же стоическое отношение к невзгодам, которые некогда помогли подняться над своей средой и ему самому.

Итак, жизнь постепенно налаживалась, и вскоре произошло ещё одно радостное событие. В начале 1922 года на должность младшего лектора английского кафедры в университете Лидса был назначен молодой человек, который двумя годами раньше посещал уроки Толкиена на Альфред-стрит. Юношу звали Эрик Гордон (Джорджу Гордону он приходился не родственником, а лишь однофамильцем), и в университет он попал благодаря стипендии Родса[57]. Это был исключительно одарённый и серьёзный исследователь. Он также страстно увлекался древними языками, и с Толкиеном его связывали тёплые, дружеские отношения.

Вскоре Толкиен и Гордон совместно составили и в конце 1922 года опубликовали словарь к сборнику среднеанглийских фрагментов, а затем приступили к работе над новым изданием среднеанглийской поэмы «Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь». Этот средневековый рыцарский роман, написанный аллитерационным стихом, был создан неизвестным поэтом из Западного Мидлендса около 1380 года. Главный герой романа, сэр Гавейн, с честью проходит два испытания: сперва он отсекает голову Зелёному рыцарю, вызвавшему его на смертельный поединок, а затем успешно воздерживается от прелюбодеяния с женой некоего сэра Бертилака.

Этот роман был одним из столпов курса среднеанглийского языка, и когда оксфордское издательство «Кларендон-Пресс» наконец опубликовало его в 1925 году, он сразу же был признан стандартным текстом для изучения в колледжах и в дальнейшем сохранял этот статус на протяжении многих лет.

Толкиен и Эрик Гордон были не только коллегами, но и друзьями, и сообща они старались разнообразить и оживить учебную жизнь на факультете английского языка. Так, основанный ими «Клуб викингов» для преподавателей и студентов лишь отдалённо напоминал те клубы и общества, в

которых Толкиену доводилось состоять прежде. При том, что и здесь членов клуба объединяли общие интеллектуальные интересы (изучение старонорвежского и других древних языков и традиций), всё же, в первую очередь, «Клуб викингов» был задуман как развлекательное общество, позволяющее отдохнуть от научных занятий. «Викинги» сочиняли непристойные стишки и декламировали их за пивом в факультетском баре. Не удивительно, что Толкиен и Гордон завоевали среди студентов большую популярность.

Тем временем в семейной жизни у Толкиена прибавилось хлопот, и на его плечи легла новая ответственность. В начале 1924 года Эдит снова забеременела, что на сей раз не доставило ей радости. Для семьи с тремя детьми домик на бульваре Сент-Марк был слишком тесным, и Толкиены перебрались в более просторный коттедж по соседству — в дом №2 по Дарнли-роуд, в районе Вест-Парк. Не исключено, что они могли бы счастливо прожить в Лидсе до конца своих дней. Лекторское жалованье было скромным, однако во время летних каникул Толкиен подрабатывал, проверяя экзаменационные работы на школьный аттестат. Этого хватало, чтобы каждое лето проводить несколько дней на отдыхе в одном из близлежащих приморских городков и надеяться на то, что в скором будущем удастся приобрести собственный дом. В 1924 году на кафедре учредили новую профессорскую должность, и в октябре, всего за месяц до того, как Эдит родила третьего сына, Кристофера Рейела, Толкиен стал профессором английского языка.

Это продвижение по службе могло бы задержать его в Лидсе ещё надолго. Ему повысили жалованье, его назначили на высокий пост… но всё-таки Толкиен чувствовал, что ещё не достиг в своей карьере всего, о чём мечтал. В глубине души он был уверен, что способен на большее. Разумеется, стать профессором в тридцать два года — уже огромное достижение, однако не следовало сбрасывать со счетов тот факт, что произошло это в маленьком провинциальном университете. И втайне от всех Толкиен строил планы на лучшее будущее, надеясь в один прекрасный день получить должность в Лондонском университете, а быть может, даже в Кембридже или Оксфорде.

Правда, никаких усилий для того, чтобы воплотить эти планы в жизнь, он не предпринимал. Но в начале 1925 года благоприятная возможность представилась сама. Уильям Крейги, профессор англосаксонского языка в Оксфордском университете, переехал в США, и в результате открылась вакансия на должность, о которой Толкиен мог только мечтать. И, конечно же, он попытался ухватиться за этот шанс.

На это же место претендовали ещё три кандидата, значительно более опытных и заслуженных, чем Толкиен, и всё шло к тому, что его заявку отклонят. Но неожиданно один из претендентов сам снял свою кандидатуру, а второй даже не стал подавать заявку. Так у Толкиена остался всего один конкурент — Кеннет Сайзем, его бывший наставник из Эксетера.

Избирательная комиссия долго не могла решить, какому из оставшихся кандидатов отдать предпочтение. Сайзем далеко превосходил Толкиена в опыте работы и пользовался популярностью в университете. Кроме того, некоторые члены комиссии не были свободны от снобистских предрассудков, и должность профессора в университете Лидса не представлялась им заслуживающей уважения. Однако у Толкиена были и сторонники, в том числе уже однажды оказавший ему покровительство Джордж Гордон, который переехал в Оксфорд двумя годами ранее и теперь занимал там должность профессора английской литературы.

После продолжительных дебатов голоса разделились поровну, но под влиянием Гордона вице-канцлер[58], обладавший правом решающего голоса, склонился на сторону молодого профессора из Лидса.

Можно не сомневаться, что это известие потрясло Толкиена до глубины души. Даже в прошении об отставке, адресованном вице-канцлеру университета Лидса, он счёл нужным упомянуть, что никак не мог рассчитывать на столь высокий пост и полагал, что останется на прежней работе ещё многие годы.

Ещё большим потрясением эта новость обернулась для Эдит; однако она понимала, что значит для Рональда это назначение, и искренне за него радовалась. Она уже начала привыкать к Лидсу, но всё это время внутренний голос подсказывал ей, что прожить здесь всю жизнь им не доведётся. Она чувствовала, что её муж не пожелает довольствоваться малым.

Глава 7. Жизнь дона

Сходя с поезда на вокзале в Оксфорде, Толкиен, должно быть, помедлил несколько мгновений, задумавшись о том, как же ему удалось добиться столь многого за такое короткое время. Всего шестнадцать лет назад он прибыл на этот же вокзал робким школьником. Он попытался сдать экзамен на стипендию, но не мог думать ни о чём, кроме своей несчастной любви, и провалился. Но год спустя он приехал сюда снова и осенью 1911 года был принят в Эксетер-Колледж. А теперь, в октябре 1925 года, он возвращался в этот колледж профессором англосаксонского языка. Правда, он снова ступил на платформу в одиночестве (Эдит с детьми решила остаться в Лидсе до тех пор, пока Рональд не обустроится на новом месте и не подыщет для семьи подходящий дом), но во всех иных отношениях жизнь его преобразилась до неузнаваемости. Среди прочего, он успешно сделал научную карьеру и достиг вершины в своей профессии.

В первые несколько месяцев на посту оксфордского профессора Толкиен был невероятно загружен делами, но, в то же время, счастлив как никогда. Он словно бы вернулся домой после долгих странствий. Он сразу же приступил к преподаванию и взял на себя положенные по должности административные обязанности; кроме того, как профессору факультета английского языка в Оксфорде, ему теперь приходилось вести напряжённую светскую жизнь в стенах университета. Он должен был посещать званые обеды, представляя свой факультет, принимать высокопоставленных гостей и активно участвовать в политике колледжа. В противном случае о нём сложилось бы неблагоприятное мнение. Сверх того, ему ещё предстояло подыскать дом для своей семьи, но эта задача, в отличие от возложенных на него новых обязанностей, была, по крайней мере, привычной.

В конце 1925 года Толкиен нашёл просторный, комфортабельный дом — строение №22 по Нортмур-роуд, чуть к северу от центральной части города, где высились величественные здания университета. Перед домом был большой красивый сад. Стебли роз увивали дверь парадного хода, а от двери к зелёной, тихой улице вела извилистая дорожка, вымощенная камнем. Для семьи с маленькими детьми это место подходило идеально. И вскоре после Рождества Эдит с восьмилетним Джоном, пятилетним Майклом и годовалым Кристофером въехали в новый дом. Наконец-то жизнь их вошла в полосу стабильности. На Нортмур-роуд Толкиены прожили

вплоть до 1947 года, сменив за это время место жительства всего один раз — в 1929 году они перебрались в дом №20 по той же улице, который купили у издателя Бэзила Блэкуэлла.

Нортмур-роуд почти не пострадала от немецких бомб во вторую мировую войну, так что облик её практически не изменился по сравнению с тридцатыми годами. Дома №№ 20 и 22 и по сей день выглядят так же, как в те времена, когда здесь обитало семейство Толкиенов. На Нортмур-роуд и поныне снимают жильё многие сотрудники университета со своими семьями, хотя мало кто из них задерживается здесь на такой же долгий срок, как Толкиены, прожившие на этой улице два десятка лет. Дом №20 — асимметричная постройка с гравийным двором — ещё просторнее, чем №22, но уступает ему по красоте, хотя пышная растительность в саду спасает дело.

С переездом в Оксфорд весь образ жизни Толкиенов существенно изменился к лучшему. В прошлом остались тесные домишки и грязные улочки северного промышленного города. Эдит наконец-то почувствовала, что они обрели идеальный дом, а её муж — идеальную работу. Толкиену же теперь не приходилось терпеть угрюмый вид на кирпичную стену за окном кабинета, да и делить кабинет с коллегами больше не было нужды. Он ездил на работу на велосипеде. Маршрут его пролегал по тихим, зелёным переулкам, а затем — по широкому бульвару Сент-Джайлс, связывающему северную часть Оксфорда с центром. Факультет английского языка и литературы размещался в здании Мёртон-Колледжа, которое примыкает к угодьям колледжа Крайстч-Чёрч, раскинувшимся до самого Черуэлла. Летом колледжские парки радуют глаз красочным многоцветьем. Собрания в колледже проходили в мирной, степенной обстановке, за чаем с бисквитами.

Толкиен мгновенно вошёл в новую роль. По должности ему полагалось каждый год выступать с циклом лекций, а это не требовало серьёзной подготовки, так как курс, по существу, мало отличался от того, что был принят в Лидсе, где Джордж Гордон планировал занятия по оксфордскому образцу. Иногда лекции проходили в Пембрук-Колледже (к которому официально был приписан факультет), но гораздо чаще — в здании Экзаминейшн-Скулз на Хай-стрит.

Аудитории в Экзаминейшн-Скулз — просторные, с высокими потолками и пышным декором, с лепными колоннами и стенами, окрашенными в пастельные тона. Деревянные полы отзываются эхом на каждый шаг, голос лектора гулко разносится по всему залу. На лекциях по средневековой литературе и другим предметам, обязательным для всех студентов факультета, зал

бывал полон, но иногда Толкиен проводил и занятия по спецкурсам с небольшими группами. Особым педантизмом он не отличался и часто отклонялся от темы, так что подчас студенты даже затевали с ним игру, пытаясь как можно дольше удержать профессора от обращения к учебному плану. Один его бывший студент вспоминал, что Толкиен в те времена походил на «безумного шляпника»: ему ничего не стоило прервать лекцию на полуслове и забормотать себе под нос что-то о гоблинах и эльфах.

Однако это не значит, что Толкиену не нравилось читать лекции. Напротив, внимание аудитории было ему приятно, и он радовался любой возможности выразить свои идеи. Питая к своему предмету глубокую любовь, он как никто умел заразить студентов своим энтузиазмом, и его страстные, энергичные речи надолго запечатлевались в памяти учеников.

Самое яркое впечатление на студентов производили лекции о «Беовульфе». Тихо войдя в зал и поднявшись на кафедру, Толкиен внезапно разражался начальными строками «Беовульфа», потрясая аудиторию раскатами громового голоса: «*Hwæt wē Gār Dena in geārdagum, þēeodcyninga þrym gefrunon, hu pa æþelingas ellen fremendon*» («Истинно! исстари слово мы слышим о доблести данов, о конунгах датских, чья слава в битвах была добыта!»[59]).

Одну из этих лекций о Беовульфе посетил ещё в студенческие годы поэт У.Х. Оден[60], который впоследствии стал пылким поклонником Толкиена и с середины 50-х гг. вёл с ним переписку. В одном из писем он признался своему бывшему наставнику, что своим чтением «Беовульфа» тот произвёл на него поистине незабываемое впечатление.

Успех, которым Толкиен пользовался в роли преподавателя, не в последнюю очередь объяснялся его жизнерадостной открытостью. Правда, временами он погружался в себя и отгораживался от мира, но гораздо характерней для него было непосредственное общение со студентами — как один на один, так и во время лекций. Много лет спустя писатель Десмонд Олброу вспоминал о том, как в молодости ему довелось побывать в кабинете Толкиена на Нортмур-роуд: «Это был профессор — вылитый профессор, каким его положено себе представлять… Толкиен носил брюки из рубчатого вельвета и пиджак спортивного покроя, курил трубку, придававшую ему уверенности, много смеялся, временами что-то сбивчиво бормотал, когда слова не поспевали за мыслью, и, на мой тогдашний идеалистический взгляд, походил как две капли воды на молодого киноактёра Лесли Говарда. Он излучал утончённую цивилизованность и обаяние здравого смысла»[61].

В Толкиене действительно было нечто от актёра. В школе

короля Эдуарда он с удовольствием принимал участие в любительских спектаклях, а в старших классах интересовался драматургией. В клубах и обществах он без малейшего стеснения выступал с речами, участвовал в диспутах и декламировал собственные сочинения, а в пожилые годы начитывал на магнитофонную плёнку тексты на эльфийском языке.

Он обожал маскарадные костюмы и не однажды пугал соседей с Нортмур-роуд, направляясь в колледж на костюмированную вечеринку в одеянии древнего викинга и с топором в руке. Правда, в зрелые годы он не выказывал к драме особой симпатии и находил современный театр вульгарным, однако вкус к драматическим представлениям у него сохранился. Ему не составляло труда сбросить личину чопорного оксфордского дона и явить окружающим свою тайную натуру, исполненную ребяческого озорства. Например, одна продавщица в магазине никогда не уделяла ему должного внимания, и в конце концов Толкиен вышел из себя и вручил ей вместе с мелочью свой вставной зуб.

В 30-е годы Толкиены купили автомобиль марки «Моррис Каули», выпущенный заводом «Каули», который находился всего в нескольких милях от Нортмур-роуд. В семье машина получила кличку «Джо» — по первым двум буквам регистрационного номера. Однако водитель из Толкиена вышел никудышный. Он постоянно попадал в мелкие аварии, так что Эдит вскоре пришла к выводу, что общественный транспорт куда безопаснее, и с тех пор почти никогда не соглашалась сесть в машину, когда за рулём оказывался её супруг. Толкиен полностью игнорировал светофоры, а когда ему предстояло пересечь магистраль, чтобы попасть в переулок, даже и не думал смотреть по сторонам, а просто мчался вперёд очертя голову и вопил во весь голос: «Прочь с дороги!».

Лёгкость в общении очень пригодилась Толкиену на новой должности, ибо для того, чтобы преуспеть на высоком учёном посту, одной дисциплины мало: необходимы также талант и темперамент, живость и умение вести искусную политическую игру. Возложенные на него административные обязанности Толкиен находил невыносимо скучными. Он ненавидел узколобых бюрократов и терпеть не мог канцелярскую писанину, но в серьёзных случаях всегда находил выход из положения и в этой области.

Одна из таких неприятных ситуаций сложилась буквально в первые дни его пребывания на новом посту. Студенты на факультете английского языка и литературы не без оснований полагали, что обязательная программа составлена неадекватно.

Лингвисты в большинстве своём интересовались только языком и не понимали, зачем их заставляют читать Чосера, Шекспира и прочих классиков «современной» литературы, а литературоведы не видели причин изучать «Беовульфа» и другие древние поэмы.

Толкиен полагал, что старшекурсникам следует позволить специализироваться в тех областях, которые привлекают их по-настоящему. Тогда студенты, интересующиеся современной английской литературой, перестали бы тратить время на средне- и древнеанглийский языки и сосредоточились бы на современных текстах, а те, кого интересовали шедевры дочосеровской литературы, избавились бы от необходимости изучать то, что было написано позднее XIV века.

Может показаться, что столь простое и убедительное рассуждение не должно было вызвать никаких возражений. Однако на деле Толкиена поначалу не поддержал почти никто. И лишь постепенно ему удалось внушить твердолобым традиционалистам, что такое усовершенствование действительно пойдёт всем на пользу. Впрочем, по меркам академического мира тех времён, реформу провели на удивление быстро — «всего» через шесть лет после того, как Толкиен впервые выступил со своим предложением. На заседаниях профессорского состава Толкиен выступал весьма красноречиво, но с большим достоинством, не унижаясь до лести, но и не пытаясь агрессивно навязать коллегам свои убеждения.

Несмотря на огромную нагрузку на работе, Толкиен не пренебрегал и семейными обязанностями. В 1929 году, приблизительно через четыре года после того, как они обосновались в Оксфорде, Эдит родила ещё одного ребёнка — долгожданную дочку, которой дали имя Присцилла. Отцу семейства это также доставило огромную радость, но хлопот у него прибавилось. Толкиену было тридцать семь и он находился на вершине учёной карьеры. Должность оксфордского профессора означала престиж и почёт, но оплачивалась вовсе не так уж щедро. И Толкиену по-прежнему приходилось проверять экзаменационные работы на школьный аттестат, чем он и занимался каждое лето на протяжении двадцати с лишним лет.

Изучая дневники и письма Толкиена за период от 1925 до конца 1960-х годов, приходишь к выводу, что всё это время он трудился на пределе возможного и был вынужден постоянно придерживаться жёсткого графика. Он вставал рано и, прежде чем отправиться в Оксфорд на лекцию, обычно принимал дома по меньшей мере одного ученика. Он обязан был присутствовать на множестве собраний и справляться с массой административных обязанностей. После ланча он нередко читал ещё одну лекцию

или, вернувшись домой, садился за проверку курсовых работ и студенческих сочинений. Кроме того, нужно было готовиться к лекциям, помогать советами младшим коллегам, писать письма и участвовать в работе различных комиссий. И, в довершение, предполагалось, что, подобно большинству своих коллег, Толкиен обязан вносить вклад в науку, регулярно публикуя статьи.

Правда, писать труды, обращённые исключительно к своим собратьям-учёным, Толкиен не любил. В начале 20-х годов, в Лидсе, он с удовольствием работал в соавторстве с Эриком Гордоном над изданием «Сэра Гавейна и Зелёного рыцаря», но писать только ради того, чтобы оправдать ожидания, возложенные на него учёным сообществом, ему было неприятно. И всё же из-под его пера вышло солидное собрание академических трудов. Более того, Толкиену удалось живо и увлекательно изложить такие темы, которые в другой трактовке почти наверняка предстали бы нестерпимо скучными. Он много писал для «Ревью ов Инглиш Стадиз», «Оксфорд Мэгэзин» и других литературных журналов. Он написал серьёзное исследование, посвящённое средневековому английскому тексту «Ancrene Wisse and Hali Meiohad»[62], краткая сводка которого была опубликована оксфордским издательством «Кларендон-Пресс» в 1929 году в составе сборника «Эссе и научные труды Ассоциации английского языка и литературы». Наконец, он регулярно поставлял материалы для периодического издания «Трудов филологического общества».

Из этих занятий складывалась его повседневная профессорская жизнь. Но его интеллектуальные интересы этим не ограничивались. В рамках научной деятельности трудно было найти выход богатой и многогранной фантазии, отличавшей Толкиена, как мы помним, ещё с детских лет. Поэтому поздно ночью, когда весь дом погружался в сон, Толкиен снова садился за стол в своём кабинете и погружался в мир воображения.

Конечно, вновь браться за перо после целого дня напряжённой умственной работы было нелегко. Однако Толкиену доставало и дисциплины, и увлечённости, чтобы просиживать за письменным столом с десяти часов вечера до часу или двух пополуночи, сражаясь с запутанными сюжетами и оттачивая сложные характеры. Затем он позволял себе вздремнуть несколько часов, а на следующий день всё начиналось с начала.

При всём этом Толкиен умудрялся находить время и для семьи. Несмотря на напряжённый распорядок дня, он всегда успевал пообщаться с детьми. Он любил детей всем сердцем и, в отличие от большинства отцов того времени, ничуть не стеснялся выказывать свою привязанность. Он не смущался прилюдно

целовать своих сыновей; в письмах он всегда обращался к ним в самых нежных словах («мой миленький», «любимый мой») и неизменно подписывался как «твой папа» или «твой любящий папа».

Чтобы порадовать детей, Толкиен ежегодно писал им письмо «от Деда-Мороза» — послание с картинками, в котором рассказывалось о последних приключениях Деда-Мороза и его приготовлениях к очередному Новому году. В семье Толкиена эти письма бережно хранили. В 1976 году их собрали и опубликовали в книжке «Письма Деда-Мороза».

Первое такое письмо Толкиен написал в 1920 году, когда Джону исполнилось три годика. Не исключено, что на эту мысль его навело нашедшееся среди бумаг письмо, которое его мать написала от его имени Деду-Морозу, когда самому Рональду было всего два года. На конверте с первым письмом, адресованным Джону, значилось: «Миссис Толкиен и мастеру Джону Фрэнсису Рейелу Толкиену, Альфред-стрит, дом №1, Оксфорд, Англия», — а внутри лежала самодельная открытка с красивой картинкой и описанием дома, в котором живёт Дед-Мороз. С тех пор ежегодно Толкиен украшал конверт новой забавной маркой собственного изготовления, а в письмах сообщал последние новости с Северного полюса, живописуя нелёгкие испытания, выпадавшие на долю Деда-Мороза. Постепенно сказки становились всё сложнее и увлекательнее; со временем в них появились новые персонажи — Полярный Медведище, Большой Тюлень и Снежные Эльфы.

«Письма Деда-Мороза» стали прекрасной семейной реликвией, и по ним можно проследить, как менялась с течением времени ситуация в семье Толкиенов. Начиная с 1924 года письма адресовались уже не только Джону, а Джону и Майклу, а затем, на протяжении нескольких лет, — «Джону, Майклу и Кристоферу Толкиенам». А с 1929 года на конвертах значилось: «Дж., М., К. и П. Толкиенам, Нортмур-роуд, дом №22, Оксфорд, Англия», — а письма начинались со слов: «Дорогие мальчики и девочка!». Но время не стояло на месте. Мальчики росли, и Толкиенов на конвертах становилось всё меньше и меньше. Наконец, в 1938 году, Кристоферу исполнилось четырнадцать и он «вырос» из детских забав. Единственным адресатом осталась девятилетняя Присцилла — вплоть до 1943 года, когда она получила последнее письмо с подписью: «С нежной любовью от твоего старого друга, Деда-Мороза»[63].

Сочинять эти письма Толкиену явно нравилось. Любил он и просто рассказывать своим детям сказки. Нередко сказка начиналась на прогулке, когда кто-то из детей замечал по дороге

что-нибудь необычное — к примеру, забавный плакат или дорожный знак. Так сложился целый цикл историй о неутомимом майоре Роуде Эхеде[64], вечно преследующем подозрительную и таинственную личность по имени Билл Стиккерс (от надписи на щитке «Расклейка объявлений преследуется законом»[65]).

В 1925 году Толкиен сочинил для Джона и Майкла (Кристофер был ещё совсем маленьким) сказку, начавшуюся с того, что Майкл потерял на пляже игрушечную собачку. Постепенно сказка разрослась и превратилась в большую «Роверіаду» («*Roverandom*») — историю приключений песика Ровера, которого злой колдун превратил в игрушку. Потом Ровера потеряли на пляже, но добрый песчаный волшебник Псамат Псаматид нашёл его и спас. Этот цикл сказок Толкиен записал и сопроводил акварельными иллюстрациями. Одна из лучших этих акварелей (ныне хранящаяся в коллекции Бодлианской библиотеки в Оксфорде) называется «Сады морского царя» и служит иллюстрацией к главе о приключениях Ровера в подводном царстве.

Очень нравились детям и сказки о Мэддо и Ауламу — двух загадочных существах, которые снились маленькому Майклу в страшных снах. Мэддо звали руку в перчатке, которая по ночам раздвигала шторы на окне и ползала по ним вверх-вниз в темноте, а Ауламу[66] — уродливую сову, которая сидела на платяном шкафу. Героями сказок стали и голландская кукла Майкла, и крохотный человечек по имени Тимоти Тит.

Толкиен переживал очень плодотворный период, и неподдельная радость, с которой дети принимали все его выдумки, побуждала его сочинять всё новые и новые истории. От тех времён сохранилась и большая коллекция рисунков — Толкиен рисовал драконов, гоблинов и других сказочных существ. Одним из самых удачных порождений его фантазии стал мистер Блисс — тощий верзила, ездивший на жёлтом автомобиле и вечно ввязывавшийся во всякие неприятности. Сказку о нём Толкиен переписал начисто и переплёл — так она понравилась ему самому.

В тот же период впервые появился Том Бомбадил. Цикл сказок, в которых он играет главную роль, позднее был опубликован под названием «Приключения Тома Бомбадила». Кроме самого Тома, в них действовали Златиника, семейство барсуков, Старик-Чернотал и Курганник, который в этих историях был призраком какого-то древнего короля, погребённого в Беркширских холмах[67]. У Толкиена тогда и в мыслях не было, что в один прекрасный день эти герои войдут в историю Кольца.

В свободное время Толкиен делал акварельные наброски

драконов, иные из которых впоследствии легли в основу будущих иллюстраций к «Хоббиту». Представления о драконах Толкиен черпал, в основном, из любимой книги своего детства, «Красной книги сказок» Эндрю Лэнга, в которой, среди прочего, содержится предание о Сигурде и Фафнире —живописный пересказ скандинавского сюжета о победе героя над драконом. Одна из лучших акварельных иллюстраций, созданных Толкиеном в двадцатые годы, — свернувшийся кольцами дракон с подписью из «Беовульфа»: «hringboga heorte gefysed» («дрогнуло сердце твари ползучей»)[68]. Десять с лишним лет спустя, в 1937 году, через несколько месяцев после публикации «Хоббита», Толкиен прочитал в Университетском музее Оксфорда рождественскую лекцию для детей «О драконах» и продемонстрировал эту иллюстрацию как слайд.

Обозревая литературное наследие Толкиена и, в особенности, сосредоточившись на столь глубоком и сложном его шедевре, как «Сильмариллион», нетрудно упустить из виду, что Толкиен с удовольствием писал и для детей и что своими удачами в области детской литературы он во многом обязан собственным сыновьям и дочке. «Сильмариллион» и «Властелин колец» считаются книгами для взрослых (хотя на самом деле последнюю с удовольствием читают и дети), однако не следует забывать, что Толкиен очень любил и сказки другого рода — незатейливые истории, которые он рассказывал своим детям на ночь или на прогулках, чтобы скрасить скучную дорогу. И к тому, как дети реагируют на его истории, Толкиен всегда относился с большим вниманием и уважением. Уже будучи знаменитым писателем, он с огромным удовольствием выступал перед детьми и старательно отвечал на все детские письма с вопросами о его книгах. Одна дама, которая в детстве жила по соседству с Рональдом и Эдит, вспоминала, что Толкиен нередко «испытывал» свои сказки на ней и других детях, игравших на улице около его дома.

Таков был Толкиен в зрелые годы: профессиональный учёный и учитель, любящий отец семейства, фантазёр и сочинитель сказок. На посторонний взгляд, жизнь его текла размеренно, гладко и довольно скучно. Однако его внутренний мир, мир фантазии и «сотворчества», был полон чудес и необычайных приключений. В этом мире, известном одному Толкиену и узкому кругу близких ему людей, вызревали прекрасные легенды и постепенно обретала отчётливый облик новая мифология. Но прежде, чем обратиться к этим плодам его уединённых трудов, рассмотрим ещё одну грань его личности. Вспомним о том, что одной из главных ценностей в жизни Дж.Р.Р. Толкиена была мужская дружба и что с юных лет он привык проводить много

времени в сугубо мужской компании единомышленников, с которыми его объединяли общие интересы и талант творческого воображения.

Глава 8. Мужской мир

С Клайвом Стейплзом Льюисом Толкиен познакомился 11 мая 1926 года на собрании факультета английского языка и литературы в Мёртон-Колледже. Толкиен к тому времени провёл на посту профессора англосаксонского языка немногим дольше двух семестров, а Льюис только недавно был избран членом совета и наставником по английскому языку и литературе в Модлин-Колледже.

Поначалу оба отнеслись друг к другу насторожённо. Льюис записал в дневнике: «Толкиен ухитрился вернуть нас к обсуждению вступительных экзаменов по английскому. Потом я с ним потолковал. Эдакий спокойный, бледный, болтливый субчик… думает, что вся литература пишется для увеселения *мужчин* от тридцати до сорока лет. Совершенно безобидный, но хорошая встряска ему бы не помешала»[69].

К сожалению, в бумагах Толкиена воспоминаний об этой встрече не сохранилось, и со странной дневниковой записью Льюиса нам сопоставить нечего. Но если не обращать внимания на глуповатый и высокомерный тон этого отзыва, из него можно извлечь немало интересного. Вспомним, что в тот период Толкиен боролся за реформу обязательной программы для студентов английского факультета, и замечание Льюиса о том, как ему удалось направить ход дискуссии в нужное русло, подтверждает уже известный нам факт, а именно, что Толкиен был красноречивым оратором и обладал даром убеждения. Однако возникает ощущение, что к тому времени доводы Толкиена, несмотря на всю свою убедительность, уже наскучили некоторым членам совета; тот же Льюис принял его сторону далеко не сразу.

Следующее замечание из приведенной выше дневниковой записи — о том, для кого, по мнению Толкиена, предназначена литература, — кажется особенно странным. Разумеется, Толкиен был весьма старомодным человеком и в вопросе о разделении общественных ролей между мужчинами и женщинами придерживался консервативных взглядов. И всё же представить себе, что он действительно заявил, будто «вся литература пишется для увеселения *мужчин* от тридцати до сорока лет», было бы довольно трудно. Быть может, Льюис по каким-то неизвестным причинам сам приписал ему это высказывание, а быть может, Толкиен просто бравировал перед новым знакомым. Так или иначе, опыт общения с образованными женщинами у него имелся. В частности, родная сестра его матери, тётушка

Джейн, в одном доме с которой он прожил несколько месяцев в 1904 году, была одной из первых англичанок, получивших учёную степень. Толкиен уважал её и считал выдающейся женщиной.

У Льюиса и Толкиена было между собой много общего уже к моменту первой встречи. Льюис был младше Толкиена почти на семь лет, но обоим довелось побывать в окопах, оба увлекались языками, и Льюис, уступая Толкиену в знании исландского языка, тем не менее, столь же страстно интересовался тонкостями скандинавской мифологии и древнеанглийской литературы.

И всё же не следует забывать, что два эти блестящих интеллектуала выросли и сформировались в совершенно различных условиях. Льюис был сыном преуспевающего адвоката из Белфаста. Родители дали ему при крещении имя Клайв Стейплз, но с самого детства он звался просто Джеком. Так же к нему обращались и все друзья. Он окончил закрытую школу — Молверн-Колледж[70], а в 1916 году получил стипендию для обучения в Юниверсити-Колледже[71]. Он делал большие успехи в учёбе; в 1920 году он получил степень бакалавра с отличием первого класса на классическом отделении, а два года спустя удостоился такого же отличия на факультете английского языка и литературы. Учитывая, что до того Льюис успел побывать на фронте и в 1918 году был ранен в бою, это следует признать немалым достижением.

Таким образом, в юные годы на долю Льюиса выпало больше привилегий, и, быть может, именно поэтому он стал более «светским» человеком, нежели Толкиен, отличался большей широтой интересов и не был не столь подвержен общественным предрассудкам и условностям. Кроме того, на плечах Толкиена лежали заботы о большом семействе, а Льюис вёл совершенно иной образ жизни — богемный и, по стандартам того времени, близкий к беспорядочному. Он не был женат, но жил с разведённой женщиной, которая была старше его на много лет. С этой бедной, необразованной ирландкой по имени Джени Мур Льюис познакомился во время войны. Ей было сорок пять, а ему — всего девятнадцать. В 1930 году они поселились в большом неухоженном особняке под названием «Килнз», стоявшем у Шотовер-хилл примерно в пяти милях от центра Оксфорда. Льюис прожил здесь тридцать три года, вплоть до самой смерти. На его вкус, это было славное местечко, полное всевозможных книг и бумаг. В саду был большой пруд, где в летние месяцы Льюис и Толкиен нередко купались.

Свою сожительницу Льюис неизменно именовал «миссис Мур», и для него она была матерью и возлюбленной в одном лице. Для друзей Льюиса её роль оставалась в своём роде

загадкой. Джек никогда не приводил её на светские собрания, и большинство приятелей Льюиса лишь изредка виделись с ней во время визитов в «Килнз». Даже Толкиен, к концу двадцатых годов вошедший в число самых близких и доверенных друзей Льюиса, не знал об этой женщине почти ничего, за исключением того, что Джека связывают с ней необъяснимо прочные эмоциональные узы. В Оксфорде «миссис Мур» слыла дурочкой, так как из случайных упоминаний Джека можно было заключить, будто она вечно болтает вздор, а Льюиса считает чуть ли не своей собственностью.

То, что между Толкиеном и Льюисом в конце концов завязалась дружба, ничуть не удивительно. Большинство других донов не представляли для них интереса как личности и сами не интересовались ничем, кроме работы. (В одной из первых своих повестей, «Кружной путь, или Возвращение паломника», Льюис сатирически представил этот тип оксфордского профессора в образе «мистера Сенсибла[72]» —ограниченного, поверхностного и пустого, хотя и учёного, и остроумного.) Льюис писал стихи и прозу и лелеял грандиозные планы. В этом отношении он нашёл в Толкиене родственную душу. Кроме того, оба ещё в школьные годы и, в особенности, на фронте научились ценить идеал мужского братства. Наконец, надёжной опорой для зародившейся дружбы послужили общие интеллектуальные интересы и взаимное внимание к тем первым шагам, которые оба приятеля делали на поприще художественной литературы.

Уже через несколько месяцев после знакомства они стали регулярно встречаться у Льюиса в Модлин-Колледж — в убого обставленных, неопрятных комнатах с тяжёлыми бархатными шторами на окнах, ворохом бумаг на столе и книгами, разбросанными в беспорядке по полу и сваленными кучей за дверью. Нередко приятели допоздна засиживались у камина, беседуя об истории и литературе и обсуждая достоинства и недостатки рукописей, вручённых друг другу на прочтение.

Вскоре после первой встречи Толкиен дал Льюису почитать набросок своей «Жесты о Берене и Лутиэн» (впоследствии переименованной в «Лэ о Берене и Лутиэн»[73]), и тот сделал на полях немало полезных замечаний. Очевидно, Льюис к этому времени уже понял, что Толкиен может обидеться на прямую критику. Поэтому он прибегнул к своего рода игре: критические замечания по поводу «Жеста о Берене и Лутиэн» он распределил как реплики между тремя вымышленными критиками — Шиком, Пибоди и Памперниклем.

Но не исключено, что на самом деле беспокоиться ему не стоило. Толкиен и вправду был чувствителен к критике, но при

этом умел прислушиваться к мнению людей, внушавших ему уважение. Так, в своё время он без возражений принимал советы друзей из ЧКБО, когда те старались тактично удержать его от ошибок. Теперь же, к концу двадцатых годов, когда двоих из старейших его друзей не осталось в живых, одно из главных мест в жизни Толкиена занял Льюис, и людей, мнение которых он ценил бы столь же высоко, было не так уж много. Показательно, что Толкиен принял к сведению все до единого его замечания и почти полностью переписал «Жесту о Берене и Лутиэн».

Итак, дружба Толкиена и Льюиса зародилась на почве литературных интересов. Однако вскоре приятели обнаружили, что у них немало общего между собой и в других отношениях. Оба любили дружеские беседы за кружкой крепкого пива, обоим нравилось декламировать древние тексты и свои собственные сочинения.

Всего за несколько недель до знакомства с Льюисом, по окончании второго семестра на посту профессора англосаксонского языка, Толкиен основал клуб любителей исландской литературы под названием «Углегрызы». Название это он произвёл от исландского слова «Kolbíter», означавшего людей, который зимой садятся к огню так близко, что «грызут уголь». «Углегрызы» собирались по вечерам, чтобы читать вслух исландские саги, — в этом и состояло единственное предназначение клуба.

К осени 1926 года Льюис по приглашению Толкиена вошёл в число «Углегрызов». Исландского он почти не знал, но быстро учился и постепенно отваживался декламировать всё более и более сложные фрагменты. В этом отношении Льюис не был одинок. Правда, в клубе состояло несколько выдающихся знатоков исландского — таких, как профессор оксфордского факультета сравнительного языкознания Г.Э.К. Браунхольц или профессор византийского и современного греческого Р.М. Докинс. Но кое-кто из «Углегрызов» разбирался в древних языках ещё хуже Льюиса. Профессор английского языка из Эксетера, аристократ Невилл Когхилл, не знал исландского вовсе, а бывший патрон Толкиена из университета Лидса, Джордж Гордон, в этой области также был всего лишь начинающим энтузиастом.

Клуб «Углегрызов», как и все прочие общества такого сорта, давал повод не столько для серьёзных исследований, сколько для дружеских встреч за кружкой пива, помогающих снять напряжение после трудного дня. Но свою первоначальную задачу — прочесть вслух все основные исландские саги — «Углегрызы» всё-таки исполнили к началу тридцатых годов. После этого общество постепенно распалось, и Толкиен с Льюисом вошли в

другой литературный клуб — клуб «Инклингов», основанный старшекурсником Эдвардом Тэнджи Лином и собиравшийся еженедельно в стенах Юниверсити-Колледжа.

Лин, редактор университетского журнала «Исида» и начинающий писатель, организовал этот клуб для молодых авторов, чтобы они могли встречаться и читать друг другу свои неопубликованные сочинения. В 1933 году Лин покинул Оксфорд и занялся журналистикой и радиовещанием. Собрания клуба прекратились, но ещё до конца семестра некоторые его члены, в том числе Толкиен и Льюис, решили возобновить встречи у Льюиса в Модлин-Колледже, сохранив за собой прежнее название — «Инклинги». Происхождение его было неизвестно, но и Толкиену, и Льюису слово «Инклинги» нравилось своей многозначностью и заложенным в нём намёком на то, что члены клуба лелеют грандиозные замыслы, а также тем, что оно весьма подходило учёным и писателям, в жизни которых столь важную роль играют чернила[74].

Поначалу «Инклинги» встречались по вечерам каждый четверг в просторных комнатах Льюиса в Модлин-Колледже, а с 1939 года стали регулярно проводить также утренние собрания по вторникам на бульваре Сент-Джайлс в пабе «Орёл и дитя» (который называли между собой «Птичка с младенцем»)[75].

С тех времён паб стал намного просторнее, а дальняя комнатушка, где некогда проходили собрания «Инклингов», теперь превратилась в своего рода «святилище» с фотографиями Толкиена, Льюиса и Чарльза Уильямса на стенах. В летние месяцы по средам здесь проводят утренние экскурсии. На стене у стойки бара висит большая табличка с надписью:

К.С. Льюис, его брат У.Г.Л. Льюис, Дж.Р.Р. Толкиен, Чарльз Уильямс и прочие друзья собирались в задней комнате этого бара каждый вторник по утрам с 1939 по 1962 гг. Эти люди, называвшие себя «инклингами», приходили сюда, в свой любимый бар, выпить пива и побеседовать — среди прочего, о книгах, которые они писали в те времена.

Бывали «Инклинги» и в других пабах — и в «Кингз-Армз» близ Бодлианской библиотеки, и в «Белой лошади», и в одном из центральных питейных заведений Оксфорда, носившем название «Митра». Но «Птичка с младенцем» действительно была их излюбленным местом встреч. Именно здесь Толкиен впервые прочёл своим друзьям отрывки из «Властелина колец» (который тогда назывался просто «Новым ‘Хоббитом’»), а Льюис впервые рассказал им о Нарнии, о своей «Космической трилогии» и об

одном из самых знаменитых порождений своей фантазии — Баламуте.

Никого из этих людей уже нет в живых, но если вы придёте в «Птичку с младенцем» рано утром, опередив завсегдатаев, если вы отвлечётесь от уличного шума и постараетесь не обращать внимания на то, как гудит аппарат для охлаждения австралийского светлого пива, а бармен настраивает громкоговоритель, то, быть может, перед вашим мысленным взором на мгновение предстанет образ былых времён. Быть может, вы увидите самого Толкиена («Толлерса», как называли его друзья); увидите, как он откидывается на спинку стула и принимается раскуривать трубку, заслонив её ладонью, и как голову его окутывают клубы дыма; увидите Льюиса, сидящего напротив и читающего что-то по измятой бумажке; увидите и ещё троих-четверых «Инклингов» — Хьюго Дайсона, Невилла Когхилла, Чарльза Уильямса… Все внимательно слушают, время от времени прикладываясь к пиву.

Ядро клуба составляли семь или восемь человек. Основателями его были Льюис и Толкиен; в первый период деятельности «Инклингов» собрания посещали уже знакомый нам Невилл Когхилл, старший брат Льюиса Уоррен (Шорни) и Хьюго Дайсон, профессор английской литературы из Рединского университета, а также врач Роберт Хавард (которого по каким-то загадочным причинам именовали «Хамфри»). Чарльз Уильямс присоединился к обществу позже, в 1939 году. Не все эти люди были литераторами. Уорни окончил Сандхерстский военный колледж и служил офицером, но в сороковые годы начал писать исторические книги. Хамфри был католиком и выпускником Оксфорда, благодаря чему и сблизился с Толкиеном, но в области литературы его интересовали только сочинения его друзей, перед которыми он искренне преклонялся. Невилл Когхилл преподавал в Эксетер-Колледже и специализировался на среднеанглийском языке, а позднее завоевал в академических кругах известность своим переводом «Кентерберийских рассказов» Чосера и в 1957 году стал профессором английской литературы в Оксфорде. Кроме того, он страстно увлекался театром и поставил в стенах университета немало пьес. Самым знаменитым из этих спектаклей оказалась чрезвычайно зрелищная постановка шекспировской «Бури», проведённая летом 1949 года на сцене, сооружённой под открытым небом у озера за зданием Вустер-Колледжа. Когхилл был наставником У.Х. Одена; в тот период, когда он посещал собрания «Инклигов» в «Птичке с младенцем», его учеником был также Ричард Бертон[76], участвовавший в нескольких его постановках.

Клуб «Инклингов» был в высшей степени замкнутым обществом. Состав его почти не менялся, не считая случаев, когда Льюис приглашал на то или иное собрание своих знакомых, приезжавших погостить в Оксфорде. Чтобы стать членом этого клуба, нужно было удовлетворять целому ряду критериев: быть человеком общительным и красноречивым, интересоваться литературой, а ещё лучше — писать самому, любить пиво и входить в число друзей К.С. Льюиса, но самое главное — быть мужчиной.

За всю историю клуба «Инклингов» ни единой женщине не довелось побывать на его собраниях. Согласно легенде, в 1943 году в «Птичку с младенцем» явилась весьма известная и уважаемая английская писательница Дороти Сэйерс[77]. Она надеялась, что её пригласят за стол, но её лишь вежливо попросили покинуть помещение[78]. «Инклинги» были чисто мужской компанией — и для них это было очень важно.

Обстановка, в которой проходили собрания клуба, превосходно воссоздана в письмах и эссе Льюиса. Обычно друзья встречались по вечерам, но сам Льюис, Толкиен и Уильямс нередко читали друг другу отрывки своих сочинений за утренней трубкой в Модлин-Колледже. «Представьте себе, — пишет Льюис, — гостиную на верхнем этаже с окнами на север, с видом на рощицу Модлин-Колледжа. Солнечное утро понедельника, около десяти часов. Мы с Профом устраиваемся на диване, зажигаем трубки и вытягиваем ноги. Уильямс в кресле напротив швыряет сигарету в камин, подгребает к себе ворох бумажных клочочков (по-моему, из блокнотов за два пенни), на которых он имел обыкновение писать, и — приступает»[79]. А вот как Льюис описывает более типичное собрание, на котором присутствовало по меньшей мере полдюжины «Инклингов»: «Веселились мы зачастую столь бурно и безудержно, что окружающие, должно быть, думали, что мы несём какую-то похабщину, — а мы на самом деле обсуждали богословские материи»[80].

В наши дни многие склонны недооценивать значение «Инклингов». Так, профессор Килби, хранитель коллекции Уэйда (в которую входит часть архива Льюиса), встречавшийся с Толкиеном в шестидесятые годы, писал: «Наше понятие об ‘Инклингах’ как организации имеет не так уж много общего с тем, что они представляли собой на самом деле»[81]. Должно быть, он имел в виду, что приятели, собиравшиеся в оксфордских пабах и беседовавшие на литературные, теологические и прочие темы, сами не считали себя литературным объединением в том смысле, в каком им являлась, к примеру, группа Блумсбери[82]. Но это ничуть не умаляет того факта, что влияние их было поистине

огромным. В 1996 году (вскоре после того, как по данным опросов Толкиен был признан самым популярным писателем столетия, а сказка Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф» заняла высокое место в рейтингах) журналист Найджел Рейнолдс отметил: «[результаты опросов] показывают, что «Инклинги», оксфордский пивной клуб тридцатых годов, оказались влиятельней, чем группа Блумсбери, нью-йоркский ‘Круглый стол алгонкинов’[83], парижский кружок Хемингуэя или действовавшая в те же тридцатые группа У.Х. Одена и Кристофера Ишервуда[84]»[85].

Для Толкиена безмятежная жизнь в кругу друзей продолжалась, по-видимому, до самого конца второй мировой войны (к тому времени он уже дописывал последнюю треть «Нового ‘Хоббита’»). Но затем отношения с некоторыми членами группы начали портиться. Среди прочего, об этом свидетельствует и то, что заключительная часть «Властелина колец» так и не была прочитана на собраниях клуба, и для «Инклингов» Фродо и Сэм надолго застряли на границе Мордора.

В 1946 — 1947 гг., когда Толкиен стал бывать на собраниях реже, «Инклинги» почти перестали встречаться у Льюиса и зачастили в другой оксфордский паб — в «Косулю» (ныне «Унция») на Маркет-стрит. Это заведение неофициально делилось на две части. На первом этаже был общий зал, а на втором — просторное помещение с тяжёлыми бархатными шторами на окнах, баром, фортепиано и небольшой кухонькой. Второй этаж предоставлялся в безраздельное пользование сотрудникам университета.

«Инклинги» собирались здесь почти еженедельно, но Толкиену это место не нравилось — до элегантной «Птички с младенцем» ему было далеко. Похоже, что в «Косуле» не столько читали и беседовали о литературе, сколько налегали на пиво, ибо от собраний «Инклингов» в памяти завсегдатаев общего зала сохранились только куплеты солдатских песен времён первой мировой, долетавшие с верхнего этажа. Льюису такое времяпрепровождение всегда было по нраву, но Толкиену оно особого удовольствия не доставляло.

Тесную дружбу с Льюисом Толкиен поддерживал лет двадцать — с 1926-го по 1946-й, но затем они начали охладевать друг к другу, и к началу пятидесятых от былой близости не осталось и следа. «Инклинги» продолжали встречаться ещё около года после смерти Льюиса, скончавшегося в 1963 году, но Толкиен к тому времени давно уже перестал бывать на этих собраниях и виделся с бывшими друзьями очень редко. Объяснить, почему эта дружба распалась, ничуть не проще, чем понять, как она в своё время зародилась и продержалась так

много лет. В попытке ответить на этот вопрос нам придётся обратиться к не самым привлекательным чертам толкиеновского характера.

На протяжении многих лет Толкиен питал дружескую привязанность к Хьюго Дайсону и Уорни Льюису. Он поддерживал старую дружбу с Кристофером Уайзменом, а в юности необычайно тесные узы духовного братства связывали его и с остальными членами ЧКБО. Тёплые отношения сложились у него и со многими другими коллегами в Оксфорде. Однако Джек занимал в его жизни совершенно особое место. Перед Льюисом Толкиен мог искренне излить душу; от него он мог принять без обид любую критику; и среди всех «Инклингов» именно Льюиса он считал себе ровней по умственным способностям и самым близким своим единомышленником. Однако Толкиен был человеком ревнивым и желал, чтобы друзья уделяли ему всё внимание безраздельно. Кроме того, чужие успехи и слава легко пробуждали в нём зависть.

Льюис замечал за Толкиеном эти недостатки. Ещё в 1939 году он писал своему брату Уорни, что выпадающие на долю Толкиена «испытания не только часты и суровы, но обыкновенно ещё и сложны вплоть до полной непостижимости»[86].

Джек, со своей стороны, никогда не испытывал к Толкиену столь сильных чувств. Разумеется, он безгранично уважал его, очень ценил его общество и черпал из дружбы с ним немало полезного. Однако сам он был личностью куда более колоритной и оригинальной, нежели Толкиен. Традиционного семейного образа жизни Льюис был чужд, близких друзей у него было гораздо больше, чем у Толкиена, и в некоторых отношениях он был гораздо более свободомыслящим человеком. Все эти различия вносили в их дружбу разнообразие и остроту, но с середины тридцатых годов отношения стали постепенно осложняться. На то были три причины: обращение Льюиса в христианство, популярность, которой Льюис добился публикацией своих произведений, и, самое главное, друзья Льюиса.

Льюис был воспитан как завзятый ольстерский протестант, но уже в юные годы отвернулся от веры. Постепенно осознав это, Толкиен счёл своим долгом просветить и наставить друга в таинствах религии. С тех пор они часто и подолгу беседовали на богословские темы.

Несмотря на то, что в середине двадцатых годов Льюис считал себя агностиком, он много размышлял о религии. Вскоре после войны он пришёл к «новому взгляду» на ортодоксальное христианство, заключавшемуся в том, что христианское учение

есть всего лишь один из множества мифов, ничем не лучше и не хуже прочих. Но постепенно его воззрения менялись, и ко времени знакомства с Толкиеном в 1926 году Льюис встал в тупик перед несколькими серьёзнейшими вопросами веры. Однако Толкиен своей приверженностью догматам поначалу лишь усугубил его сомнения.

Смириться с тем, что его новый друг — один из интереснейших, умнейших и образованнейших людей, с какими ему только доводилось встречаться, — оказался убеждённым христианином, да впридачу ещё и католиком, Льюису было нелегко. Конечно, он мог бы с ходу отвергнуть убеждения Толкиена, посчитав их за пустые предрассудки. Но он этого не сделал. Вместо этого он попытался отделить интеллект от веры, предположив, что человек, обладающий высокоразвитым интеллектом, черпает веру из некоего иного и, притом, более глубокого источника.

Но вскоре Льюис отказался и от этой гипотезы и пошёл совершенно иным путём. Утверждать, будто Толкиену действительно удалось обратить Льюиса в христианство, мы не вправе; однако своими описаниями собственных религиозных воззрений и убедительным разъяснением тонкостей и нюансов вероучения он, безусловно, оказал на Льюиса огромное влияние. За первые пять лет общения с Толкиеном, с 1926-го по 1931-й год, Льюис радикально переменил свои убеждения и пришёл к выводу, что Бог всё же существует. Впрочем, его видение Бога было ещё весьма далёким от библейского. Скорее, это был Бог восточных религий, пантеистическое божество, дарующее вдохновение и наделяющее жизнью всю Природу.

Среди множества напряжённых и плодотворных споров, которые вели друг с другом Толкиен и Льюис, один выделяется особо. Этот разговор стал для Льюиса поворотной точкой: с него начался его долгий обратный путь от агностицизма к вере.

Дело было субботним вечером, 19 сентября 1931 года. Льюис пригласил Толкиена и его друга Хьюго Дайсона (также христианина) к себе на обед в Модлин-Колледж. Дайсон был наслышан о диспутах между двумя друзьями и жаждал присоединиться к ним. После обеда все трое пошли прогуляться, и разговор, естественным образом, зашёл о христианстве. Льюис укрепился в своём пантеистическом видении Бога, что мешало ему обратиться к ортодоксальному христианству, стержень которого составляет вера в Христа и твёрдое убеждение в том, что Иисус был послан умереть на кресте во спасение наших душ. Для Льюиса же всё это оставалось мифом. Он, как и Толкиен, изучал древнюю мифологию, предания о героях и языческие идеалы

нравственного спасения. История Христа представлялась ему всего лишь одной из таких легенд, просто одним из мифов, с точки зрения современного человека ничуть не более правильным или осмысленным, чем любой другой ему подобный. А всякий миф, по его убеждению, есть не более чем ложь.

Толкиен внимательно выслушал друга и, когда Льюис добрался до этого вывода, вскинул руки, словно желая сказать: «Но как же в таком случае ты можешь полагать, будто история Христа — это всего лишь древняя легенда?». А затем Толкиен выдвинул аргумент, который коренным образом изменил всю жизнь его друга.

Мифы, — объявил он, — это не ложь. Всякий миф вырастает из зерна истины и несёт в себе особое, неповторимое культурное значение. В основе христианства лежит то, что Льюис называет «мифом о Христе». Что ж, хорошо, — продолжал Толкиен, — называйте это мифом, если вам угодно, но имейте в виду, что миф этот сложился на основе реальных событий и был вдохновлён глубочайшей истиной. В конечном счёте, все мифы правдивы, — заключил он, — а тот «миф», что составляет ядро христианской веры, в довершение ещё и указывает человеку путь к духовному бытию, к сокровенной духовной истине.

Обращение последовало не сразу, но очевидно, что эта беседа заставила Льюиса подойти к проблеме веры по-новому. Некоторые христианские догматы Льюис так и не принял; похоже, интеллект по-прежнему преграждал ему путь к безоглядной вере. Одному из своих друзей он написал однажды: «Не понимаю, как это меня — меня! — угораздило поверить в эту небылицу?»[87]. Однако же, всего через две недели после этого разговора с Толкиеном и Дайсоном Льюис сообщил в письме своему другу Артуру Гривсу, что отказался от своих давних убеждений в пользу христианской веры и отныне считает себя христианином.

Этот знаменательный разговор не только показывает, до какой Льюис зависел от Толкиена в своих философских воззрениях, но и наглядно иллюстрирует типичный для обоих писателей способ рассуждения и помогает понять, как эти раздумья отражались в их произведениях. Мысль о том, что ядро христианства составляет «правдивый миф», в дальнейшем питала вдохновение Льюиса на протяжении всей его литературной карьеры. Именно на этом принципе основаны и его знаменитые «Хроники Нарнии» (которые Толкиен, кстати сказать, терпеть не мог), и его научно-фантастическая трилогия — «За пределы безмолвной планеты» (1938), «Переландра» (1943) и «Мерзейшая мощь» (1945). Связав Христа с давно привычными ему размышлениями о значении мифа, Льюис сперва

интеллектуализировал веру, а уж затем позволил ей претвориться в инстинктивное чувство.

И всё же этот сентябрьский разговор 1931 года, придавший дружбе между Толкиеном и Льюисом новую глубину, стал, по иронии судьбы, и первым шагом к их будущему взаимному отчуждению. Толкиен искренне надеялся, что Льюис обратится в католичество, и лелеял эту надежду по меньшей мере ещё два года спустя, когда записал в дневнике, что дружба с Льюисом не только дарила ему «неизменное удовольствие и отдохновение, но и принесла большую пользу от общения с человеком честным, отважным, умным (учёным, поэтом и философом) и наконец-то, после долгого паломничества, возлюбившим Господа нашего»[88].

Однако Толкиен серьёзно просчитался. Вместо того, чтобы войти в лоно католической церкви, Льюис предпочёл вернуться к своим истокам — к одной из форм ирландского протестантизма, который Толкиену, разумеется, был противен до глубины души. И когда человек, которому Толкиен помог обрести Бога, неблагодарно примкнул к «врагам» и, более того, стал пылким апологетом протестантизма, основания их дружбы пошатнулись.

Льюис. со своей стороны, недолюбливал католиков и католичество. И он сам, и его брат Уорни Льюис, презрительно называли ирландских католиков «трясинниками». Когда же Толкиен упоминал о своих религиозных воззрениях или заводил речь о католических обрядах, Льюис с трудом скрывал отвращение.

Но, пожалуй, Толкиен не переживал бы «отступничество» Льюиса так остро, не будь они оба писателями. Обретя Бога, обретя Христа и приняв христианскую веру, Льюис немедленно вошёл в роль проповедника, благодаря которой и прославился далеко за пределами Оксфорда. Свой первый трактат — «Кружной путь, или Возвращение паломника: аллегорическая апология христианства, разума и романтизма» (1933) — Льюис опубликовал с неприличной, на взгляд Толкиена, поспешностью. «Письма Баламута», сочинённые в 1940 — 1941 гг. (главным образом, во время дежурств в рядах противовоздушной обороны), он печатал в христианском журнале, а в 1942 году издал в одной книге, сразу же завоевавшей международную известность. Эти книги Толкиену не нравились, и он полагал — возможно, не без оснований, — что Льюис не дал своим мыслям созреть и ему не достало терпения чётко определиться в своих религиозных воззрениях.

На протяжении 40 — 50-х годов Льюис опубликовал целый ряд произведений, закрепивших за ним славу писателя. Книги эти разнообразны по жанровому характеру, но каждая из них являет

собой попытку изложить свои религиозные убеждения в аллегорической форме. Таков и роман «За пределы безмолвной планеты», и «Хроники Нарнии», начавшиеся со сказочной повести «Лев, колдунья и платяной шкаф».

«Письма Баламута» Льюис посвятил Толкиену. Когда книга вышла в свет, он вручил другу экземпляр с надписью: «В знак уплаты великого долга». Однако Толкиену, как уже было сказано, книга не понравилась: он счёл её довольно банальной и, вдобавок, составленной на скорую руку. Впрочем, истинная причина его недовольства носила более личный характер. Во многих отношениях Толкиен был почти что фанатичным католиком. Он верил в дьявола; демоны для него были реальностью; и шутить на такие серьёзные темы, с его точки зрения, было бы весьма легкомысленно.

Но самую резкую критику у Толкиена вызвало самое знаменитое и популярное из произведений Льюиса — «Хроники Нарнии». Первые наброски к этому циклу Льюис начал читать на собраниях «Инклингов» весной 1949 года. «Инклинги» тогда всё ещё были под впечатлением от «Властелина колец» и помнили, что на путешествие от Хоббитона до врат Мордора у них ушло лет десять. Льюис же начал разрабатывать собственную мифологию с ошеломляющей быстротой и выносить её на суд друзей целыми главами, на которые ему подчас хватало всего нескольких дней. Такая торопливость не могла не раздражать Толкиена; но важнее то, что ему решительно не нравился сам сюжет, в котором он находил массу несообразностей и внутренних противоречий. Предъявляя к себе самому высокие требования, Толкиен ожидал такой же порядочности и от своих друзей.

Даже не пытаясь скрыть своё отвращение, Толкиен открыто заявлял на собраниях, что «Лев, колдунья и платяной шкаф» ему не нравится. Время от времени на встречах «Инклингов» стал бывать один из учеников Льюиса, Роджер Лэнслин Грин, и на собраниях, в которых Толкиен участвовать отказался, ему довелось прослушать несколько фрагментов этой сказки. Позже, случайно встретившись с Толкиеном на улице, он завёл было речь о Льюисе, но Толкиен тотчас заявил: «Вижу, вы читали детскую вещицу Льюиса. Так, знаете ли, дело не пойдёт!»[89].

Но Толкиена раздражало далеко не только то, что Льюис пишет быстро и, по его мнению, небрежно. К середине сороковых годов Льюис стал знаменитым писателем. «Письма Баламута» разошлись общим тиражом почти в четверть миллиона экземпляров, а научно-фантастические романы, которые он выпускал по одному в год, завоевали ещё большую популярность

во всём мире. «Хоббит» тоже не мог пожаловаться на недостаток внимания, однако в данное время Толкиен напряжённо трудился над его «продолжением» и, к тому же, никак не мог найти издателя для книги, которую считал гораздо более важной, — для «Сильмариллиона». Разумеется, ему стало досадно, когда — не прошло и нескольких месяцев! — издатели принялись обивать порог Льюиса, выпрашивая права на «Льва, колдунью и платяной шкаф». Не случайно в октябре того же года четверговые встречи «Инклингов» у Льюиса в Модлин-Колледже прекратились и группа стала собираться реже, нерегулярнее и только в пабах.

В довершение всего, Толкиен начал подозревать, что Льюис кое-что у него «признанял». Он обнаруживал в книгах Льюиса отзвуки собственных идей и замечал, что Льюис заимствует у него некоторые имена. К примеру, использованное у Льюиса имя «Тинидриль» было составлено из придуманных Толкиеном имён «Идриль» и «Тинувиэль». На экземпляре льюисовой «Переландры» («Путешествия на Венеру») Толкиен оставил язвительное замечание: «Надеюсь, вино выдержано как следует!»[90].

Льюис вращался в широком кругу друзей и приятелей. Время от времени он преисполнялся энтузиазмом по поводу какого-нибудь нового знакомца и, возведя очередного своего героя на пьедестал, пытался ввести его в круг старых друзей. За период общения с Толкиеном он поступал так неоднократно, но самым неприятным из подобных эпизодов для Толкиена стала история с писателем Чарльзом Уильямсом. Только познакомившись с Уильямсом, Льюис принялся расхваливать его на все лады перед своими оксфордскими друзьями. «Если бы вы ехали на автобусе по Хай-стрит, — сказал он одному из давних приятелей, — и увидели бы Чарльза Уильямса в толпе пешеходов, он сразу бросился бы вам в глаза! Он выглядит божественно! Он — прямо как ангел!»[91]. В другом месте он описал Уильямса как «уродливого человечка с просторечным выговором», но добавил: «Однако, стоит ему заговорить, как через пять минут об этом забываешь напрочь. Лицо его становится почти что ангельским. Из знакомых мне людей это чуть ли не единственный, кто в своих речах и на публике, и с глазу на глаз буквально истекает *любовью*. Устоять просто невозможно»[92]. На восторженные комплименты такого рода Льюис вообще был щедр, но интерес к Чарльзу Уильямсу оказался для него не просто мимолётным увлечением. И вскоре новый кумир потеснил Толкиена в его сердце.

Из трёх писателей Уильямс был самым старшим — при первой встрече с К.С. Льюисом, в 1936 году, ему было уже пятьдесят. Образование он получил довольно пёстрое.

Начиналось всё гладко: сначала — классическая школа Святого Албания, затем, в 1901-м (пятнадцатью годами раньше Льюиса), — оксфордский Юниверсити-Колледж. По общему признанию, Уильямс подавал большие надежды, но через два года его отец разорился и не смог больше вносить плату за обучение сына. Чарльзу пришлось бросить учёбу, так и не получив диплома. Он устроился на работу в издательство «Оксфорд Юниверсити Пресс» и стал писать и публиковать романы, критические статьи, стихи и пьесы.

К 1940 году Чарльз Уильямс написал уже двадцать семь книг. Льюис заинтересовался им, прочитав одно из недавних его произведений — «Место Льва». В 1939 году Уильямс переехал в Оксфорд, где они с женой Майкл и сыном Майклом прожили до конца второй мировой войны. С этого времени он стал много общаться с Льюисом, чью дружбу и советы ценил очень высоко. В 1939 году Уильямс писал жене о своём новом друге: «Я сбежал к К.С. Льюису… он и сам готов пить чай в любое время дня и ночи, и для меня оставил поднос с молоком и чаем и электрический чайник»[93]. К немалой досаде Толкиена, вскоре Уильямс стал регулярно являться в «Истгейт-Хотел», куда они с Льюисом вот уже более десяти лет приходили по понедельникам побеседовать с глазу на глаз.

Льюис и Уильямс вскоре стали неразлучными друзьями. Льюис принялся устраивать Уильямса, так и не получившего степени, штатным лектором в университет. И несмотря на почти единодушное сопротивление, он добился своего (главным образом, благодаря катастрофической нехватке преподавателей в военное время), а позднее помог Уильямсу получить в том же Оксфорде почётную магистерскую степень.

Льюис преклонялся перед своим новым другом, но Толкиен, несмотря на это (а быть может, именно из-за этого), так и не сошёлся с Уильямсом достаточно близко. Кое-кому Чарльз Уильямс казался человеком высокомерным, холодным и в компании «Инклингов» ищущим лишь самоутверждения, чтобы компенсировать недостаток формального образования. Во всяком случае, Толкиен был не в восторге от его характера. Книги Уильямса тоже ему не нравились, в особенности «Образ Артура» (изложение легенды о короле Артуре).

Вызывали у Толкиена подозрение и религиозно-философские взгляды Уильямсы, во многом диаметрально противоположные тем, которых придерживался сам Толкиен. Чарльз Уильямс был соткан из противоречий. Он был ревностным англиканцем, но в то же время питал почти всепоглощающую страсть к мистицизму и оккультизму. Он был членом знаменитого мистического Ордена

Золотой Зари, но по воскресеньям исправно посещал церковь и молился. В поэтическом выражении эта двойственность представала весьма оригинальной, однако Толкиену, который с детства недолюбливал протестантизм, нелегко было найти общий язык с протестантом, увлекавшимся вдобавок магией и герметической традицией.

Хуже того, Уильямс проявлял известную наклонность к садизму. Правда, в реальной жизни она никогда не находила выхода, и, по всем свидетельствам, он был преданным и любящим мужем и отцом. Однако в стихах и романах Уильямса эта склонность отражалась достаточно ярко. Так, в стихотворении «Антихрист» встречаются следующие строки:

> Как было б сладостно её прелестную головку
> Утонченною болью сокрушить
> В медлительных тисках…[94]

Подобные садистические побуждения в сочетании с тягой к оккультному прибавляли волнующей напряжённости его сочинениям, но некоторым его друзьям нередко казалось, что держать в узде тёмную сторону своей натуры Уильямсу удаётся лишь огромным усилием воли.

В свете этого очевидно, что подружиться с Уильямсом Толкиену было бы непросто, даже если бы дело не осложнялось ревностью. Они, в лучшем случае, просто терпели друг друга, и тёплыми их отношения не стали никогда. Около шести лет они проводили в одной компании по два вечера в неделю, но доверять друг другу так и не научились, и Толкиен в присутствии Уильямса нередко чувствовал себя крайне неуютно.

Однако Льюиса всё это, по-видимому, нисколько не смущало. Он восхищался резковатым и нервным характером Уильямса и преклонялся перед его умом. И, похоже, ему казалось, что прочие его друзья разделяют его чувства. «К 1939 году Уильямс стал всем моим оксфордским друзьям так же дорог, как и мне самому»[95], — писал он в эссе, которое вошло в мемориальный сборник «Эссе в дар Чарльзу Уильямсу», выпущенный в 1947-м, через два года после смерти Уильямса. Толкиен тоже написал эссе для этого сборника, но о том, какую неприязнь у него вызывал Уильямс, можно судить по замечанию, которое Толкиен оставил на своём экземпляре книги. Он написал на полях: «Увы, нет! До того, как он переехал в Оксфорд, я с ним почти что и не встречался».

Восторги Льюиса Толкиен зачастую игнорировал или оспаривал: он считал, что тот слишком впечатлителен и плохо разбирается в людях. Кроме того, он был ярым сторонником

точности, особенно в печати. Но это замечание он добавил в период, когда его дружба с Льюисом уже клонилась к закату, и в нём явственно чувствуется отзвук личной обиды. Много лет спустя на вопрос одного журналиста об Уильямсе Толкиен ответил: «Я прочёл немало его книг, но они мне не нравятся… Чарльза Уильямса я, в сущности, плохо знал»[96].

К концу сороковых годов дружба Толкиена с Льюисом практически распалась. Джек и Толлерс охладели друг к другу: слишком уж далеко они разошлись в религиозных взглядах и слишком уж раздражала Толкиена популярность, которую Льюис обрёл среди читателей. Поводом для дальнейшего отчуждения стало вторжение Чарльза Уильямса, но даже не оно оказалось последней каплей. Точку в дружеских отношениях с Толкиеном Льюис поставил в 1952 году, когда, год спустя после смерти Джени Мур, он встретил и полюбил Джой Грешем.

Последние бастионы старой дружбы рухнули с появлением в жизни Льюиса этой новой привязанности. Джой Грешем, американская писательница средней руки, была замужем за писателем Биллом Грешемом. Подобно Льюису, она пережила религиозное обращение. В 1952 году она приехала в Англию и познакомилась с Льюисом. Они очень быстро сблизились и полюбили друг друга, после чего Джой съездила в Америку, развелась, вернулась в Англию с двумя сыновьями и поселилась в «Килнз».

Спустя четыре года Льюис и Джой сочетались браком. Никто из друзей Льюиса при этом не присутствовал, а многие, в том числе и Толкиен, узнали о состоявшейся свадьбе только из объявления в «Таймс». Толкиен очень огорчился, что Льюис не сообщил ему об этом лично.

Но к тому времени Льюис уже понимал, что возродить былую дружбу невозможно. Он заранее знал, как отреагирует Толкиен на известие о его женитьбе. С Джой Грешем Толкиен почти не общался, но по ряду причин питал к ней антипатию. Прежде всего, он вообще недолюбливал прямодушных, волевых и независимых американок. Далее, Джой Грешем была разведённой женщиной с двумя детьми, да ещё и еврейкой, лишь недавно обратившейся в пресвитерианство, — а это течение в христианстве стояло предельно далеко от католицизма. Вдобавок, она начала писать книги того же сорта, что и Льюис, — то есть, по мнению Толкиена, вносить вклад в протестантскую пропаганду. Впрочем, Эдит Толкиен, как ни странно, подружилась с Джой.

Толкиен теперь виделся со своим бывшим другом очень редко. В 1954 году Льюис принял должность профессора на

отделении английского языка и литературы Средневековья и эпохи Возрождения в Кембридже, после чего стал реже бывать в Оксфорде. Впрочем, общался он с Толкиеном по-прежнему сердечно и даже написал восторженную рецензию на «Властелина колец» (в декабре 1949 года, во время одной из последних по-настоящему искренних и тёплых бесед, Толкиен дал ему почитать рукопись и попросил высказать своё мнение). Но даже после смерти Джой, скончавшейся в 1960 году, прежние чувства между Толкиеном и Льюисом не возродились, и встреч друг с другом они не искали.

Льюис умер в ноябре 1963 года. Толкиен отверг все предложения написать некролог и отказался внести вклад в сборник эссе, посвящённый памяти покойного. В дальнейшем он упоминал Льюиса редко, и единственным его отзывом о том, как оборвалась их долгая дружба, осталось довольно резкое замечание в письме, написанном вскоре после смерти Льюиса: «Сначала нас разлучило внезапное появление Чарльза Уильямса, — заявил Толкиен, — а затем — его [т.е. Льюиса] брак»[97].

Дружба между Толкиеном и Льюисом была поистине плодотворной и важной, и тем печальней этот скупой итог многолетних близких отношений между двумя родственными душами, помогавшими друг другу стать возвышенней и чище.

Глава 9. Навстречу «Хоббиту»

Тридцатые — сороковые годы стали важнейшим периодом в творческой жизни Толкиена. Именно в это время расцвели и принесли плоды его вдохновенные идеи. В это время разрозненные и отрывочные замыслы детских сказок обрели форму, доступную для широкой публики, и Толкиен вписал своё имя в историю литературы.

Когда именно Толкиен начал писать «Хоббита», не знает никто. Этого не знал даже сам Толкиен. Подобно «Мистеру Блиссу», «Роверианде» или «Письмам Деда-Мороза», «Хоббит» начался с незатейливых сказок, которые Толкиен рассказывал своим детям на ночь. Можно лишь предполагать, что после первого прилива вдохновения, посетившего его за проверкой экзаменационных работ, Толкиен некоторое время обдумывал новую историю и развивал её в устной форме, и только позднее решился записать. В 1937 году, через несколько месяцев после выхода книги, Кристофер Толкиен в своём собственном письме к Деду-Морозу упомянул, что отец читал «Хоббита» детям ещё много лет назад и что сказка уже тогда была отпечатана вся, кроме последних глав. Это свидетельство подтверждается тем фактом, что рукопись «Хоббита» без последних глав Толкиен давал Льюису читать *до того*, как был основан клуб «Инклингов», ещё в эпоху «Углегрызов». Учитывая всё это, приблизительно датировать первые наброски «Хоббита» можно 1931-м годом.

Не считая родных Толкиена, первым читателем этой сказочной повести стал, по-видимому, именно Льюис, и «Хоббит» сразу же его очаровал. Вот как он отозвался о нём в письме к своему другу Артуру Гривсу:

> «*С начала семестра мне посчастливилось прочесть детскую повесть, которую написал Толкиен. Я вам уже говорил о нём: если б судьбе было угодно, он идеально вписался бы третьим в нашу с вами дружбу минувших дней, ибо он также вырос на У. Моррисе и Джордже Макдональде. Сверхъестественное ощущение от его сказки — это именно то, что нам с вами обоим так хотелось бы написать (или прочитать) в 1916-м: он словно бы не сочиняет, а просто описывает тот самый мир, в который все мы трое вхожи… Хороша ли она на самом деле — это, конечно, уже другой вопрос, как и то, понравится ли она современным детям*»[99].

Действительно, вдохновение для работы над «Хоббитом» Толкиен во многом черпал из воспоминаний о собственном детстве, о книгах, которые он читал в детские годы, о своих детских играх и фантазиях. На поверхностном уровне в книге можно обнаружить немало свидетельствующих об этом следов и намёков: к примеру, тётя Джейн жила в Вустершире на ферме, которую местные жители называли «Бэг-Энд», а в сказках Эндрю Лэнга полным-полно драконов. Драконы фигурировали и в ранних сказках, которые Толкиен сочинял для своих детей ещё в Лидсе. Особого внимания заслуживает цикл стихотворений «Сказки и песни бухты Бимбл-Бэй»: в одном из них, под названием «Визит дракона», описывается нападение дракона на спящую бухту Бимбл-Бэй и фигурирует «мисс Биггинс». Очевидно также, что по духу «Хоббит» во многом близок «Письмам Деда Мороза». Это подметили ещё друзья семьи Толкиенов, которым показывали эти письма, в том числе филолог Симонна д'Арденн, которой принадлежит следующий отзыв: «Из этих милых писем родился 'Хоббит', вскоре сделавший Толкиена знаменитостью, и они же стали отправной точкой для последовавшей за ним сказки для взрослых — великой трилогии 'Властелин колец'»[100].

Но утверждая, что «он словно бы не сочиняет, а просто описывает тот самый мир, в который все мы трое вхожи», Льюис имел в виду, что Толкиен (подобно самому Льюису и, очевидно, Гривсу) удержал в памяти яркие образы волшебного мира, сложившегося в его воображении ещё в детские годы. Толкиен принадлежал именно к тому типу людей, которые способны создавать персонажей наподобие Бильбо и сказочные места наподобие Шира.

Когда его книги прославились, Толкиен радостно объявил себя хоббитом. Отчасти это была шутка, однако во многом Толкиен и впрямь походил на типичного хоббита. Между Толкиеном и Бильбо Бэггинсом немало общего. К двадцатому веку Толкиен питал недоверие и, временами, откровенно презирал его. Было в нём нечто от луддита, убеждённого, что наука и технология приносят человечеству в целом только вред. Автомобиль он не покупал до тех пор, пока, по мнению Эдит, в этом не возникла насущная необходимость (да и то через несколько лет от машины избавились). Телевизором Толкиен так и не обзавёлся, а радио слушал лишь изредка. Он не любил ни современную литературу, ни театр, ни кино; современная политика его не интересовала. В каком-то смысле, Толкиен вообще не желал жить в современном мире: он предпочитал Средиземье.

Но на более прозаическом уровне хоббит — это не

уникальное существо, а тип, тип, к которому принадлежал не только сам Толкиен, но и многие из людей, среди которых он вырос и прожил всю свою жизнь. Хоббиты созданы по образцу англичан и англичанок того типа, который ныне исчез почти бесследно. Это своего рода карикатура на англичан довоенного времени, наподобие той четы, что выведена в киноленте «Короткая встреча», или Ричарда Хэннея, героя знаменитого фильма А. Хичкока «Тридцать девять ступеней».

Бильбо Бэггинс — это представитель английского среднего класса, неодобрительно, как и сам Толкиен, взирающий на прогресс и всяческие новшества. Бильбо тяжёл на подъём — слишком уж он привязан к своей трубке и уютному креслу. Но если дело всё-таки дойдёт до приключений, он преобразится в героя: в сердце его взыграет дух Соммы. Что же до Сэма Гэмджи, то это другой тип — англичанин из рабочего класса, окопный «Томми» или мальчик-разносчик, который катит на велосипеде от дома к дому, насвистывая что-то себе под нос.

Как гласит легенда, «Хоббит» родился из мгновенного озарения, когда Толкиен, замечтавшись, разглядывал дырку в ковре на полу своего кабинета. Но от этой начальной вспышки вдохновения Толкиен не устремился вперёд во весь опор, а неторопливо двинулся в обратный путь, к истокам загадочной фразы, которую вывела его рука на чистом листе бумаги. «В земле была нора, а в норе жил хоббит…». Отлично, но кто такой хоббит? И почему он жил в норе?

Чтобы ответить на эти вопросы, Толкиену предстояло отступить в прошлое. Только так можно было выяснить, что же это за существа, и выстроить систему присущих им особенностей. Тут-то и пошли в дело образы людей, с которыми Толкиену доводилось сталкиваться в своей жизни, — бирмингемских родственников и йоркширских студентов из Лидса; рядовых с фронта, чью компанию он с радостью предпочёл бы обществу офицеров; университетских профессоров; бакалейщика с крытого рынка в центре Оксфорда…

Сколько-то времени неоконченная рукопись «Хоббита» пролежала заброшенной в ящике стола. Быть может, она так бы и не увидела свет, когда бы не одно счастливое обстоятельство: время от времени Толкиен всё же выдвигал ящик и давал почитать рукопись старым, проверенным друзьям семьи и близким товарищам (именно так, например, с ней познакомился Льюис).

Ранняя версия отличалась от окончательной во многих деталях. Так, Бильбо намеревался пробраться в логово дракона и заколоть его; дракона звали не Смаугом, а Прифтаном, имя

«Гэндальф» носил главный гном, а волшебник именовался Бладортином. Не исключено, что открыть ящик и стряхнуть пыль со старой рукописи Толкиена побудило возникновение клуба «Инклингов». Однако извлечь рукопись на белый свет было мало. Предстояло ещё дописать финальные главы, ибо сказка обрывалась на том месте, где дракона вот-вот должны были убить. Имя «Гэндальф» перешло к волшебнику, а «Блатодрин» исчез из текста, по всей вероятности, после чтений у Льюиса, когда Толкиен решил взять все гномьи имена из «Старшей Эдды».

В числе тех, кому Толкиен показывал неоконченную рукопись, была его бывшая студентка Элейн Гриффитс, которая в 1936 году работала в Оксфорде, подготавливая к печати перевод «Беовульфа» для лондонского издательства «Джордж Аллен энд Анвин». Одна из давних подруг Элейн, Сьюзен Дагналл, учившаяся в одно время с ней на английском факультете, а теперь работавшая редактором в этом издательстве, приехала в Оксфорд обсудить предстоящую публикацию. За ланчем они принялись вспоминать старые добрые времена, и Элейн, среди прочего, упомянула, что профессор Толкиен написал чудесную детскую сказку. По её совету, Сьюзен Дагналл в тот же день нанесла Толкиену визит и попросила почитать рукопись.

Толкиен с удовольствием вручил ей неоконченную книгу и, пообещав вернуть её как можно скорее, Сьюзен поспешила на вокзал. Рукопись она прочитала прямо в поезде, по дороге в Лондон, и через несколько дней отправила её обратно, приложив письмо, в котором выразила уверенность, что «Хоббит» будет иметь успех, но добавила, что прежде, чем представить книгу на суд директоров издательства, её нужно дописать до конца.

Воодушевлённый этими новостями, Толкиен немедленно принялся за работу. Время для этого было идеальное — начало августа. Толкиену предстояли «большие каникулы»: с экзаменационными работами за этот год он почти покончил, а занятия в колледже возобновлялись только через два месяца. Майкл Толкиен, которому в то время шёл шестнадцатый год, помог отцу отпечатать текст на машинке (работая одной рукой, так как правую руку он сильно порезал о разбитое окно в школе), и 3 октября 1936 года, как раз перед началом нового семестра, оконченная и проверенная новая версия «Хоббита» отправилась в Лондон. На титульной странице Толкиен напечатал: «Хоббит, или Туда и обратно».

Сьюзен Дагналл показала рукопись директору компании Стенли Анвину. Тому книга сразу понравилась, однако он решил проверить, как отреагирует на эту сказку хотя бы один из читателей того возраста, для которого она предназначалась, и

дал почитать её своему десятилетнему сыну Рейнеру. За один шиллинг мальчик написал на неё краткую рецензию:

> «*Бильбо Бэггинс был хоббит, который жил в своей хоббичьей норе и* никогда *не ходил на приключения, но в конце концов волшебник Гэндальф и его гномы уговорили его пойти. Ему было очень интересно, он сражался с гоблинами и варгами. Наконец они добрались до Одинокой горы. Смауга, дракона, который ее караулит, убили. И после страшной битвы с гоблинами он возвратился домой — богатым! Эта книга благодаря картам не нуждается ни в каких иллюстрациях, она хорошая и понравится всем детям от 5 до 9*»[101].

Через неделю Толкиен получил из «Джордж Аллен энд Анвин» уведомление о том, что его книга принята к публикации.

Вместе с рукописью Толкиен отослал Сьюзен Дагналл подборку карт, и часть из них издатели согласились включить в книгу. Но не все его планы по оформлению издания получили поддержку. Карты ему пришлось перечертить заново, так как они оказались слишком многоцветными. Поместить на форзац общую карту той части Средиземья, в которой происходит действие, и вставить в текст первой главы карту Трора, отпечатанную «невидимой» (то есть видимой только на просвет) краской, издатели отказались.

Кроме карт, Толкиен предложил издателям несколько иллюстраций, в сопроводительной записке скромно отметив: «По-моему, эти картинки доказывают, главным образом, что рисовать автор не умеет»[102]. Но редакторам и Стенли Анвину рисунки Толкиена очень понравились, и в книгу решили включить восемь чёрно-белых иллюстраций.

В феврале 1937 года Толкиену прислали гранки. При его внимании к деталям и стремлении постоянно исправлять и улучшать текст вычитка оказалась непростой задачей. Вместо того, чтобы просто внести корректуру, Толкиен решил полностью переработать некоторые эпизоды. Узнав об этом, издатели попытались отговорить его, заявив, что повторный набор им обойдётся слишком дорого и платить за него Толкиену придётся из собственного кармана. Но Толкиена это не смутило: он приложил массу усилий к тому, чтобы каждое исправленное предложение в точности совпадало по объёму с первоначальным.

Трудно отрицать, что его недовольство имело под собой здравые основания. Прежде всего, Толкиена не устраивали многочисленные обращения к читателю, и немало времени он потратил на то, чтобы удалить их и соответственным образом

переработать контекст[103]. Кроме того, он обнаружил ряд несообразностей в географии и хронологии, для исправления которых тоже пришлось многое изменить.

В итоге на внесение правки ушло два месяца. Книга стала значительно лучше, но к тому времени, как гранки наконец вернулись в лондонский офис «Джордж Аллен энд Анвин», издатели были уже изрядно раздосадованы. Они поняли, что стремлением выверять каждое слово и доводить текст до совершенства Толкиен, при всём своём таланте, будет и в дальнейшем доставлять им немало хлопот.

Очередным поводом для разногласий стала дата публикации. По ряду причин «Джордж Аллен энд Анвин» хотели выпустить тираж в конце сентября. Тогда книга успела бы «захватить» рождественский рынок, а издателям, в свою очередь, хватило бы времени спокойно подготовить к печати исправленный вариант.

Для Толкиена же было предпочтительнее, чтобы книга вышла в свет июне. Дело было в том, что с октября 1936-го по сентябрь 1937-го он получал стипендию от Исследовательского общество Леверхюльма и опасался, что коллеги заподозрят его в растрате университетских средств на публикацию детских книжек. Но если книга выйдет в июне, — полагал он, — то утверждать, что это и были «исследования», на которые он тратил стипендию, будет сложнее.

Стенли Анвин понял, что Толкиен беспокоится напрасно, и решил не пренебрегать тем, что подсказывало ему деловое чутьё. Книга появилась на прилавках в конце сентября 1937 года, а уже к Рождеству была полностью распродана. Коллеги Толкиена не обратили на неё внимания до тех пор, пока не появилась рецензия в «Таймс», да и тогда, как писал Толкиен Стенли Анвину, «только удивились и немножко мне посочувствовали»[104].

Тем, кто не имеет представления о типичном складе характера оксфордским донов, такая реакция может показаться странной. Но следует знать, что сотрудники Оксфорда и Кембриджа известны своей «зловредностью». Многие в этих прославленных стенах привычно высмеивают всех и вся, унижая других, чтобы лишний раз утвердить собственное превосходство. Толкиен прекрасно это знал и ожидал насмешек во всеоружии, и всё же тот факт, что коллеги удостоили его книгу вниманием хотя бы в такой форме, доставил ему удовольствие. «Меня постоянно спрашивают, как там поживает мой хоббит, — писал он Анвину. — Профессор византийского и греческого купил себе одного, ‘потому что первые издания Алисы [т.е. «Алисы в стране чудес», также написанной оксфордским доном — Чарльзом

Доджсоном] теперь очень ценятся’»[105].

Рецензию в «Таймс», произведшую на современников Толкиена столь сильное впечатление, написал не кто иной, как К.С. Льюис. В ней говорилось следующее:

> «*Всем любителям таких детских книг, которые могут читать и перечитывать взрослые, стоит принять к сведению, что в этом созвездии зажглась новая звезда. Искушённому взгляду некоторые персонажи покажутся почти мифопоэтическими. …Такое впечатление, что Толкиен ничего не выдумывает. Он изучил троллей и драконов на личном опыте и повествует о них с такой скрупулёзной точностью, которая стоит целого океана бойкой ‘оригинальности’*»[106].

Несколькими днями ранее Льюис опубликовал ещё одну рецензию в «Таймс литерари сапплмент», где утверждал: «Ни один стандартный рецепт по написанию детских книг не поможет вам создать персонажей, обосновавшихся на своей территории и в своей истории столь же прочно, как детища профессора Толкиена (который явно знает о них куда больше, чем требуется для этой сказки)»[107].

По-видимому, Толкиен опасался, что рецензии не воспримут всерьёз, если инкогнито обозревателя раскроется. Поэтому тем, кто знал, что эти заметки написаны его другом, он говорил, что Джек —честнейший и порядочнейший из всех известных ему людей, что восторги его всегда неподдельны и что он никогда не стал бы выступать с подобными похвалами только ради того, чтобы книга лучше распродавалась. Вне сомнения, так оно и было, тем более что Льюис не перестал расхваливать сказочную повесть Толкиена даже после того, как дружба их распалась. В книге «О здешнем и иных мирах» (конец 1930-х гг.) он писал о «Хоббите» так:

> «*Надо понимать, что книга эта — детская лишь в том смысле, что в первый из множества раз прочесть её можно в детской. ‘Алису’ дети воспринимают всерьёз, а взрослые — со смехом; ‘Хоббит’, наоборот, смешнее всего кажется самым маленьким читателям, и только с годами, перечитав его в десятый или двадцатый раз, они начинают понимать, сколько понадобилось виртуозных изысканий и глубоких размышлений, чтобы всё в нём стало таким сочным, таким славным и таким, по-своему, правдивым. Предсказания — дело опасное, но вполне возможно, что ‘Хоббит’ и впрямь станет классикой*»[108].

А спустя ещё десять лет Льюис заметил:

> «*Опасность выродиться в сугубо сюжетную, развлекательную историю миновала ‘Хоббита’ благодаря любопытнейшему сдвигу тональности. Вместе с комизмом и уютной обстановкой первых глав ‘хоббитство’ как таковое постепенно сходит на нет, и незаметно мы вступаем в мир эпоса*»[109].

Ещё до первого выхода в свет на Британских островах «Хоббит» привлёк внимание одного из крупных американских издательств. Чарльз Ферт, сотрудник лондонского офиса «Джордж Аллен энд Анвин», работавший над изданием «Хоббита», в мае 1937 года сообщил Толкиену в письме, что бостонский издательский дом «Хоутон Миффлин» желал бы опубликовать «Хоббита» в США. Кроме того, американские издатели интересовались, сможет ли Толкиен сделать для книги цветные иллюстрации.

Толкиен с радостью дал своё согласие на публикацию и пообещал прислать иллюстрации, хотя и выразил опасения, что издателям они не понравятся. Ферт и другие работники «Аллен энд Анвин» к тому времени уже привыкли к манере Толкиена и знали, что работать с ним не так-то легко. Не далее как в феврале Толкиен изумил их отзывом о гранках чёрно-белых иллюстраций к «Хоббиту». В целом, он похвалил оттиски, однако заметил, что с иллюстрацией «Тролли» кое-что неладно: испорчен контур одного из деревьев на заднем плане и не все точки вокруг центрального костра пропечатались как следует.

По ряду причин американские издатели торопили Толкиена, но мысль о том, что его книгу будет иллюстрировать кто-то другой, была ему неприятна. Он написал Ферту, что в случае, если у него ничего не выйдет, он требует гарантий того, чтобы американцы, по крайней мере, не вставляли в книгу своих иллюстраций, ибо вся продукция компании «Дисней» ему «глубоко противна»[110].

Случилось так, что это письма переслали в «Хоутон Миффлин» неотредактированным. Узнав об этом, Толкиен до крайности смутился. Однако бостонские редакторы ничуть не обиделись и по-прежнему желали приобрести права на издание как можно быстрее. К августу 1937 года Толкиен поборол сомнения в своих художественных талантах и, несмотря на обилие другой работы, успел выполнить пять цветных иллюстраций: «Ривенделл», «Холм: Хоббитон-За-Рекой», «Хоббита разбудило взошедшее солнце», «Разговор со Смаугом» и «Бильбо приближается к деревушке эльфов-плотовщиков». Все, кроме

последней, вошли в первое издание «Хоутон Миффлин», а «Аллен энд Анвин» включили их во второе издание, увидевшее свет в начале 1938 года.

Сам Толкиен остался доволен этими иллюстрациями и обрадовался второму изданию «Хоббита» едва ли меньше, чем первому. Однако даже в первом издании кое-что его решительно не устроило. На клапане суперобложки Стенли Анвин поместил следующую рекламку:

> «*Дж.Р.Р. Толкиен — отец четверых детей. Он читал ‘Хоббита’ вслух своим малышам в детской и ссужал рукопись всем оксфордским друзьям, чтобы те прочли её своим детям. ‘Хоббит’ появился на свет точно так же, как ‘Алиса в стране чудес’. Ещё один профессор никому не ведомых наук решил вернуться к детским играм*».

На первый взгляд, текст довольно безобидный. Но Толкиен вцепился в него зубами и ногтями и разразился критической статьёй на три страницы. Какие ещё «малыши в детской», когда старшему, Джону, было уже тринадцать? И никому он не «ссужал» рукопись, а те немногие, кому довелось прочесть её, читали её сами, и дети их тут ни при чём. И как можно называть англосаксонский язык «никому не ведомой наукой»? Впрочем, здесь Анвин несправедлив не столько к Толкиену, сколько к автору «Алисы в стране чудес» — Чарльзу Доджсону, читавшему лекции по математике. Далее Толкиен заявил, что Доджсон, вдобавок, был не профессором, а лектором (с точки зрения оксфордского дона, между двумя этими должностями пролегает настоящая пропасть). Наконец, образ профессора, вернувшегося к детским играм, просто никуда не годится[111].

Это письмо наглядно иллюстрирует одно из главных затруднений, с которым столкнулись на данном этапе Толкиен и его издатели. Автор «Хоббита» был человеком требовательным вплоть до придирчивости, и сотрудничать с ним было очень тяжело. Кроме того, он был, что называется, «не от мира сего», и встать на точку зрения человека, работающего в издательском (как, впрочем, и в любом другом) бизнесе было выше его сил: мир бизнеса был ему чужд и неприятен. Толкиен привык совершенствовать свои произведения неторопливо и спокойно, переписывая и перерабатывая эпизоды столько раз, сколько считал нужным. Он жил своей работой, и кроме научной деятельности, семьи и ближайших друзей для него в мире не существовало почти ничего. Реклама Анвина показалась ему бессмысленной. Он не отдавал себе отчёта в том, что издатели просто стараются привлечь внимание публики, и не понимал,

зачем сравнивать «Хоббита» с «Алисой в стране чудес». Сосредоточившись на деталях, он упустил из виду тот факт, что публика нуждается в «зацепках», ориентирах и вехах. Замкнувшись в своей башне из слоновой кости, он не считал нужным облегчать задачу массовому читателю.

Именно из-за этого и осложнились его отношения с издателями. Зимой 1937 года выяснилось, что «Хоббит» имеет огромный успех, и Стенли Анвин, естественно, выразил надежду, что Толкиен напишет продолжение. Толкиен также мечтал о продолжении и надеялся, что благосостояние его семейства теперь пойдёт в гору. Уже через несколько недель после выхода в свет первого издания, в октябре 1937 года, он с оптимизмом сообщил Стенли Анвину, что очень скоро, должно быть, избавится от необходимости проверять экзаменационные работы — утомительного и скучного занятия, отнявшего у него вот уже семнадцать летних каникул, — и сможет наконец предаться любимому делу, не теряя на этом денег[112]. Действительно, «Хоббит» прекрасно распродавался всю зиму и уже в начале 1938 года привлёк к себе широкое внимание прессы, так что у Толкиена были все основания для оптимизма. А вскоре вышло в свет американское издание, и в США книгу приняли не менее радушно, чем на Британских островах. Весной Толкиену присудили премию «Нью-Йорк геральд трибьюн» за лучшую детскую книгу года, и на волне душевного подъёма он решил безотлагательно взяться за продолжение.

Однако путь к международному признанию оказался долгим и тернистым, не в последнюю очередь потому, что Толкиен не мог принимать во внимание коммерческие соображения и работать на потребу рынка. Но с другой стороны, в конце этого многотрудного путешествия его ожидало нечто очень важное — неизмеримо более важное, чем просто продолжение «Хоббита».

Глава 10. Война и кольцо

«Хоббит» появился на свет в тревожные времена. Разумеется, спокойно в мире не бывает никогда; но осенью 1937-го — не минуло и двадцати лет после первой Великой Бойни — человечество снова подошло к краю пропасти. Весной того года немецкие нацисты разбомбили Гернику, а в сентябре японцы устроили резню в Шанхае. Быть может, одна из причин популярности «Хоббита» состояла как в раз в том, что книга Толкиена открывала людям альтернативную реальность — мир вполне «реальный» (в том смысле, что и ему не чужды интриги и насилие, добро и зло), но без пушек, бомб и нацистов.

1938 год оказался ещё страшнее. Некоторые ещё пытались убедить себя и других, что мировой пожар не вспыхнет снова и человечество не повторит ошибок прошлого поколения. Но большинство понимало, что война неизбежна. В сентябре 1938 года премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен встретился с Гитлером и, вернувшись в Англию, наивно объявил, что «наше время будет мирным». Однако уже через пять дней Гитлер ввёл войска в Чехословакию. Англия и Франция в ответ приступили к перевооружению, и стала нарастать паника. Ещё год спустя Великобритания объявила Германии войну, а вся Европа превратилась в гигантское поле битвы.

Оксфорд вышел из второй мировой с куда меньшими потерями, чем большинство других британских городов. Гитлер считал Оксфорд очень красивым местом и хотел любой ценой сохранить его, чтобы впоследствии разместить там правительственную резиденцию. Поэтому между Германией и Великобританией с самого начала войны был заключён уникальный в своём роде договор, согласно которому ВВС Великобритании оставили в покое Гейдельберг и Гёттинген, а бомбардировщики «Люфтваффе» не приближались к Оксфорду и Кембриджу.

Правда, в остальном жители Оксфорда терпели те же лишения, что и всё население страны. Продовольствия и топлива не хватало, да и полной уверенности в том, что Гитлер сдержит своё слово, быть не могло. И всё же Оксфорд считался «тихой гаванью». Он находился далеко от побережья, и добраться до него немецким бомбардировщикам было нелегко, а в случае вторжения он наверняка продержался бы дольше большинства других городов. Из Лондона и прочих мест сюда свезли на хранение национальные ценности; кроме того, в самом Оксфорде и окрестных деревнях расселили около двадцати тысяч

эвакуированных женщин и детей.

Несколько беженцев поселилось и у Толкиенов: часть комнат в большом доме на Нортмур-роуд теперь пустовала. Дома остались только Присцилла и Кристофер. Старший сын Толкиена, Джон, находился в Риме, где готовился принять сан священника (позже его эвакуировали обратно в Англию). Майкл в 1939 году был призван в армию и, проучившись год в оксфордском Тринити-Колледже, стал зенитчиком. А Кристофера несколько лет спустя, ещё до окончания войны, зачислили в BBC и отправили в Южную Африку.

Но в остальном жизнь Толкиена почти не изменилась. Студентов в университете осталось гораздо меньше, но занятия шли своим чередом. Толкиен по-прежнему проверял экзаменационные работы и выполнял возложенные на него административные обязанности, а собрания «Инклингов» продолжались как ни в чём не бывало. Кроме Толкиена и Льюиса, на них обычно присутствовали Уильямс, брат Льюиса Уорни и Хамфри (доктор Хаварда). Нередко из университета Ридинга приезжал и Хьюго Дайсон; не забывал старых товарищей и Когхилл. В сущности, именно на военные годы пришёлся расцвет деятельности «Инклингов». И, как ни досаждало Толкиену общество Чарльза Уильямса, можно не сомневаться, что всем без исключения членам клуба эти собрания помогали хоть ненадолго забывать о том, что вот уже второй раз на их веку страна ввязалась в военный конфликт, что доставать пиво и табак теперь непросто, а многие студенты могут так никогда и не вернуться в аудиторию, как двадцать лет назад не вернулись из окопов первой мировой многие их друзья.

Особенно тревожным и тягостным этот период оказался для Эдит. Сыновья её были далеко от дома и смотрели в лицо опасности, а её муж, как обычно, проводил почти всё свободное время с друзьями. Эдит вынуждена была смириться с тем, что в жизни Рональда ей отводится не так уж много места. Далеко не все друзья мужа вызывали у неё симпатию, и многих она сторонилась. Когда бы Джек ни заглядывал на Нортмур-роуд, после обычного обмена приветствиями между ним и Эдит неизменно воцарялось неловкое молчание. Единственной точкой соприкосновения с миром «Инклингов» для Эдит оставались визиты доктора Роберта Хаварда, который был семейным врачом Толкиенов и, заходя к ним в гости, играл с детьми и общался с хозяйкой дома.

Неприязнь и недоверие у Эдит вызывали и почти все жёны оксфордских донов, с которыми Толкиен поддерживал отношения. По большей части это были женщины из богатых

семей, и жили они в роскошных особняках, по сравнению с которыми дом №20 по Нортмур-роуд выглядел весьма скромным. Эдит остро сознавала, что уступает другим профессорским жёнам и по происхождению, и по образованию. Ради мужа она поначалу старалась казаться общительной и дружелюбной, приглашала гостей на чай и на ланч, поддерживала светские беседы и пыталась растопить лёд отчуждённости, но в конце концов сдалась и решила, что эта сторона оксфордской жизни — не для неё. Постепенно она приобрела репутацию замкнутой и холодной дамы, и её предоставили самой себе.

Такой поворот событий, в общем-то, её устраивал. У неё оставались дети, муж и дом, и в этом отношении Эдит была довольна жизнью. Впрочем, она до сих пор не могла простить Рональду, что он заставил её перейти в католичество, и церковь посещала лишь изредка. Толкиен, напротив, с годами становился всё более набожным, но навязывать свои убеждения жене больше не пытался, хотя её равнодушие к церкви не могло его не огорчать. По этому поводу между ними время от времени вспыхивали ссоры, и наконец, на втором году войны, разразился настоящий скандал, завершившийся, впрочем, полным примирением.

По-видимому, не последней из причин этой бурной ссоры стало постоянное напряжение, в котором Эдит пребывала с самого начала войны. Она тревожилась за детей и, по-видимому, опасалась, что впереди её ждёт очень одинокая жизнь. Присцилла, которой в год объявления войны исполнилось десять, училась в школе; мальчики покинули семейный кров; Толкиен три вечера в неделю проводил с друзьями, а остальное время посвящал работе. Кроме того, вместе со многими другими сотрудниками университета (в том числе Льюисом и Уильямсом) он должен был участвовать в вечерних и ночных дежурствах в рядах противовоздушной обороны. Таким образом, для Эдит в его жизни места почти не оставалось.

К тому же, проблемами личного характера дело не ограничивалось. Толкиены едва сводили концы с концами. Много денег уходило на плату за образование детей. Государственной службы здравоохранения ещё не существовало, и медицинские счета также ложились на семейный бюджет тяжёлым бременем. Толкиен с самого начала понимал, что академическая карьера не принесёт ему больших денег, — и учёным он стал вовсе не ради денег. Однако дети подрастали, расходов становилось всё больше, а проверять экзаменационные работы ему уже давно надоело. Многие его знакомые неплохо зарабатывали на статьях для журналов и книгах, и неудивительно, что на успех «Хоббита»

Толкиен возлагал большие надежды.

«Хоббит» действительно имел успех, но не внёс в жизнь Толкиенов никаких серьёзных перемен. В 1938 году Толкиен узнал, что американские издатели распродали трёхтысячный тираж, и в Англии за первый год разошлось примерно столько же экземпляров. Однако больших доходов автору это не принесло. Мало-помалу «Хоббита» открывали для себя издатели в других странах, и всё же настоящие деньги он стал приносить только в середине шестидесятых — после того, как прославился на весь мир «Властелин колец».

Восторженные отзывы в прессе привлекли к Толкиену внимание публики, имя его теперь было у многих на слуху, и вполне естественно, что Толкиен попытался извлечь из этой ситуации как можно больше. Осенью 1937 года Толкиен сообщил Стенли Анвину, что его друг, К.С. Льюис, написал роман, — и издатель немедленно пожелал с ним ознакомиться. Этот роман — «За пределы безмолвной планеты» — уже был отвергнут в одном издательстве, да и Анвин впоследствии отклонил его, получив неблагоприятный отзыв от рецензента. Но сам тот факт, что книга была принята к рассмотрению, свидетельствует о том, что статус Толкиена в литературном мире изменился и теперь его принимали всерьёз[113].

Уже через несколько недель после выхода «Хоббита» в свет Стенли Анвин понял, что книга пришлась широкой публике по вкусу и Толкиен может стать новой величиной в литературе. Он резонно предположил, что читатели захотят узнать о хоббитах побольше, и не замедлил сообщить об этом Толкиену. Будучи человеком деловым и опытным, Анвин понимал, что нужно ковать железо, пока горячо, и посоветовал Толкиену поторопиться с продолжением — «Новым ‘Хоббитом’».

Для искателей литературных сокровищ кабинет Толкиена был настоящим кладом. Здесь были не только детские сказки, но и целые горы заметок, рукописных и машинописных текстов, карт, рисунков и стихов, повествующих о Первой и Второй Эпохах Средиземья, о Берене, Гил-Галаде и Элронде, об эльфах и Валар, о злодеяниях Моргота и Саурона… Но нашёлся бы среди всех этих богатств «Новый ‘Хоббит’»?

15 ноября 1937 года Толкиен встретился со Стенли Анвином один на один за ланчем, чтобы обсудить планы на будущее. Он привёз с собой массу разнообразных материалов — и «Письма Деда-Мороза», и подборку детских сказок, и прозаическую версию части «Сильмариллиона» («Квента Сильмариллион»), и неоконченную версию поэмы «Жеста о Берене и Лутиэн». Ещё раньше он прислал в редакцию «Джордж Аллен энд Анвин» сказку

«Мистер Блисс». Издавать её сразу после «Хоббита» не захотели, но согласились в будущем принять к рассмотрению в немного переработанном виде.

Судя по всему, Стенли Анвин просто не понял, что ему делать с толкиеновскими материалами. «Письма Деда-Мороза» ему понравились, но издать их как продолжение «Хоббита» было невозможно. Кроме того, эту подборку следовало публиковать с цветными иллюстрациями, что было бы слишком дорого. «Жесту о Берене и Лутиэн» Анвин не воспринял, а «Сильмариллион», который в то время состоял из разрозненных и обрывочных легенд, показался ему чем-то и вовсе странным. Он хотел ещё одну большую приключенческую сказку про Бильбо и гномов, эльфов, волшебников и троллей, — быть может, историю новой миссии Бильбо-взломщика.

Анвин с уважением принял рукописи и пообещал прочесть их. Он не боялся идти на риск и старался не упускать благоприятных возможностей: это и помогло ему преуспеть в издательском деле. Профессор Толкиен уже осчастливил его «Хоббитом»; кто знает, какие ещё сокровища припасены в ящиках его письменного стола?

Но рецензент издательства, Эдвард Крэнкшо, как и следовало ожидать, встал в тупик. Он ощутил очарование волшебства, исходящее от толкиеновских рукописей; однако было очевидно, что это не тот материал, которого ждёт Анвин. И Толкиену достало благоразумия понять это, хотя в очередном письме к Анвину он и признался, что сердце его «отдано Сильмарилам»[114]. Пожалуй, для него даже стало бы потрясением, если бы Анвин вдруг согласился опубликовать «Сильмариллион». Книгу такого рода не имело смысла издавать на волне успеха, который Толкиену принесла детская книга: публику «Сильмариллион» озадачил бы сейчас не меньше, чем рецензента. Более того, в 1938 году Толкиен ещё не был морально готов к тому, чтобы отдать своё любимое детище на редактуру в чужие руки. Он чувствовал, что эта книга очень далека от завершения и что пройдут ещё годы и годы, прежде чем из фрагментов и набросков выкристаллизуется живой и ясный образ Средиземья и Западных земель. К тому же, «Сильмариллион» всё ещё оставался для Толкиена чем-то глубоко личным, и вынести его на суд читателя он бы не решился.

Сейчас перед ним стояла другая цель — сочинить ещё одну детскую сказку, которая могла бы послужить продолжением или дополнением к «Хоббиту». В середине декабря Толкиен получил уведомление, что материалы, представленные Анвину, не могут быть изданы сразу же вслед за «Хоббитом» (хотя издательство и

не отвергло и окончательно). В письме от 16 декабря он ответил, что обязательно займётся новой историей о хоббитах, но пока ещё не имеет представления, о чём писать и как поступить с идеями и персонажами, разработанными в первой книге.

На следующий день Толкиен получил письмо от своего редактора, Чарльза Ферта. В нём сообщалось, что на «Хоббита» огромный спрос и со вторым изданием пришлось поторопиться: для доставки тиража в магазины из типографии в Уокинге пришлось даже воспользоваться чьим-то личным автомобилем. Под влиянием ли этого письма, или по какой-либо иной причине, мы не знаем, но в тот же день Толкиен испытал прилив вдохновения и приступил к работе над новой историей о хоббитах. Уже 19 декабря он известил Ферта, что первая глава новой книги готова и что называется она «Долгожданный званый ужин».

Итак, начало было положено. Но следовало иметь в виду, что в то время шли рождественские каникулы и Толкиен был почти свободен от большей части своих рутинных обязанностей. Начать новую историю ему обычно ничего не стоило, но вот удержать взятую на старте скорость подчас бывало нелегко. К тому же, придерживаться жёсткого графика в творческой работе и выжимать из себя вдохновение для Толкиена было чем-то немыслимым.

Между прочим, точно так же он относился и к своим научным трудам. К примеру, в начале тридцатых он приступил к работе над переводом трёх поэм — «Перл»[115], «Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь» и «Сэр Орфео»[116], которые планировал опубликовать единым сборником. Этот проект был завершён лишь к началу шестидесятых — и издателю оставалось всего-навсего дождаться предисловия к книге, которую Толкиен обещал ему вот уже тридцать лет. Несколько редакторов, один за другим, уговаривали Толкиена написать хотя бы краткое введение и даже обращались к его друзьям, чтобы те его поторопили; но всё оказалось напрасно. В конечном счёте книга была опубликована лишь посмертно с предисловием Кристофера Толкиена.

Но с «Новым ‘Хоббитом’» всё складывалось иначе. Мысли Толкиена возвращались к нему вновь и вновь: отчасти его увлекала возможность взяться за что-то новое и свежее, но несомненно и то, что он просто не мог себе позволить отступить после того, как широкая публика приняла его первую книгу с таким восторгом. Кроме того, не следует забывать, что между Толкиеном и Льюисом возникло своего рода соперничество. В тот период они всё ещё оставались близкими друзьями; Чарльз Уильямс уже появился на сцене, но ещё не перебрался в Оксфорд

и не «вторгся» в их давнюю дружбу. «Инклинги» переживали самый плодотворный в своей истории период, и Льюис строчил книгу за книгой — и художественные произведения, и эссе, и трактаты… Кроме того, он писал статьи для газет и журналов, и в кругу общих знакомых именно Льюиса, а не Толкиена, считали восходящим светилом в мире литературы.

Но важнее всего было то, что Льюис работал очень быстро и, казалось, обладал неисчерпаемым запасом сил и творческих идей. Ещё до того, как вышло в свет первое издание «Хоббита», Льюис опубликовал два трактата («Кружной путь, или Возвращение паломника» и «Аллегория любви»), а в 1937 году всего за несколько месяцев написал «За пределы безмолвной планеты»[117]. Толкиена торопливость Льюиса раздражала. Сам он работал в совершенно иной манере — кропотливо и старательно; он просто не мог допустить, чтобы книга его увидела свет до того, как он проработает всё до последней мелочи.

Любопытно, однако, что примерно в это же время Толкиен и Льюис собирались написать книгу в соавторстве. Идея исходила от Льюиса, которому казалось, что таких книг, которые нравились бы им обоим, публикуется слишком мало, а потому следует хотя бы одну издать самим. Льюис взялся написать о путешествии в пространстве, а Толкиен — о путешествии во времени. В результате из-под пера Льюиса вышел роман «За пределы безмолвной планеты», но Толкиен отказался от задуманного, написав лишь четыре главы романа под названием «Утраченный путь» — об отце и сыне, возвращающихся во времени к падению Нуменора.

Не последнюю роль в рождении «новой книги о хоббитах» сыграло то восхищение, которое питал Льюис к своему другу. Он поддерживал и поощрял Толкиена, помогал ему советами и критическими замечаниями. Много лет спустя Толкиен заявил биографу Льюиса, Уолтеру Хуперу, что «Властелина колец» он написал, «чтобы сделать для Льюиса историю из ‘Сильмариллиона’»[118]. А в беседе с другим писателем он признался: «По-моему, ‘Властелина колец’ я никогда бы не дописал и не издал без поддержки К.С. Льюиса»[119].

Таким образом, Толкиен в тот период находился под влиянием самых разнородных побуждений. С одной стороны, он хотел написать продолжение «Хоббита». Он чувствовал себя обязанным справиться с этой задачей и надеялся на то, что новая книга принесёт большие деньги и позволит ему в конце концов сосредоточиться на литературных трудах. Но с другой стороны, он не мог отказаться от привычного подхода к работе. К счастью, всю свою грандиозную мифологическую систему Толкиен был

способен удерживать в голове, так что отрывочных заметок и набросков ему вполне хватало, чтобы не потерять нить повествования и не утратить стимул довести начатое до конца. За те двенадцать лет, в ходе которых «продолжение ‘Хоббита’» разрослось в самостоятельную полноценную книгу, работа не раз приостанавливалась на месяцы, а то и на годы. По мере того, как прояснялся общий замысел, Толкиен неоднократно возвращался к уже написанным главам, чтобы внести в них поправки. Несколько раз он и вовсе откладывал работу над книгой ради других, посторонних проектов. И тем не менее, «Властелин колец» рос и развивался, ибо автор его обладал исключительной способностью удерживать перед мысленным взором целостную картину поистине эпических масштабов.

Посвятив тщательной отделке «Долгожданного званого ужина» остаток рождественских каникул, в начале февраля 1938 года Толкиен переслал издателям машинописный экземпляр этой первой главы. В сопроводительном письме он посоветовал Стенли Анвину дать её на прочтение юному Рейнеру, который в своё время столь благожелательно отозвался о «Хоббите».

Начальная глава (как, впрочем и все первые полтораста страниц) «Властелина колец» очень похожа на какую-то дополнительную главу из «Хоббита». В своём окончательном варианте, вошедшем в книгу, она отличается от первоначальной версии лишь немногим. Существенные различия сводятся к тому, что персонаж, впоследствии получивший имя Фродо, поначалу был не племянником, а сыном Бильбо, и звали его ещё не Фродо, а Бинго (в честь игрушки, принадлежавшей детям Толкиена); о том же, какую роль сыграет в новой книге кольцо, найденное Бильбо в «Хоббите», Толкиен пока ещё имел лишь самое смутное представление.

Рейнер прочёл главу, и она его очаровала. Через несколько дней Стенли Анвин известил об этом Толкиена и попросил поторопиться с продолжением. На волне воодушевления Толкиен немедленно приступил к работе. За три недели он добрался до конца третьей главы, после чего взялся разрабатывать центральные темы книги.

В окончательном варианте эта третья глава стала четвёртой и получила название «Напрямик по грибы». В ней по-прежнему было много от «Хоббита», однако, по замыслу автора, на данном этапе книга начала приобретать принципиально иной тон. Поворотная в этом отношении глава «Тень прошлого» (глава 2 в окончательном варианте), в которой разъясняется предыстория кольца, была написана позднее, но уже к февралю-марту 1938 года кольцо заняло центральное место в сюжете. Толкиен пришёл

к выводу, что стержнем книги должно стать некое путешествие, связывающее воедино хоббитов, кольцо и Тёмного Властелина, Саурона (вскользь упоминавшегося в «Хоббите»).

Правда, в июне 1938 года работа застопорилась. Старый друг и коллега Толкиена, Эрик Гордон, внезапно скончался в возрасте пятидесяти двух лет, и Толкиен тяжело переживал эту потерю. Кроме того, подоспела очередная партия экзаменационных работ. И, в довершение всего, Толкиен запутался в сюжете и не мог понять, в каком направлении должна развиваться история кольца. Но отсрочка, по всей видимости, пошла на пользу, так как месяц спустя сюжетная структура книги прояснилась окончательно.

Толкиен понял, в чём должна заключаться основная идея: кольцо Бильбо некогда принадлежало Саурону (Некроманту из «Хоббита»), и теперь тот его разыскивает, а силы добра в Средиземье, объединившись, стремятся уничтожить кольцо, чтобы сорвать зловещие планы Саурона. В июле-августе 1938 года Толкиен изложил эту идею в одной из важнейших начальных глав — главе «Тень прошлого», в которой Гэндальф рассказывает Бильбо историю кольца.

В августе Толкиены всей семьёй отправились на каникулы в приморский городок Сидмут. Здесь в приливе творческого вдохновения Толкиен довёл хоббитов до «Гарцующего пони» и описал их встречу с Арагорном. Сделано было немало, но слишком многое всё ещё оставалось неясным. Толкиен наметил основную нить повествования и уже представлял себе, как будет развиваться и чем завершится вся история, однако проблема заключалась в том, что книга уже «переросла» детскую сказку, а до серьёзного романа для взрослых «не доросла». О последнем свидетельствуют даже некоторые имена и характеристики персонажей: Арагорн на том этапе был хоббитом по имени Trotter, т.е. Непоседа, а Фродо по-прежнему звался Бинго. Но несмотря на обилие деталей, роднящих её с «Хоббитом», по духу и настрою новая книга уже существенно от него отличалась. В ней уже были затронуты важные, возвышенные темы, и общая панорама неуклонно расширялась, приближаясь к эпическим масштабам.

На этом этапе перед Толкиеном открывалось несколько возможных путей. Проще всего, наверное, было бы вернуться в накатанную колею, к стилистике «Хоббита», — тем более что Стенли Анвин рассчитывал именно на такой поворот событий, да и сам Толкиен мечтал издать новую книгу как можно скорее. Летом 1938 года он жаловался Анвину на финансовые затруднения и объяснял, что держится на плаву только благодаря изнурительной работе над экзаменационными сочинениями. Он

прекрасно отдавал себе отчёт, что мог бы сбросить с себя это нелёгкое бремя, если бы пошёл на компромисс с самим собой и написал «развлекательную» книжку. Но он этого не сделал. Перед его мысленным взором уже забрезжила иная, величественная картина, и отвернуться от неё Толкиен уже не мог.

Той же осенью он изъял из книги все детали, приличествовавшие только «Новому ‘Хоббиту’», и отныне стал именовать свой новый роман «Властелином колец». Ответственность за судьбу кольца принял на себя Фродо: именно ему теперь предстояло сокрушить силу Саурона, проникнув в самое сердце Мордора и добровольно бросив кольцо в огненную Расселину Рока.

В последние месяцы 1938 года работа продвигалась быстро, но после Рождества Толкиен взялся за подготовку к лекции об Эндрю Лэнге, которую ему предстояло прочесть 8 марта 1939 года в университете Святого Андрея в Шотландии. Сказки Эндрю Лэнга в своё время оказали на Толкиена огромное влияние, и вполне естественно, что посвященную ему лекцию Толкиен решил назвать «О волшебных сказках».

Эта лекция позволила ему не только тщательно проанализировать столь близкую его сердцу литературную форму, но и точнее сформулировать для себя некоторые идеи, сыгравшие в работе над «Властелином колец» огромную роль. Волшебные сказки вырастают на тучной ниве культурной традиции и мифологии: каждая сказка — лишь сверкающая капля из безбрежного океана Истории и Легенды. Классический пример тому — «Хоббит», коротенькая история нескольких персонажей, вписанная во всеобъемлющий контекст грандиозного мифа. «Властелин колец» начинался как ещё одна коротенькая история — быть может, как повесть о новых приключениях Бильбо и гномов или каких-нибудь других обитателей Средиземья. Но довольно быстро Толкиен осознал, что Средиземье гораздо масштабней того мирка, что открылся читателям «Хоббита». Средиземье — это целый огромный мир со своей историей и географией: кроме Сумрачного леса и Туманных гор, в нём немало других удивительных мест, волшебных и странных. Более того, мифология, история и география, в рамках которых разворачивалось действие «Хоббита», были, в общем-то, уже готовы: «Сильмариллион» уже существовал. И когда Толкиен понял, что масштабная и величественная панорама, на которую он мог бы опираться в своём повествовании, у него уже есть, он пришёл к выводу, что во «Властелине колец» он вовсе не обязан ограничиваться горсткой скромных персонажей, подобных героям «Хоббита». К его услугам — целый мир во всём его многообразии!

К сентябрю 1939 года хоббиты добрались до Ривенделла, а в Оксфорде тем временем начались большие перемены. 3 сентября была объявлена война. Гражданам раздавали противогазы и строгие инструкции насчёт светомаскировки; дома обкладывали мешками с песком; алюминиевые ванны и сковородки сдавали на переплавку. Подвалы и туннели, прорытые в центре города ещё в средние века, переоборудовали в бомбоубежища (в одном из самых глубоких подвалов под новым зданием Бодлианской библиотеки во время воздушного налёта могло укрыться до 1100 человек). В здании Экзаминейшн-Скулз разместили военный госпиталь, а в крикетном павильоне Джизус-Колледжа устроили временный детский сад. По всему городу, как и по всей стране, появились плакаты с обычными для военного времени лозунгами, призывавшими к экономии и бдительности. Автомобильный завод Каули перешёл на производство танков и самолётов.

Однако Толкиен, затворившись в своём кабинете, усилием воли отгораживался от невесёлой действительности и погружался в воображаемый мир Средиземья. Здесь опасностей тоже было невпроворот, но с ними Толкиен чувствовал себя уютнее. Бумаги, правда, не хватало, но можно было писать на оборотных сторонах старых экзаменационных работ. Почерк у Толкиена, к счастью, был убористый.

И всё же работа неизбежно затормозилась. Студентов в университете осталось немного, но зато прибавилось других забот. Толкиен чувствовал себя обязанным вносить посильный вклад в оборону. Война тревожила его до глубины души. Как и большинство его друзей, он считал её совершенно бессмысленной тратой времени, сил и человеческих жизней. Неужели люди так и не усвоили урок первой мировой?

Вне всяких сомнений, Толкиен был патриотом и любил свою страну. Однако «британцем» он себя не считал — он определял себя как «англичанина». Предки его приехали в Англию из Центральной Европы за двести лет до его появления на свет, но идеалов Британской империи и, тем более, Британского Содружества Наций Толкиен не принимал и не одобрял. Он чувствовал свою причастность к более древней традиции, восходящей к самым истокам английской культуры. И не удивительно, что Гитлер, этот «чёртов неуч», вызывал у него отвращение: Толкиена глубоко возмущало, что такое ничтожество смогло совратить великий германский народ[120].

Этот прискорбный факт Толкиен осознал ещё до начала войны. Летом 1938 г. сотрудники «Джорд Аллен энд Анвин» переслали ему письмо из немецкого издательского дома «Рюттен & Лойнинг», желавшего приобрести права на публикацию

«Хоббита». В письме спрашивалось, арийского ли происхождения автор книги.

Толкиен пришёл в ярость: он понял, что на самом деле немецкие издатели хотят удостовериться, что он не еврей. Однако он сознавал и то, что сотрудники «Рюттен & Лойнинг» всего лишь выполняют то, к чему обязывают их государственные предписания. По совету Стенли Анвина, Толкиен написал два письма и предоставил работникам «Джордж Аллен энд Анвин» выбрать подходящий вариант. Оба варианта были исполнены праведного негодования, хотя один, очевидно, содержал более мягкие формулировки. Его-то Стенли Анвин и переслал в Германию. Немцы проигнорировали оскорбление и подтвердили запрос на право перевести и издать «Хоббита»[121].

С началом войны работа над новой книгой замедлилась настолько, что к концу 1940 года Толкиен добрался лишь до середины будущей книги II. Братство эльфов, хоббитов, людей и гномов обнаружило могилу Балина, после чего работа прервалась почти на год.

Причины этой затянувшейся паузы нам неизвестны. Но известно, что в январе 1941 года Майкл Толкиен был госпитализирован с тяжёлым ранением, а сам Толкиен вынужден был посвящать университетским делам больше времени, чем обычно. И тем не менее, интерес к книге не угасал, и в конце 1941 года Толкиен к ней вернулся.

Совершенно очевидно, что в период работы над первой половиной «Властелина колец» Толкиен временами переставал понимать, куда ведёт его повествование. Ни Лотлориена, ни Рохана ещё не существовало, а Древобрад был отрицательным персонажем (именно он держал в заточении Гэндальфа, а о Сарумане тогда ещё не было и речи).

Ещё через год Толкиен дошёл до 31-й главы (в окончательном варианте — 9-я глава книги III). На этом этапе, в декабре 1942 года, он полагал, что до конца книги осталось всего шесть глав. Но весной следующего года, попытавшись направить ход повествования к финалу и разобраться со всеми второстепенными темами, он начал понимать, что просчитался. В результате дело опять застопорилось.

Вплоть до этого момента Толкиен во многом опирался на предания из «Сильмариллиона». Первая половина «Властелина колец» изобилует отсылками к минувшим Эпохам, в песнях и стихах, вложенных в уста персонажей, содержатся намёки на многие события «Сильмариллиона», и всё это в целом придаёт книге поразительную насыщенность и глубину. Так, в главе 11, «Кинжал во тьме», Арагорн вспоминает предание о Берене и

Лутиэн, а позднее Бильбо в Ривенделле поёт песню об Эарендиле, основанную на стихотворении, которое Толкиен написал двадцатью годами ранее (и в котором Эарендил ещё именовался Эарендилем). Но чем глубже Толкиен погружался в «Сильмариллион» в поисках новых сокровищ, тем больше он находил и тем яснее становились взаимосвязи между отдельными эпизодами и персонажами.

По мере того, как перед Толкиеном неторопливо разворачивалась история кольца, одна за другой возникали побочные сюжетные линии и целые темы. Игнорировать их было невозможно, и вместо того, чтобы развивать основной сюжет, Толкиен волей-неволей обратился к разработке второстепенных ходов и линий. Широко разлившись, река повествования замедлила свой ход и разделилась на множество рукавов, ручьёв и речушек.

Разумеется, такой поворот событий обещал принести столь же богатые плоды, как и пауза 1938 года, после которой окончательно оформился основной замысел книги. Однако напряжение нарастало, и Толкиену, должно быть, начинало казаться, что он зашёл в тупик окончательно. С одной стороны, он нежно привязался к этой новой книге: она была сродни его любимому «Сильмариллиону» и уже соперничала с ним за первое место в сердце автора. Но с другой стороны, время не стояло на месте. Анвин уже потерял всякую надежду на продолжение «Хоббита». Правда, Толкиен пытался подбодрить его, уверяя в письмах, что конец «Нового ‘Хоббита’» уже не за горами. Но памятуя о том, как фанатично Толкиен стремится к совершенству в своих литературных трудах, издатели уже практически смирились с тем, что новой книги о хоббитах им не дождаться. В 1942 году ситуация усугубилась тем, что склад, на котором хранился тираж «Хоббита», был разрушен при воздушном налёте[122]. Толкиен огорчился не меньше издателей и принял это несчастье близко к сердцу; но делать было нечего — оставалось только работать дальше.

Самым тяжёлым периодом в истории работы над книгой стали для Толкиена осень и зима 1943 года. Он совсем перестал писать и никак не мог заставить себя снова взяться за дело. Он так запутался в мелочах, что потерял из виду главное. В какую же сторону развернуть ход повествования? Как довести всех персонажей до приемлемой развязки?

Истинную причину своих затруднений Толкиен не осознавал. Но если бы он хоть ненадолго перестал анализировать всё, что делает, то пришёл бы к выводу, что одержимость деталями и стремление к безупречной точности во всех мелочах были для

него вовсе не помехой, а, напротив, методом работы. Ведь именно этим особым даром во многом объясняется уникальность художественного мира, предстающего перед нами на страницах «Властелина колец» и «Сильмариллиона». Именно благодаря тому, что Толкиен стремился разработать каждую грань повествования во всей её полноте и расцветить фон основного сюжета всем богатством красок, книги, вышедшие из-под его пера, далеко превосходят большинство других произведений, написанных позднее в том же жанре. Но с другой стороны, этот же дар доставлял ему немало мучений. Не всегда отдавая себе в этом отчёт, Толкиен мало-помалу терял ориентацию: сложность многопланового сюжета начинала его угнетать, и ему всё труднее становилось удерживать перед мысленным взором целостную картину. Осознать это и освободиться было нелегко — но, как это часто бывает, на помощь пришло совершенно постороннее и, на первый взгляд, незначительное событие из обычной, повседневной жизни.

Соседка Толкиенов по Нортмур-роуд, пожилая леди Агнью, как-то пожаловалась Толкиену на тополь, росший у её дома. Она опасалась, что дерево может рухнуть ей на крышу, если поднимется сильный ветер. Толкиен, всегда любивший деревья, счёл её страхи нелепыми и попытался убедить леди Агнью, что дерево устоит, — скорее уж сам дом снесёт бурей! Той же ночью ему приснился сон об этом дереве, а при пробуждении у него уже была готова сказка. Казалось, сказка «сочинилась сама», и он тотчас же записал её.

Так родился знаменитый «Лист работы Ниггля»[123] — удивительно точная аллегория того затруднительного положения, в котором оказался сам Толкиен. Главный герой сказки, художник Ниггль, стремится до мельчайших деталей проработать картину, над которой трудится вот уже много лет. Он понимает, что жизнь его подходит к концу, но всё равно постоянно на что-то отвлекается и не может сосредоточиться на работе. В конце концов Ниггль умирает, так и не дописав своей картины, но, попав в загробный мир, обнаруживает, что картина его закончена и ждёт его.

Эту изящную и трогательную сказку домашние Толкиена полюбили больше всего, и Присцилла Толкиен впоследствии утверждала, что история эта, вне всяких сомнений, автобиографична. «Лист работы Ниггля» помог Толкиену освободиться от тяготивших его опасений, но прежде, чем он отважился вернуться к «Властелину колец», прошло ещё около года. Работа продвигалась медленно и тяжело: приходилось вести параллельно три сюжетных линии, и в письме к сыну Кристоферу,

который в то время проходил обучение на базе ВВС в Стэндертоне (Трансвааль), Толкиен признавался, что каждая страница даётся ему с огромным трудом и снова настроиться на повествование очень и очень непросто.

К июлю 1944 года Толкиен добрался до конца книги IV — до конца будущего второго тома, получившего затем название «Две твердыни». Фродо попал в плен к оркам, Мерри и Пиппин готовились к великим битвам, а Гэндальф и Арагорн — к свершению своих великих судеб. Однако до финала всё ещё было далеко. А затем, осенью 1944 года, в работе снова наступил перерыв. На сей раз Толкиен просто выбился из сил.

Перерыв этот затянулся на год с небольшим, оказавшись самым долгим за всё время работы над книгой. 9 мая 1945 года завершилась война в Европе. Кристофер Толкиен вернулся из Южной Африки и продолжил учёбу в университете. Наставником его на некоторое время стал Льюис, к осени того же года предложивший юноше вступить в клуб «Инклингов» (как заметил Толкиен, «независимо от того, состою в нём я или нет»)[124]. Кристофер интересовался произведениями своего отца с юных лет и впоследствии стал его литературным агентом и редактором; кроме того, он был превосходным чтецом, и К.С. Льюис заявил, что «Хоббита» и «Властелина колец» Кристофер способен прочесть лучше автора.

Летом того же года Толкиен стал профессором английского языка и литературы в Мёртон-Колледже, где обстановка, к немалому его удовольствию, оказалась не столь церемонной и чопорной, как в Пембруке. Получив небольшую прибавку к жалованью, Толкиен вздохнул свободнее и вскоре подал заявку на аренду одного из домов, принадлежавшего колледжу. Но подходящее жильё освободилось только в марте 1947 года.

Все сыновья Толкиена к тому времени покинули родительский кров: Джон служил священником в одном из центральных графств, Майкл женился и обзавёлся сыном, а Кристофер проводил большую часть времени в стенах университета. Таким образом, дом №20 по Нортмур-роуд было решено продать, и Толкиены перебрались в дом № 3 на Мэнор-роуд. Однако новое жилище оказалось далеко не идеальным: это была уродливая кирпичная постройка, тесная и неуютная. Толкиен лишился просторного кабинета и вынужден был обходиться крошечной комнатушкой в мансарде.

За эти два года, минувшие с окончания войны, работа над книгой мало-помалу продвигалась, и летом 1947 года Толкиен счёл, что уже может показать часть романа своему любимому критику — Рейнеру Анвину, который к тому времени уже стал

студентом Оксфорда.

28 июля Толкиен встретился со Стенли Анвином за ланчем в Лондоне и вручил ему книгу I «Властелина колец». Рейнер прочитал её за несколько дней и счёл весьма увлекательной. В отзыве он отметил, что книга довольно странная, совершенно непохожа на «Хоббита» и едва ли подойдёт детям. Однако, предположил он, те взрослые читатели, которые преодолеют в себе недоверие к книгам такого сорта, найдут в ней немало достоинств. Так или иначе, публиковать книгу стоило, и в этом он не сомневался.

Такой отклик Толкиена очень обрадовал, и всё же довести книгу до конца он не спешил. Сюжет был доработан, оставалось только «подобрать хвосты», — но Толкиен просто не в силах был подвести черту под эпическим повествованием, которому он посвятил вот уже десять лет. Подобно тому, как прежде он бесконечно раздумывал над мельчайшими деталями «Сильмариллиона», не позволяя себе признать, что книга окончена, так и сейчас он погрузился с головой в мир Средиземья и настолько сжился с этой иной реальностью, что никак не мог подвести персонажей к последней странице — и даже к последней главе.

Книга была дописана в конце 1947 года, но ещё целых два года Толкиен перерабатывал и переписывал целые эпизоды и главы. Он сделал ряд пояснительных вставок и подобрал все «хвосты». И наконец, осенью 1949 года, он заставил себя поставить точку. Он перепечатал всю эпопею набело. Наконец-то «Властелина колец» можно было представить на суд читателей. И первым, кому Толкиен отважился вручить готовую книгу, стал его старый друг — К.С. Льюис.

Глава 11. Долгий путь к читателю

Разумеется, большую часть «Властелина колец» Льюис уже выслушал в отрывках на собраниях «Инклингов». Но только теперь книга Толкиена предстала перед ним во всей полноте и целостности, единой грандиозной панорамой. Прочитав её от начала и до конца, Льюис откликнулся письмом, полным восторженных похвал. Он бы мог указать на изъяны, но все критические замечания он высказал раньше — за пивом в «Птичке с младенцем» или у камина в его комнатах в Модлин-Колледже, — и, вдобавок, великолепие законченной книги затмевало, по мнению Льюиса, все недочёты.

Дочитав книгу, Льюис тотчас же передал её своему брату, Уорни. Тот читал её три недели, а потом записал в дневнике: «Чёрт возьми, какая книга! Какой поразительный человек: у него просто неисчерпаемая фантазия! Книга в своём роде великая»[125].

Итак, труд был окончен. Что же дальше? А дальше начались всевозможные недоразумения, и прежде чем книга, готовая к редактуре уже осенью 1949 года, наконец увидела свет, прошло, как ни странно, ещё целых пять лет.

Завершив «Властелина колец», Толкиен решил опубликовать его вместе с «Сильмариллионом». Он справедливо полагал, что две эти книги тесно связаны между собой, и был убеждён, что они должны выйти в свет в одном издательстве и если не одновременно, то, по крайней мере, сразу же друг за другом. Кроме того, он не хотел делить «Властелина колец» на части и боялся препоручить его редакторам, понимая, что книга слишком глубоко вросла в контекст всей мифологической системы. Как сказал он сам Стенли Анвину, «эта книга написана кровью моей жизни…»[126].

В довершение всего, Толкиен перестал доверять своему издателю — главным образом потому, что ему казалось, будто сэра Стенли Анвина (в рыцарское достоинство его возвели в 1946 году) «Сильмариллион» на самом деле не интересует. Толкиен вот уже несколько раз предлагал ему эту книгу, и хотя прямого отказа не получил, всё же счёл, что его великий труд не принимают всерьёз.

В действительности же разобраться в «Сильмариллионе» у Анвина просто не было случая. Ещё в 1937 году Толкиен представил ему на рецензию «Квента Сильмариллион», и штатный рецензент издательства тщательно изучил, но, по существу, так и не понял эту рукопись. За истекшее десятилетие

Толкиен внёс в «Сильмариллион» немало изменений и улучшений, но ни разу даже не намекнул Анвину, что книга эта ещё не окончена и нуждается в существенной переработке. Но что ещё важнее, Толкиен не разъяснил Анвину как следует, над чем именно он работает. Давно уже расставшись с планами получить продолжение «Хоббита» к концу войны, Анвин теперь мог только надеяться, что в один прекрасный день Толкиен осчастливит его новой замечательной книгой. В 1947 году Рейнер Анвин ознакомился с частью «Властелина колец» и отозвался о ней с восхищением. Так что Стенли Анвину оставалось лишь недоумевать, почему Толкиен всё время навязывает ему другую книгу — этот странный «Сильмариллион»? С точки зрения делового человека, каковым был глава издательства «Джордж Аллен энд Анвин», в первую очередь следовало сосредоточиться на «Властелине колец» (если тот и впрямь был так хорош, как утверждал Рейнер), а прочие проекты оставить на потом.

Но Толкиен, разумеется, смотрел на вещи иначе. Для него «Сильмариллион» и «Властелин колец» были единой книгой, единым и неразрывным целым, и он полагал, что редактор или издатель, с которым он будет работать, обязан это понимать. Вдобавок, к началу 1950 года Толкиен внушил себе, что «Джордж Аллен энд Анвин» не выполняют свои обязательства так, как следовало бы. И на то было две причины.

Во-первых, Толкиена глубоко разочаровало послевоенное издание «Хоббита», вышедшее без цветных иллюстраций, которые так украсили второе издание 1938 года. В связи с послевоенными трудностями лондонскому издательству цветные картинки оказались не по карману, но Толкиен не пожелал принять этого во внимание. С его точки зрения, оправданием это служить не могло.

Вторая причина для обиды была серьёзней. Ещё в 1938 году, когда «Аллен энд Анвин» срочно требовали от него продолжения к «Хоббиту», Толкиен показал им сказку «Фермер Джайлс из Хэма». С «Хоббитом» она не имела ничего общего, но в остальном была прелестна. Действие её происходило в «Маленьком королевстве», как Толкиен называл Оксфордшир и Букингемшир — графства в самом сердце Англии. «Аллен энд Анвин» приняли книгу к публикации, но затем началась война и возникли проблемы с бумагой. В конечном счёте «Фермера Джайлса из Хэма» издали только в 1949-м, и это долгожданное событие обернулось разочарованием. Памятуя об успехе «Хоббита», издатели выпустили «Фермера Джайлса» пятитысячным тиражом, но к весне 1950 г. удалось распродать лишь две тысячи экземпляров, и Стенли Анвин вынужден был признаться

Толкиену, что книга расходится не так быстро, как хотелось бы.

Толкиен счёл, что в этом виноваты сами издатели, не выпустившие «Фермера Джайлса» в срок и поскупившиеся на рекламу[127]. Отчасти он был прав, но нельзя отрицать и то, что сказка эта, при всём своём очаровании, прославилась только после издания «Властелина колец», когда Толкиен для многих стал кумиром.

Впрочем, всеми этими обидами Толкиен мог бы пренебречь, если бы в тот же период он не познакомился с другим издателем, проявившим — в отличие от «Анвин энд Аллен» — интерес ко всем материалам Толкиена. Этот молодой человек, Мильтон Уолдмен, работавший в лондонском издательском доме «Коллинз», услышал о Толкиене от одного из «Инклингов», Джирвейса Мэтью, который восхищался толкиеновской эпопеей и мечтал увидеть её опубликованной. Сообразив, что речь идёт о продолжении «Хоббита», Уолдмен немедленно связался с Толкиеном и выразил желание познакомиться с его рукописью.

Но вместо «Властелина колец» Толкиен переслал ему «Сильмариллион». Он решил подвергнуть Уолдмена испытанию, рассудив, что представит этому издателю «Властелина колец» только при условии, что тот заинтересуется «Сильмариллионом». Потрясённый красотой «Сильмариллиона», Уолдмен пообещал Толкиену, что попытается убедить издательство опубликовать эту книгу. Толкиен остался доволен и отправил ему обещанную эпопею.

Прочитав «Властелина колец», Уолдмен понял, что и впрямь наткнулся на золотую жилу. Книги Толкиена вызвали у него неподдельное восхищение, — однако истинные планы его заключались в ином. Сам Уолдмен и директор издательства, Уильям Коллинз, в действительности хотели получить права на «Хоббита» — книгу, успех которой был гарантирован. Чтобы убедить Толкиена расстаться с «Аллен энд Анвин», Мильтон Уолдмен сказал ему, что «Коллинз» не только готовит книги к печати, но и торгует канцелярскими принадлежностями и имеет свою типографию. Следовательно, проблем с бумагой у них нет, и выпустить книги такого объёма, как «Властелин колец» и «Сильмариллион», им будет не в пример проще, чем «Аллен энд Анвин».

Толкиена это вполне устраивало. Согласно договору на «Хоббита», он обязан был предоставить своим прежним издателям два месяца на публикацию продолжения, но от «Сильмариллиона» они отказались, а приняв «Фермера Джайлса из Хэма», окончательно освободили его от этого юридического обязательства. Однако он всё ещё чувствовал определённые

моральные обязательства и перед сэром Стенли, которого считал своим другом, и перед Рейнером Анвином, который неизменно поддерживал его на протяжении многих лет. В результате Толкиен решил не рвать с ними отношения, а добиться того, чтобы Анвин сам отказался от «Властелина колец».

Он написал Анвину, что его новая книга вышла из-под контроля. Вместе с «Сильмариллионом», добавил он, она превысила по объёму миллион слов, и едва ли такой исполинский монстр способен кого-то заинтересовать. Анвин осведомился, нельзя ли разделить книгу на несколько томов, но Толкиен наотрез отказал.

Он ещё не понимал, что своими отговорками лишь подогревает интерес Анвина к своей новой книге. В письме к Уолдмену он сообщил, что вот-вот отделается от прежних издателей, даже не показав им рукопись.

Однако он упустил из виду, что несколько лет назад Рейнер Анвин уже прочёл часть «Властелина колец» и понял, какой огромный потенциал таит в себе эта книга. Рейнер написал отцу, что «Властелин колец» — вполне самостоятельное произведение, не нуждающееся ни в каких дополнительных томах, а если автор пожелает, материалы из «Сильмариллиона» можно просто включить в него, с чем способен справиться любой компетентный редактор. Таким образом, «Властелина колец» можно будет издать, не откладывая. Что же до «Сильмариллиона», то, быть может, Толкиена со временем удастся отговорить от этой затеи.

Рейнер не предполагал, что это письмо когда-нибудь попадёт Толкиену на глаза, но сэр Стенли опрометчиво переслал его в Оксфорд. Разумеется, Толкиен пришёл в ярость и испортил несколько черновиков, пока не облёк своё негодование в приемлемую форму. Он предъявил Анвину ультиматум: либо они печатают обе книги сразу, либо ни одной.

Анвину ничего не оставалось, как ответить отказом. В ответном письме он выразил глубокое сожаление по поводу того, что им так и не удалось найти общий язык, и добавил, что если бы Толкиен дал ему время ознакомиться с рукописью, они смогли бы прийти к обоюдно выгодному соглашению. Но теперь это было невозможно. Толкиен стремился избавиться от обязательств перед «Аллен энд Анвин», чтобы принять заманчивое предложение Уолдмена; Анвин же категорически отвергал «Сильмариллион».

Распрощавшись с Анвином, Толкиен отправился на переговоры с Мильтоном Уолдменом и Уильямом Коллинзом. Но дело тотчас же осложнилось, как только он известил Уолдмена, что в окончательном варианте объём «Сильмариллиона» и

«Властелина колец» перевалит за миллион слов. Уолдмена это весьма удивило. Ведь во «Властелине колец» насчитывалось около полумиллиона слов, тогда как в «Сильмариллионе» — лишь около ста двадцати пяти тысяч. На это Толкиен заявил, что «Сильмариллион» ещё далеко не окончен и на подготовку его к публикации — то есть на добавление «недостающих материалов» — уйдёт ещё масса времени и сил. Для Уолдмена это оказалось весьма неприятным сюрпризом: он как раз собирался сказать Толкиену, что и «Властелина колец» следовало бы значительно сократить!

Услышав это, Толкиен, в свою очередь, испытал потрясение. Он-то думал, что нашёл чуткого издателя, способного оценить его мифологию по достоинству и понять, что всякое ограничение в объёме наносит ей серьёзный ущерб. Но на компромисс он не пошёл. Напротив, он переслал в лондонский офис «Коллинз» несколько новых глав «Сильмариллиона», не объяснив вдобавок, какое отношение они имеют к остальному тексту.

Не исключено, что даже на этом этапе новый проект всё ещё можно было спасти. Но летом 1950-го Уолдмен уехал в Италию, где пробыл почти до конца года, а прочие сотрудники «Коллинз» не были осведомлены о ходе переговоров и понятия не имели, что делать со странными рукописями профессора Толкиена. Уолдмен должен был вернуться в Англию осенью, но задержался в Италии из-за болезни.

В результате договориться с «Коллинз» Толкиену так и не удалось. Уолдмен пытался поддерживать с ним переписку и был вознаграждён за это пространным и подробным обзором всей толкиеновской мифологии, который, по мнению автора, должен был прояснить все тёмные места в неоконченных рукописях и наглядно продемонстрировать, что «Властелин колец» связан с «Сильмариллионом» неразрывными узами.

Но всё оказалось напрасно, и к началу 1952 года Толкиен начал терять надежду. В прошлом году он посвятил много времени университетским обязанностям и очередному переезду: семья перебралась с Мэнор-роуд в центральный район Оксфорда, в дом №99 по Холиуэлл-стрит. Обосновавшись на новом месте, Толкиен сразу же вернулся мыслями к своим книгам, но Уолдмен и Коллинз к тому времени утратили к нему интерес. Более того, в 1951 году резко взлетели цены на бумагу, и публикация мифологии Средиземья, казавшаяся рискованным предприятием даже двумя годами ранее, теперь превратилась в настоящую авантюру. В расстроенных чувствах Толкиен решил поставить «Коллинз» перед таким же ультиматумом, какой в своё время он предъявил Стенли Анвину: либо они принимают его книги

такими, как они есть, либо он забирает рукописи.

Через несколько дней рукописи снова легли на его письменный стол. Впервые с конца тридцатых годов Толкиен лишился всякой опоры на издателей. И он понял, что настало время переоценить ситуацию и взглянуть на вещи по-новому. Несколько месяцев назад ему исполнилось шестьдесят, а за последние три года «Властелин колец» не приблизился к публикации ни на шаг. Должно быть, в этот момент Толкиен снова обратился мыслями к другому своему созданию — к художнику Нигглю, которому довелось увидеть свою работу завершённой только в мире ином. Он осознал, что нужно действовать немедленно — иначе его мифология так и останется неопубликованной. Нужно смириться и удовольствоваться малым — до поры до времени.

В июне Толкиен написал Рейнеру Анвину, что вконец запутался со своей книгой, и осведомился, не утратили ли они с отцом интерес к этому проекту. Рейнер Анвин тотчас же предложил встретиться. В сентябре он нанёс Толкиену визит и взял рукопись «Властелина колец».

На публикации «Сильмариллиона» Толкиен больше не настаивал; более того, он согласился разделить «Властелина колец» на три тома с тем, чтобы они были изданы в течение года. Но Рейнер всё ещё колебался. В том, что книга достойна увидеть свет, сомнений у него не было, однако в её коммерческий успех он не верил. Правда, «Хоббит» всё ещё продавался, но первая волна интереса к хоббитам спала, и Рейнер полагал, что такая сложная, детально проработанная и толстая книга, как «Властелин колец», привлечёт лишь очень и очень немногих.

К тому времени Рейнер уже работал в отцовской фирме, и принять решение насчёт «Властелина колец» ему предстояло самостоятельно, так как сэр Стенли находился тогда в Японии. Но, подсчитав возможные убытки, он так обеспокоился, что счёл нужным обратиться к отцу за советом и сообщил ему в телеграмме, что издательство может потерять на этой книге до тысячи фунтов, но зато повысить свой престиж в литературном мире. Стенли Анвин пришёл к выводу, что игра стоит свеч, но было решено заключить с Толкиеном контракт с участием в прибылях, по которому автор не получал ни аванса, ни авторских отчислений с продаж. «Аллен энд Анвин» брали на себя покрытие расходов на производство, распространение и рекламу, а весь доход обязались разделить с автором поровну.

Толкиен согласился не раздумывая. К этому времени он уже смирился с мыслью, что литературная деятельность не принесёт ему больших денег, и теперь ему хотелось только одного —

увидеть свою книгу напечатанной.

1953-й год принёс Толкиену много хлопот. Оказалось, что в доме на Холиуэлл-стрит — красивом старинном особнячке — жить почти невозможно, хотя до Мёртон-Колледжа, до автобусной остановки и крытого рынка близ Карфакса от него было всего минут пять ходьбы. Все эти достоинства сводил на нет чудовищный шум машин под окнами. Толкиен ненавидел машины всеми фибрами своей души, но на Нормур-роуд они досаждали ему редко, а по Холиуэлл-стрит автомобили и грузовики носились круглые сутки.

Спасаясь от этой напасти, Толкиены перебрались в Хедингтон. В наши дни Хедингтон вошёл в городскую черту, но тогда это был тихий пригород к востоку от Оксфорда. Толкиены поселились в доме №76 на спокойной и уютной улочке Сэндфилд-роуд. Однако позже выяснилось, что они просчитались: в пятидесятые годы Хедингтон вступил в полосу бурного развития и вскоре превратился в обычный городской район.

Уладив дела с переездом — третьим за последние шесть лет, — Толкиен приступил к окончательной редактуре «Властелина колец» и вычитке гранок. Он по-прежнему утверждал, что провести разделительную черту в системе его мифологии можно лишь между «Властелином колец» и «Сильмариллионом», но, тем не менее, пошёл навстречу Рейнеру Анвину и расчленил роман на три тома. Это повлекло за собой новые проблемы — встал вопрос о заглавиях для каждого тома. После долгих дебатов было решено назвать первый том «Братство Кольца», второй — «Две твердыни», а третий — «Возвращение короля», хотя против последнего названия Толкиен долго возражал, предпочитая вариант «Война Кольца»[128].

Толкиен по-прежнему работал в университете, и нагрузка в этот период стала почти невыносимой. Рейнер не просил сократить текст, но, по своему обыкновению, Толкиен бесконечно возвращался к рукописи, внося всё новые и новые поправки. Кроме того, ему предстояло написать систему приложений, включающих необходимые материалы из «Сильмариллиона», а также начертить генеалогические деревья, хронологические таблицы и карты.

Первый том «Властелина колец» планировали выпустить летом 1954 года, и, после долгих уговоров и просьб, в апреле 1953 года Толкиен представил в издательство окончательный вариант рукописи. К октябрю издатели стали торопить его с картами, но в это время на Толкиена навалились новые заботы: начался учебный год, и, кроме того, Толкиен уже взялся за редактуру второго тома. К счастью, на помощь пришёл

Кристофер: он разобрался в путаных черновых схемах, которые его отец набросал в спешке много лет тому назад, и начертил обе карты, которые предполагалось включить в первый том. К концу года Толкиен выкроил немного времени и подготовил наброски для оформления обложки. На основе этих эскизов сотрудники «Аллен энд Анвин» разработали иллюстрацию, до сих пор украшающую обложки некоторых изданий: Единое Кольцо на оливково-сером фоне, окружённое огненными буквами начертанной на нём надписи и увенчанное красным кольцом Нарья.

Наконец, всё было готово. «Аллен энд Анвин», по-прежнему сомневаясь в коммерческом успехе книги, выпустили первый том тиражом всего 3500 экземпляров и установили цену в двадцать один шиллинг за экземпляр. Написать рекламные тексты на обложке поручили трём известным писателям: К.С. Льюису и двум страстным поклонникам «Хоббита» — Наоми Митчисон и Ричарду Хьюзу.

Вот какую аннотацию представил Льюис: «Не побоимся заявить, что подобной книги свет ещё не видел. Быть может, Ариосто ещё мог бы (хотя и не смог!) сравниться с ней в изобретательности, но до такой героической серьёзности ему было очень далеко»[129].

В августе 1954 года «Братство Кольца» наконец появилось на прилавках книжных магазинов.

Глава 12. Мир Средиземья

> «*Эта книга — как гром среди ясного неба. Сказать, что героическая романтика во всём своём великолепии и беззастенчивом витийстве внезапно вернулась с нею в наш век с его почти патологическим неприятием романтизма, — значит ничего не сказать. <…> Книги, являющей столь же яркий образец того, что автор её называет ‘сотворчеством’, не найдётся, пожалуй, во всей мировой литературе. Прямые обязательства (об обязательствах более тонкого характера речь не идёт) перед реальным миром, которые вынужден чтить всякий писатель, здесь сознательно сведены к минимуму. Не довольствуясь сотворением сюжета как такового, автор до дерзости щедро созидает для его развития целый мир со своей теологией и мифологией, географией, историей и палеографией, языками и расами, — мир, полный удивительных существ, которым несть числа… Чего стоят одни только имена, то воскрешающие в памяти тихие сельские уголки (Майкл-Делвинг, Южный Фартинг), то царственно великолепные (Боромир, Фарамир, Элендил), то мерзкие, как Смеагол, он же Голлум, то опаляющие грозным дыханием зла — «Барад-Дур», «Горгорот»; в самых же прекрасных — «Лотлориен», «Гилтониэль», «Галадриэль», — воплотилась та возвышенная, пронзительная эльфийская красота, передать которую в прозе с такой ясностью не удавалось ещё никому <…> красота эта пронзает мечом и обжигает холодным железом; книга эта разбивает сердце*»[130].

Это — одна из первых рецензий на «Властелина колец», и написал её не кто иной, как старый друг Толкиена, всё тот же К.С. Льюис, который в частных беседах позволял себе ещё более щедрые похвалы, утверждая, например, что во «Властелине колец» лишних слов ровно столько же, сколько в Библии, — то есть ни одного.

И вскоре рецензии посыпались одна за другой. Льюис не остался в одиночестве: шедевром книгу Толкиена сочли и многие другие критики. Обозреватель из «Манчестер гардиан» объявил Толкиена «одним из тех прирождённых рассказчиков, которые умеют заставить своих читателей спрашивать ‘а дальше?’ с таким же наивным любопытством, как спрашивают малые дети»[131]. А

Говард Спринг, обозреватель журнала «Сельская жизнь», восторженно восклицал: «Это — произведение искусства! <…> Воплощённая фантазия, воображение, изобретательность… Это притча с глубоким смыслом, повествующая о вечной борьбе человека со злом»[132]. Положительный отзыв А.Э. Черримена появился на страницах «Трут»: «Это удивительное произведение. Это вклад не только в мировую литературу, но и в мировую историю»[133]. А обозреватель «Оксфорд таймс» дальновидно заметил: «Человек строгий и практичный не найдёт времени на эту книгу. Но людей, чьё воображение готово вспыхнуть от малейшей искры, она захватит полностью. Они с готовностью станут участниками этого похода, столь богатого событиями, и будут сожалеть лишь о том, что впереди их ожидает всего два тома»[134].

К числу поклонников Толкиена примкнул и Бернард Левин из «Трут», который счёл «Властелина колец» «одним из самых выдающихся произведений нашего времени, а быть может, и всех времён. Какое утешение в наши беспокойные дни ещё раз увериться в том, что кроткие наследуют землю!»[135].

Но далеко не на всех роман произвёл столь же благоприятное впечатление. Питер Грин на страницах «Дейли телеграф» назвал его «нескладным» и «чем-то средним между прерафаэлитами и ‘Газетой для мальчика’[136]»[137], а обозреватель «Санди таймс» задался вопросом, не писалась ли эта книжка единственно и исключительно «для вундеркиндов». Но самой серьёзной критике «Властелина колец» подверг Эдвин Мьюир, заявивший в «Обзервере», что книга, вне сомнения, «примечательна», но не имеет оправдания то, что у Толкиена «…хорошие персонажи неизменно добры, а плохие — неисправимо злы; и в мире его не остаётся места для фигуры злого и, в то же время, трагичного Сатаны»[138].

В октябре того же года «Братство Кольца» было опубликовано в США, где на фоне таких же пёстрых и обрывочных рецензий ярко выделился голос признанного литературного титана — У.Х. Одена, выступившего на страницах «Нью-Йорк Таймс» с восторженным отзывом: «…ни одна книга из тех, что я прочитал за последние пять лет, не доставила мне такой радости»[139]. Месяц спустя Оден выразил своё восхищение толкиеновским романом в интервью на радио: «Если кто-то скажет мне, что эта книга ему не нравится, я не положусь больше ни на одно его суждение о литературе»[140].

Второй том, «Две твердыни», вышедший в Англии в ноябре 1954 года, собрал очередной урожай рецензий, и Толкиен с удивлением узнал, что многие читатели и обозреватели ждут не

дождутся продолжения только потому, что в конце тома Фродо остался пленником в башне Кирит-Унгол. Обозреватель «Иллюстрейтед Лондон ньюс» так и заявил: «Ожидание невыносимо». А Льюис разразился ещё одним восторженным отзывом в «Тайм энд тайд»: «Обозревая в своё время первый том этого труда, я едва смел надеяться, что он удостоится заслуженного успеха в полной мере. К счастью, я ошибался… Книга эта слишком оригинальна и слишком многогранна, чтобы оценить её по достоинству после первого же прочтения. Однако уже можно утверждать с уверенностью, что мы обязаны ей многим. Мы изменились. И несмотря на то, что к повторному прочтению этого романа мы должны будем подойти с более сдержанных позиций, лично я не сомневаюсь, что очень скоро он займёт почётное место в ряду тех великих книг, обойтись без которых невозможно»[141].

Оценить эпопею Толкиена во всей полноте и вынести о ней взвешенное суждение критики смогли только после 20 октября 1955 года, когда вышел в свет долгожданный третий том. Но многие определились во мнении уже давно. Те, кому понравилось «Братство Кольца», отозвались с восхищением и обо всей книге, а те, кто нашёл в первом томе серьёзные недостатки, отстаивали свою позицию до последнего. Эдвин Мьюир, уже успевший изрядно обозлить Толкиена своими колкостями, напечатал в «Обзервере» ещё одну ругательную статью «Мир мальчишек», в которой заявил:

> «*Вот что удивительно: все персонажи — мальчишки, переодетые взрослыми героями. Хоббиты-‘недоростки’ — обыкновенные мальчишки, герои-люди едва доросли до пятого класса, и вряд ли среди них найдётся хоть один, что-то знающий о женщинах, кроме как понаслышке. Даже эльфы, гномы и энты — и те безнадёжно застряли у порога отрочества. Им уже никогда не повзрослеть*»[142].

Ещё дальше пошёл известный американский писатель Эдмунд Уилсон. Он без обиняков назвал роман Толкиена «галиматьёй» и «инфантильной чушью», а в завершение предположил, что книга такого сорта способна понравиться только англичанину[143].

Таким образом, «Властелин колец» с самого начала не оставил публику равнодушной. Он вызывал сильные чувства — у одних обожание, у других отвращение, и предсказать заранее, как именно отреагирует на неё тот или иной критик, казалось невозможным. Принцип, по которому разделились мнения,

оставался загадкой: как среди поклонников, так и среди врагов книги встречались и утончённые интеллектуалы, и люди без высоких претензий, и, вопреки язвительному замечанию Уилсона, граница между двумя лагерями никак не соотносилась с границами государств. Обвинения же в адрес «Властелина колец» поражали (и поражают до сих пор) невероятным многообразием.

Часть критики исходила от тех, кто просто невзлюбил книгу по тем или иным причинам личного характера. Многие обозреватели часто руководствуются своекорыстными целями — обычной завистью, желанием покрасоваться перед собратьями по перу, неприязнью к автору и так далее. В частности, Эдвин Мьюир, по-видимому, был настроен против Толкиена ещё до того, как впервые раскрыл «Властелина колец». В своей первой рецензии (а он выпускал по рецензии на каждый том), опубликованной в «Обзервере» 22 августа 1954 года, Мьюир заявил: «Эта примечательная книга не сумела выйти на сцену, как подобает. Только великий шедевр устоял бы под шквальным огнём похвал, обрушившихся на неё с обложки».

Отзыв этот писался в наивную эпоху, когда журналисты ещё не перестали обращать внимание на рекламные преувеличения и были склонны принимать их за чистую монету. Да и само слово «реклама» в те времена ещё не было у всех на слуху. Однако Мьюир был отнюдь не так прост: в действительности его выпад был направлен против хвалебной рецензии К.С. Льюиса, книги которого он не переносил на дух.

К концу пятидесятых Льюис нажил немало врагов, и несмотря на то, что во всём мире у него насчитывались сотни тысяч поклонников, некоторые журналисты и литераторы его презирали. Льюис знал это, и когда издатели «Властелина колец» попросили его написать аннотацию, он предупредил Толкиена, что его имя на обложке может оказать книге медвежью услугу. Кое-кто его терпеть не мог, и Толкиену следовало бы взвесить все «за» и «против», прежде чем принимать поддержку Льюиса открыто.

Но Толкиен не принял эти слова всерьёз. Он понял, что его друг ничуть не преувеличивает, лишь после того, как худшие опасения Льюиса оправдались. До тех пор, он, по-видимому, не сознавал, насколько непопулярен Льюис в известных кругах; но быть может, он просто не устоял перед желанием увидеть на обложке лестный отзыв Льюиса, который к тому времени уже стал знаменитостью.

Однако личными нападками Мьюир не ограничился. Некоторые свои замечания он подробно аргументировал, и справедливость обязывает нас рассмотреть эту критику. Главным

недостатком книги Мьюир счёл незрелость авторского голоса. Эффектными фразами, обличающими главных героев в инфантилизме, мы вправе пренебречь, но трудно не признать, что изображение романтических чувств действительно осталось самым слабым местом всей эпопеи. С героическими порывами и так называемыми «высокими чувствами» Толкиен справляется безупречно, но необходимость описывать отношения между полами неизменно повергает его в смущение.

Писать о женщинах Толкиену всегда было трудно, и практически во всех сценах общения между мужчинами и женщинами красноречие ему изменяет. Но следует помнить, что он был человеком старомодных, викторианских взглядов. Как мы уже видели, свои представления о любви Толкиен во многом черпал из книг; и сам он прекрасно сознавал, что убедительно писать об отношениях между полами ему не под силу. Из всех своих произведений сам он больше всего любил «Лэ о Берене и Лутиэн». Это прекрасная поэма, но и в ней начисто отсутствует та сексуальная напряжённость, о недостатке которой во «Властелине колец» сожалел Мьюир.

Всё это так, но делать из мухи слона явно не стоило. Неприязнь к Льюису и неумение Толкиена убедительно писать о любви и сексе просто помешали Мьюиру заметить гораздо более важные особенности романа и оценить его по достоинству.

Несколько труднее объяснить грубую критику со стороны Эдмунда Уилсона. Быть может, его пером водила зависть, но не исключён и такой вариант, что Уилсон, как и многие другие рецензенты, просто не поняли, с чем имеют дело. «Властелин колец» в то время оставался единственным в своём роде произведением, и читателям (в том числе и профессиональным критикам) было не с чем его сравнивать. Кроме того, в середине пятидесятых годов избранная Толкиеном стилистика пришлась, как говорится, не ко двору. Как раз в то время на самом пике популярности был модернизм, и кое-кто счёл книги Толкиена безнадёжно старомодными.

Разумеется, так оно и было: ведь Толкиен сознательно ориентировался на старинные литературные формы. Погоню за сюжетной увлекательностью стали считать чем-то недостойным уже в пятидесятые. На первый план уже выходил стиль — но стиль современный, а отнюдь не архаичный, как у Толкиена.

К критике этого типа мы вернёмся в главе 14, так как прежде необходимо рассмотреть внимательнее некоторые темы и устойчивые мотивы, из которых сплетается сама ткань Средиземья, и ответить на множество вопросов, неизбежно возникающих у читателей «Властелина колец» и

«Сильмариллиона». Где находится Средиземье? Соотносятся ли Эпохи Средиземья с историей Земли? Почему среди миллиона с лишним слов, посвящённых событиям в Средиземье, ни разу не встречается слово «Бог»? Заложен ли в книгах Толкиена некий скрытый смысл? И если да — то какой? Вот лишь некоторые из бесчисленных загадок, перед которыми встают читатели Толкиена. И наконец, нам предстоит ответить на вопрос, раздражавший самого Толкиена больше всего: являются ли его книги аллегорическими?

Средиземье — это, вне всякого сомнения, иной образ Земли. Более того, края в которых разворачивается действие «Властелина колец», — это иной образ Европы. Толкиен этого нисколько не скрывал. На вопрос о географии Средиземья он ответил: «Рун — это эльфийское название востока. Это Азия, Китай, Япония и прочие дальние края с точки зрения жителей запада. А юг, Харад, — это Африка, жаркие страны». Тогда его спросили: «Значит, Средиземье — это Европа?». «Да, конечно, — ответил Толкиен. — Северо-запад Европы… места, пробудившие моё воображение»[144]. А на вопрос одного журналиста о том, где находится Мордор, Толкиен ответил: «Где-то на Балканах»[145].

Хоббиты — англичане, а Шир — это образ сельской Англии. Журналист Клайд Килби, общавшийся с Толкиеном в шестидесятые, услышал это из его собственных уст: «Я спросил его, существовали ли хоббиты в более ранние эпохи, — пишет Клайд. — А он ответил: нет, потому что хоббиты — англичане. Это замечание подтверждает географические соответствия и, в то же время, позволяет сделать определённые выводы в связи с хронологией. Что касается географии, то однажды мы ехали по Лондонской дороге, и в нескольких милях восточнее Оксфорда Толкиен указал на какие-то холмики к северу и сказал: вот там-то и жили хоббиты»[146].

В масштабе более широком можно почти с полной уверенностью предположить, что прототипом Нуменора стала легендарная Атлантида или земля Му из ещё более древней легенды. Согласно преданию, атланты построили высокую цивилизацию, превосходили обычных людей и обладали необычными способностями. Когда Толкиена спросили, где находился Нуменор, он без колебаний ответил: «Посреди Атлантики»[147].

И в «Сильмариллионе», и во «Властелине колец» описывается альтернативная история доисторической Земли. В построении этой истории Толкиен опирался на легенду об Атлантиде и на скандинавские мифы. Атланты, по преданию, жили дольше обычных людей и были искуснейшими мореплавателями. До

наших дней кое-кто верит, что некоторые атланты успели переселиться в Европу и что этот легендарный народ положил начало цивилизации Древнего Египта. Все эти детали легенды нашли отражение в «Сильмариллионе» Путь на Запад, в Бессмертные Земли, нуменорцам был заказан, поэтому во Вторую Эпоху они устремились на восток и начали осваивать Средиземье. Они также жили дольше других людей и обладали высокоразвитой культурой.

Далее в древней легенде повествуется о том, как атланты возгордились своей мощью и навлекли на себя гнев богов. Огромная волна захлестнула Атлантиду, и остров навсегда скрылся в пучине моря. Нуменорцы же в конце Второй Эпохи под предводительством короля Ар-Фаразона бросили вызов самим Валар. Они нарушили Запрет и с огромным флотом направились на Запад, к заповедным землям. Валар воззвали за помощью к Единому, и Нуменор постигла судьба Атлантиды[148].

Свою мифологию Толкиен считал глубоко религиозным трудом, а «Властелина колец» — христианским, даже более того, католическим произведением. Но заметить и понять это с первого прочтения нелегко, ибо Средиземье — мир всецело языческий. Единственная форма молитвы, которую мы встречаем здесь, — обращение «слабого», «бессильного» создания, попавшего в отчаянное положение (как, например, Сэм Гэмджи в Мордоре), к превосходящему его силой полубогу или полубогине, такой как Галадриэль или Лутиэн Тинувиэль. Над павшими воинами не читают заупокойных молитв. Никаких храмов и часовен в Средиземье нет. Нет и «священных писаний», если не считать таковыми летописи минувших времён. Но несмотря на это, элементы религиозности и даже ортодоксального христианства в книгах Толкиена всё же присутствуют.

Хроникам Первой и Второй Эпох, сказаниям о борьбе эльфов и людей с Морготом и Сауроном, в «Сильмариллионе» предшествует рассказ о Едином и о Сотворении мира. Таким образом Толкиен пытался придать своей мифологии тонкий религиозный подтекст. Но попытка не вполне удалась, ибо те религиозные элементы, которые мы обнаруживаем в мифологии Толкиена, не сводятся в единую систему и подчас даже противоречат друг другу.

Это становится очевидно уже при попытке охарактеризовать с позиций религии главных героев и предметы, играющие в повествовании центральную роль. Фродо приданы некоторые черты сходства с Христом: он — носитель Кольца, он свершает крестный путь и, подобно Христу, подвергается искушению у Расселины Рока. Саурон и Мелкор (Моргот) — несомненно адские

фигуры: Моргот — падший Вала, или чёрный ангел, а Саурон — падший Майя, и оба они наделены дьявольскими чертами. Гэндальф напоминает ветхозаветного пророка. Но как быть с Галадриэль? В «Сильмариллионе» она упомянута лишь вскользь, но во «Властелине колец» играет чрезвычайно важную роль. Галадриэль — одна из нолдор-отступников, ослушавшихся Валар в Первую Эпоху, но при этом некоторые черты сближают её с Девой Марией.

Этим соображением поделился с Толкиеном один из его друзей, священник Мюррей. Отвечая на его письмо за несколько месяцев до публикации «Братства Кольца», Толкиен поблагодарил отца Мюррея за тонкое наблюдение и подтвердил, что вложил в образ Галадриэли некоторые свои представления о Деве Марии[149].

Но при анализе религиозных компонентов «Властелина колец» особое внимание следует уделять не персонажам, а скрытому подтексту и временной организации повествования. В приложении Б к «Властелину колец» указано, что Братство Кольца выступило из Ривенделла 25-го декабря. День, в который Фродо и Сэм уничтожили кольцо и положили тем самым начало новой эпохе, по летосчислению Гондора соответствует 25-му марта. Примечательно, что в древнеанглийской традиции (с которой Толкиен, разумеется, был отлично знаком) именно на 25 марта приходится Страстная пятница, день Распятия Христа[150]. Таким образом, главные события в истории уничтожения Кольца и сокрушения Саурона разыгрываются в промежутке от Рождества Христова (25 декабря) до Распятия (25 марта).

Очевидно, что эти даты были введены исключительно ради того, чтобы вложить в книгу религиозный смысл. Толкиен привносит в языческий мир свою веру. Его персонажи действуют в мире, не знающем Христа, но их «со-творец» вписывает их во временную структуру христианской традиции.

Кроме того, называя свои книги католическими, Толкиен, несомненно, имеет в виду пронизывающее их ощущение благодати. Его персонажи действуют в мире, где вера способна творить чудеса. Магия в этом мире вершится не силой воли, а силой веры. Истинная вера в Средиземье преодолевает тяготение реальности, побеждает закон причины и следствия. И несмотря на то, что в книгах Толкиена нет ни Библии, ни крестов, ни алтарей, они действительно исполнены христианского духа. «Властелин колец» повествует не только о борьбе добра со злом, завершающейся победой добра, но и о жертве, искушении, самоопределении и свободе воли. Это хорошо понимал друг и поклонник Толкиена У.Х. Оден, которому принадлежат

следующие слова: «‘Властелин колец’ основан на скрытых христианских предпосылках»[151]. А писатель Эдмунд Фуллер был убеждён, что «в этой книге щедро разлита благодать» и «свершаются события во исполнение пророчества»[152].

Должно быть, для Толкиена не было в жизни ничего важнее религии, и это бросалось в глаза всем, кому доводилось пообщаться с ним хоть немного. Христа он привычно именовал «Господом нашим». Он непоколебимо веровал в силу молитвы; он был убежден, что творческое вдохновение «ниспосылается» ему в ответ на молитвы и что молитвы исцеляли его домашних, когда тем случалось заболеть. Один из его друзей, Джорд Сэйерс, вспоминал, что «Толкиен был строжайшим образом привержен римскому католицизму. Он был очень ортодоксальным и очень старомодным»[153]. А сын Толкиена, Джон, ставший католическим священником, рассказывая о своём отце, утверждал, что католицизмом были проникнуты всего его мысли и убеждения[154]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Толкиен чувствовал себя обязанным ввести в мифологию языческого образца тонкий библейско-христианский подтекст.

Ещё одно дорогое сердцу Толкиена убеждение состояло в том, что современная жизнь и технический прогресс пагубны для человечества. Убеждение это не имело ничего общего с политикой и диктовалось глубоким личным отвращением к опасным соблазнам современной жизни. «Он не любил современность, — вспоминал сын Толкиена Кристофер. — Сущностью современного мира для него был механизм. Этот механизм — один из скрытых смыслов, заключённых во ‘Властелине колец’»[155]. В других описаниях он предстаёт ещё более непримиримым противником современности. «Толкиен всегда говорил, … что только глупцы и безумцы способны размышлять о двадцатом веке без отвращения», — вспоминал критик Роджер Сейл[156]. А писатель Пол Коучер утверждал, что «Толкиен стал экологом, защитником необъяснимого, врагом ‘прогресса’, поклонником ручных ремёсел и пацифистом задолго до того, как все эти умонастроения вошли в моду»[157].

Неприязнь Толкиена к двадцатому веку нашла во «Властелине колец» яркое отражение: достаточно вспомнить об обречённых на вымирание энтах — символе минувшей эпохи. И можно себе представить, какое удовольствие должна была принести автору работа над главой «Очищение Шира»!

Совершенно очевидно, что одним из назначений «Властелина колец» явилась для Толкиена атака на самых ненавистных ему противников в реальном мире — поборников технического прогресса, виновников загрязнения окружающей среды и

равнодушных потребителей. Ему удалось создать всецело убедительный альтернативный мир без технологии, или, по выражению Джона Клюта, «полноценный контр-миф истории двадцатого века… описание такого мира, с которым ‘всё в порядке’, — иную реальность, которой так жаждет душа в нашем бесплодном столетии»[158]. Толкиен не просто предавался приятным мечтам — он проповедовал свои глубочайшие убеждения, что тщательно подчёркивает в своём замечании на эту тему Колин Уилсон:

> «*‘Властелин колец’ — это критика современного мира и ценностей технологической цивилизации. Эта книга отстаивает свои собственные ценности и стремится убедить читателя, что они предпочтительней ценностей современных… это и атака на мир современности и, в то же время, своего рода кредо или манифест*»[159].

С точки зрения эколога, Саруман (имя которого можно перевести как «Искусник»[160]) не менее порочен, чем Саурон или Моргот. Последних можно интерпретировать как мистические образы зла, как демонов — губителей духа, Саруман же — это само воплощение порочного двадцатого века. Он — лицемерный политик, он — губитель природы, он — беспринципный учёный. Орки выведенной им породы не боятся дневного света, и каждый из них обладает силой двух сауроновых воинов. Саруман ставит опыты с механизмами. Пока герои ведут Войну Кольца и спасают Средиземье от Саурона, Саруман «модернизирует» Шир. Но «добрые старые времена» торжествуют победу: Саруман бессилен перед «природной» магией Гэндальфа и перед добродетелями тех, кто действует на благо природе. Но здесь Толкиен, похоже, зашёл слишком далеко. Свои идеи он представил так убедительно, что многие читатели заподозрили, будто весь «Властелин колец» — не что иное, как чистая аллегория.

Первым это подозрение высказал Рейнер Анвин, в 1947 году прочитавший часть книги в первоначальном варианте. В письме к отцу он заметил, что борьба добра и зла несколько отдаёт аллегорией. Толкиена это замечание огорчило, и с тех пор он неизменно настаивал на том, что в книге его никаких аллегорий нет. Но, справедливости ради, не следует забывать, что вторая мировая война тогда только что завершилась, и Рейнер имел все основания увидеть в основной теме «Властелина колец» — борьбе «хороших парней с Запада» против «плохих парней с Востока» — обычную аллегорию.

Кто же из них был прав? И действительно ли Война Кольца в каком-то смысле явилась образом второй мировой войны?

На первый взгляд, такое предположение кажется вполне правдоподобным. Толкиен писал свою эпопею в военные годы, и даже если принять во внимание, что замысел её оформился ещё в 1938-м, всё равно останется фактом, что в те времена фашизм уже набрал силу и Европа стояла на грани войны. Кроме того, Толкиен постоянно возвращался к написанным ранее эпизодам и вносил в них множество изменений, так что если бы он захотел написать аллегорию, то без труда мог бы пересыпать текст подобающими аллюзиями на реальные события.

Найти подобные аллюзии не составляет труда. Вот лишь несколько самых ярких примеров: белый цвет символизирует добро, а чёрный — зло; гортанную речь орков можно интерпретировать как усиленный до предела немецкий акцент; наконец, можно ещё раз вспомнить «говорящее» соотнесение двух противоборствующих лагерей со сторонами света.

Несколько более тонкую примету аллегории можно обнаружить во 2-й главе книги II («Совет у Элронда») — в непростой и затяжной дискуссии о том, как следует поступить с Кольцом. Из речей персонажей явствует, что поборники добра оказались совершенно не готовы к войне, и даже такие могучие герои, как Гэндальф или Элронд, осознали угрозу, исходящую от Саурона, лишь недавно. Некоторые критики усмотрели в этом аналогию с тем, что Великобритания и другие члены антифашистской коалиции вступили в войну плохо подготовленными, несмотря на то, что нацисты наращивали военную мощь ещё с начала тридцатых. Главу «Совет у Элронда» Толкиен писал как раз в первые дни войны.

И, наконец, всевозможные аллегорические толкования породил предмет, вокруг которого вращается действие книги, — само Кольцо Власти. Рейнер Анвин первым выдвинул идею о сходстве его с кольцом Нибелунга из опер Вагнера. Толкиен в ответ язвительно заметил, что между ними, конечно же, очень много общего: оба они круглые.

При ближайшем рассмотрении все эти трактовки не выдерживают критики. Чёрный цвет ассоциировался со злом испокон веков — тот же Гитлер в выборе символического цвета для своего режима опирался именно на эту архаическую ассоциацию. Кроме того, от Германии до Балкан, на которых Толкиен помещал Мордор, довольно далеко. Оркский язык похож не только на немецкий, но и на множество других языков, а самих орков, смуглых и узкоглазых, принять за штурмовиков SS было бы трудновато. Одним словом, в своей аллегорической интерпретации «Властелина колец» Рейнер Анвин оказался даже дальше от истины, чем в гипотезе о связи толкиеновского Кольца

с вагнеровским: Вагнер, по крайней мере, опирался на древний тевтонский миф.

Выдвигалось и предположение о том, что Мордор — это не Германия, а Россия. Точно известно, что с молодых лет и вплоть до самой смерти Толкиен относился к Советскому Союзу и коммунистам с большим подозрением. Он был далёк от политики, но Сталин вызывал у него глубокое недоверие даже в те годы, когда русские солдаты сражались с британцами и американцами бок о бок на фронтах второй мировой. И когда сразу же по окончании войны Советский Союз замкнулся в изоляции, Толкиен ничуть не удивился. Однако Россия сгодилась бы на роль Мордора лишь при условии, что Толкиен решил бы описать некую войну будущего, — а в сороковые годы такая перспектива казалась совершенно невероятной.

Толкиен заявлял, что вообще терпеть не может аллегории, и категорически отрицал присутствие каких бы то ни было аллегорий в своих книгах[161]. Близким друзьям он признавался, что черпал вдохновение в религии, но признать, что в сюжете «Властелина колец» отражено что-то помимо воспоминаний о его личном военном опыте, он отказывался наотрез. К примеру, он соглашался с предположением о том, что Сэм Гэмджи — это образ доброго, надёжного, верного и трудолюбивого солдата из рабочих. Но в проработке этого образа Толкиен опирался именно на воспоминания о первой мировой войне, и не следует забывать, что в основе «Властелина колец» лежал «Сильмариллион», большая часть которого была написана как раз после первой мировой.

Но на этом Толкиен не остановился. Он заявил, что не вкладывал во «Властелина колец» никаких экологических идей. Особенно его раздражали попытки сопоставить главу «Очищение Шира» с положением дел в послевоенной Англии. Но у всех, кто читал «Властелина колец» в начале пятидесятых, не без оснований возникали такие ассоциации. С 1940-го до начала 1950-х в Англии сохранялась система распределения пайков. После немецких бомбардировок многие остались без крова, и повсеместно возводили дешёвые типовые дома. Заводы работали сверхурочно, и проблемы загрязнения окружающей среды встали гораздо острее, чем в довоенное время. Процветали взяточники и спекулянты на чёрном рынке. И все эти беды весьма походили на то, что застали у себя дома хоббиты, вернувшиеся со своей войны.

Во что же нам верить? До какой степени «Властелина колец» можно считать аллегорией? И почему Толкиен так протестовал против аллегорического толкования его книги?

Единственный возможный ответ на эти вопросы таков:

Толкиен не писал аллегорию сознательно, но ассоциации с реальным миром всё же проникали в текст помимо его воли. Параллели с современной историей в своей книге Толкиен заметил лишь после того, читатели стали на них указывать. Заметил — но не признал.

Пытаясь понять, почему же он отказался признать это, мы сможем лучше понять Толкиена как человека. Прежде всего, мир Средиземья для Толкиена был миром более чистым, нежели реальный, — миром, далёким от осквернённой Земли наших дней. «Сильмариллион», как мы помним, призван был стать «мифологией для Англии», а «Властелин колец» был тесно связан с «Сильмариллионом». Естественно, Толкиен не хотел, чтобы в глазах читателей его «высокий идеал», его величественный вневременной эпос, обесценился соотнесением с «грязными делишками» современности.

Кроме того, для протестов имелась и более личная причина. В тот период, когда Толкиен заканчивал работу над «Властелином колец», К.С. Льюис как раз написал первые книги из «Хроник Нарнии», с самого начала задуманные как аллегории. Толкиену не нравились эти книги, и сами мотивы, которыми руководствовался Льюис, были ему неприятны. Разумеется, Толкиен опасался, что комментаторы поставят «Властелина колец» в один ряд со аллегориями Льюиса. Он любой ценой стремился избежать подобных ассоциаций и, в особенности, сопоставления «Властелина колец» с ненавистной ему сказкой «Лев, колдунья и платяной шкаф».

Толкиен категорически отрицал влияние других писателей на его книги. На все вопросы поклонников, от чистого сердца осведомлявшихся, не вдохновлялся ли их кумир той или иной книгой, он отвечал отрицательно и, с годами, всё более и более резко.

Один из самых ярких тому примеров — «отречение» от писателя викторианской эпохи Джорджа Макдональда, которого Толкиен некогда называл «старой бабушкой»[162]. Книги Толкиена часто — и, должно быть, не случайно — сравнивают со сказками Макдональда[163]. И нельзя сбрасывать со счетов то, что Макдональнд был одним из любимых писателей К.С. Льюиса и оказал на него большое влияние[164]. Льюис, как и многие другие, полагал, что Толкиен также заимствовал кое-что у Макдональда, и даже упомянул об этом в своей рецензии на «Хоббита».

Но особенно впечатляет то, как уже на склоне лет Толкиен неожиданно обрушился с нападками на одного из самых симпатичных своих персонажей — Сэма Гэмджи, которого он когда-то называл «самоцветом среди хоббитов»[165]. В письме к

одному поклоннику он описал Сэма как «сентенциозного и самоуверенного… Он был младшим сыном тупого и самодовольного старика-крестьянина… С традиционной верностью слуги господину и с личной его любовью к Фродо в нём соседствует известное презрение к себе подобным (в смягчённой форме снисходительной жалости), причины которого для них непостижимы»[166].

Толкиен вкладывал в свои сочинения гораздо больше личного, чем многие другие писатели. Сквозные темы его книг — сила героизма, честности и верности, превосходство Природы над технологией, вера в то, что всякая победа оплачивается дорогой ценой, тема борьбы между добром и злом как движущей силы вселенной и т.д. — суть не что иное, как отражения глубоких убеждений и побуждений самого Толкиена. Средиземье пронизано насквозь личностью своего создателя.

Узы, связывающие Толкиена с его творением, по-своему уникальны. Прежде всего, Толкиен посвятил Средиземью почти всю жизнь. В пожилые годы он вспоминал, что ещё в юности обдумывал некоторые идеи книг, написанных значительно позже, а сохранившиеся документы свидетельствуют, что основы своей мифологии он в действительности заложил в начале двадцатых годов. Средиземье было ему водой и пищей, сном и воздухом. Оно оставалось с ним даже в тот период бездействия, когда работа над «Властелином колец» прервалась на целый год. Что бы он ни делал — читал ли лекции или проверял экзаменационные работы, играл ли с детьми на пляже в каком-нибудь курортном городке или сидел с друзьями за пивом в «Птичке с младенцем», — Средиземье не покидало его ни на минуту.

Во-вторых, как уже говорилось в главе 5, Толкиен писал свои книги потому, что *не мог* не писать. Ему необходим был вымышленный мир, в который он мог погрузиться с головой. Поэтому обращаться с этим миром ему приходилось честно, прямо и откровенно. И, быть может, это и есть самая главная из причин, по которым он отказывался признавать свои книги аллегорическими и делал всё возможное, чтобы отвести от них это подозрение.

И, наконец, личность Толкиена воплотилась в его книгах с такой полнотой потому, что, по его глубокому убеждению, содержание было важнее стиля. Из-за этого он и казался старомодным до крайности в ту эпоху, когда самой влиятельной силой в литературном мире был модернизм, ставящий во главу угла стиль, а не сюжет. Но с другой стороны, именно стремление рассказывать истории как они есть, честно и прямолинейно, сделало Толкиена таким популярным, и именно это достоинство

его книг заставляет поклонников Средиземья возвращаться к ним снова и снова.

Глава 13. Последние годы

Несмотря на огромный успех «Властелина колец», жизнь Толкиена изменилась к лучшему не сразу. Однако «Джордж Аллен энд Анвин» быстро увидели, что риск окупился сторицей, и поняли, что контракт с участием в прибылях был для них не самым мудрым решением. Допечатывать тираж «Властелина колец» пришлось уже через шесть недель после выпуска первой партии, а в начале 1956 года Толкиен получил первую свою долю от прибылей: на Сэндфилд-роуд (Хедингтон) пришёл чек на четыре тысячи фунтов[167]. Эта сумма заметно превышала его годовое профессорское жалованье. Год спустя Толкиен получил чек на значительно большую сумму, и затем с каждым годом (вплоть до 1965-го) доходы с продаж неуклонно возрастали.

Вдобавок, в 1957 году католический колледж при университете Маргетта в Милуоки (США) приобрёл рукописи «Хоббита», «Властелина колец», «Фермера Джайлса из Хэма» и пока ещё не опубликованного «Мистера Блисса» за 1250 фунтов. Богатство свалилось как снег на голову. Эдит и Рональд теперь были обеспечены до конца своих дней и могли позволить себе многое из того, в чём прежде приходилось ограничиваться.

И всё же успех пришёл слишком поздно. Толкиену уже шёл седьмой десяток; он готовился уходить на покой и планировал посвятить остаток дней литературным занятиям, в первую очередь «Сильмариллиону», который оставался главным делом его жизни вот уже сорок лет.

В каком-то смысле Толкиен состарился раньше времени. Всю свою жизнь он был привержен старомодным идеям, и с приближением старости многие черты его личности — как достоинства, так и недостатки — стали проявляться всё ярче и ярче. Он никогда не отличался хорошей дикцией, а теперь его речь стала почти неразборчивой. Недостаток этот усугублялся привычкой не выпускать трубку из зубов с утра до ночи. В одном из некрологов его назвали «самым лучшим и самым худшим оратором Оксфорда»: «худшим — потому, что говорил он торопливо и невнятно, а лучшим — потому, что речи его блистали глубиной, эрудицией, юмором и неповторимым стилем»[168].

Одной из самых ярких черт его натуры всегда оставалась педантичность. Благодаря ей Толкиен стал выдающимся учёным и смог внести такую убедительность в свой вымышленный мир, но из-за неё же он относился ко многому чересчур критично. В 1955 году на «Би-би-си» состоялась радиопостановка «Властелина

колец». Почти все сочли её очень удачной, но Толкиену она показалась слабой; он полагал, что большинство ролей сам исполнил бы лучше. В 1956 году «Властелина колец» собралось выпустить голландское издательство, но Толкиен обнаружил, что переводчик не справился с некоторыми именами, и приостановил публикацию. А через несколько лет Толкиена привели в ярость шведские издатели, предпославшие книге предисловие, в котором «Властелин колец» трактовался как аллегория.

С годами Толкиен становился всё нетерпимей в своих предубеждениях, его симпатии и антипатии проявлялись всё резче. Всё больше предметов он находил «вульгарными» или «нелепыми». Он терпеть не мог французский язык и французскую кухню, недолюбливал журналистов и не доверял фотографам. Иллюстраторы его книг неизменно вызывали у него раздражение, а большинство издателей, по его мнению, работали из рук вон плохо и ничего не понимали в рекламе[169].

Толкиен всегда отличался повышенным вниманием к деталям, но теперь оно стало почти навязчивым. В 1967 году журналисты Шарлотта и Денис Пливмер взяли у него интервью для «Дейли телеграф» и прислали набросок статьи на проверку. В ответ Толкиен разразился целым трактатом на две тысячи слов, раскритиковав Пливмеров, словно нерадивых студентов. В частности, его возмутило, что Пливмеры назвали «кабинетом» гараж, в которым он в то время работал, а гипотеза о том, что «Сильмариллион» вырос из увлечения вымышленными языками, повлекла за собой опровержение на полстраницы.

Кроме того, Толкиен сделался чрезвычайно скрытным. Журналистам и писателям-документалистам, зачастившим к нему после триумфального явления «Властелина колец», было не так-то просто выведать хоть что-нибудь о нём самом и о его прошлом. Толкиена раздражала поднявшаяся вокруг него шумиха. Он не понимал, почему люди интересуются его личностью, вместо того, чтобы интересоваться его книгами. Люди «пялятся на меня, будто я какая-нибудь горгулья», — жаловался он[170]. В начале шестидесятых он удержал У.Х. Одена от попытки написать его краткую биографию, а издателю, намеревавшемуся опубликовать эту книгу, заявил, что биографию человека может писать только тот, кто знал его очень близко, а в противном случае это будет грубым вторжением в частную жизнь.

Мнение его о современной литературе так и не смягчилось, да и к большинству писателей минувших эпох Толкиен относился неодобрительно. Журналисту, напомнившему ему о том, что К.С. Льюис некогда сравнил его с Ариосто, итальянским писателем XVI века, Толкиен заявил: «Я не читал Ариосто, а если бы прочёл,

мне бы стало противно… Сервантес выпалывал романтику, как сорняки… Данте меня не интересует. Он так и пышет ненавистью и злобой. Какое мне дело до жалких склок между жалкими людишками из каких-то жалких городков?»[171].

Но и к себе Толкиен относился чрезвычайно критично. Именно поэтому он постоянно стремился перерабатывать свои книги, вносить в них улучшения и поправки. Он прекрасно сознавал погрешности, вкравшиеся во «Властелина колец», — и тот факт, что из пяти упомянутых истари подробно рассказано только о двух (Гэндальфе и Сарумане); и непрояснённый вопрос о том, кого же считать древнейшим существом в Средиземье, — Тома Бомбадила или энтов; и то, что эльф Кирдан, обладатель одного из великих эльфийских колец, упомянут в книге только вскользь. Исправить эти недостатки было нелегко, но Толкиен надеялся написать новые книги и разъяснить всё, что для читателей «Властелина колец» осталось загадкой. В шестидесятые годы издатель попросил его внести правку в «Хоббита» для нового издания, и Толкиен засиделся до рассвета, перечитывая свою книгу, и уже взялся было переписывать всю её заново, но вовремя опомнился. Он был твёрдо убеждён, что всякий хороший рассказ сначала нужно написать в поэтической форме, — как он и поступил со многими сюжетами «Сильмариллиона».

Но при всём этом, Толкиен вовсе не был склонен себя недооценивать и по многим вопросам готов был отстаивать свою правоту до последнего. Работая над «Властелином колец», он отдавал себе отчёт, что из-под его пера выходит уникальная книга, и ему достало веры в себя, чтобы целых семнадцать лет идти к своей цели, не сворачивая. А в конечном счёте он оказался прав и насчёт «Сильмариллиона», несмотря на то, что издатели неоднократно его отвергали.

Успех «Властелина колец» по любым меркам был огромным с самого начала. Но этим дело не ограничилось: события сложились так, что из обычной популярной книги он превратился в явление мирового значения.

Ещё в 1965 году сотрудники американского издательства «Эйс Букс» обратили внимание на то, что «Властелин колец» пользуется большой популярностью среди студентов колледжей, особенно в Калифорнии. Затем им стало известно, что бостонские издатели Толкиена, «Хоутон Миффлин», уже нарушили закон об авторском праве, когда ввезли из Великобритании несброшюрованные экземпляры в количестве, превышающем указанное в договоре. И «Эйс Букс» решили рискнуть и выпустить пиратское издание «Властелина колец».

Узнав об этом, «Хоутон Миффлин» связались с лондонским

офисом «Аллен энд Анвин». Рейнер Анвин пришёл в ярость, но понял, что спасти положение ещё возможно: нужно, чтобы «Хоутон Миффлин» сами как можно скорее выпустили новое издание в мягкой обложке. Но для этого текст следовало заново отредактировать. Анвин немедленно поехал в Оксфорд, объяснил Толкиену ситуацию и попросил как можно скорее внести поправки в рукопись.

Толкиен согласился, но так ничего и не сделал. Прошло несколько месяцев — и в июне 1965 года на прилавках американских книжных магазинов появилось пиратское издание «Эйс Букс». Рейнер Анвин снова обратился к Толкиену, и тут обнаружилось, что вместо «Властелина колец» он всё это время занимался правкой «Хоббита».

Издание «Эйс Букс» было подготовлено весьма тщательно: текст воспроизвели достаточно точно, а на обложку поместили качественную иллюстрацию. Но, самое главное, цена за том составляла всего семьдесят пять центов — во много раз меньше, чем стоили экземпляры первого издания в мягкой обложке. «Хоутон Миффлин» готовили официальное издание, а «Эйс Букс» подошли к вопросу бесцеремонно и даже не предложили Толкиену авторских процентов.

Наконец, в августе 1965 года, Толкиен оценил масштабы катастрофы и понял, что если ничего не предпринять, от продаж эйсовского издания ему не достанется ни пенни. Он поспешно отредактировал рукопись и переслал правку Анвину, а тот переправил её в «Хоутон Миффлин».

Официальное баллантайновское издание «Властелина колец» вышло лишь незадолго до Рождества 1965 года. Но поскольку оно стоило на двадцать центов дороже, читатели по-прежнему отдавали предпочтение пиратской версии.

Толкиена это неожиданно рассердило, хотя до тех пор он, по всей видимости, смотрел на происходящее сквозь пальцы. Поначалу он рассчитывал, что его издатели подадут в суд, но затем случилось нечто неожиданное и весьма примечательное. Толкиен всегда отвечал на письма читателей. Порой он тратил по несколько часов на одно письмо и старался дать исчерпывающий ответ на любой вопрос о его книгах, если тот был сформулирован достаточно вежливо. И теперь оказалось, что он не зря тратил силы. Письма от американских поклонников к тому времени приходили на Сэндфилд-роуд целыми пачками — и в каждом ответном письме Толкиен стал жаловаться на эйсовское издание и на то, что борьба с пиратами отвлекает его от работы.

Весть об этом разлетелась среди его почитателей с удивительной быстротой, и уже через несколько месяцев началась

кампания против пиратской книги. Любители Толкиена объявили ей настоящий бойкот и не уставали повторять направо и налево, что «Эйс Букс» не платят автору гонорар. Вскоре эту новость подхватила и американская пресса, благодаря чему о существовании «Властелина колец» узнало ещё немало людей, не поскупившихся потратить девяносто пять центов, чтобы узнать побольше. За 1965 год «Эйс Букс» распродали сто тысяч экземпляров, но баллантайновское издание в мягкой обложке всего за полгода разошлось миллионным тиражом. Так, спустя десять лет после выхода первого американского издания, «Властелин колец» стал в США бестселлером. А к 1968 году по всему миру было распродано три миллиона экземпляров.

На волне борьбы против эйсовского издания «Властелин колец» стал культовой книгой. «Эйс Букс» вынуждены были пойти на внесудебное соглашение и не только гарантировать Толкиену дальнейшее отчисление авторских процентов, но и единовременно выплатить всю сумму, которую они ему задолжали. Но гораздо важнее то, что именно благодаря кампании против «Эйс Букс» о Толкиене и Средиземье узнала широкая публика.

«Властелин колец» появился в кампусах как раз вовремя. Книга, написанная консервативным оксфордским профессором в годы второй мировой войны, неожиданно затронула сердца нового поколения — поколения, которое вскоре стали называть культурой хиппи. «Веселящийся Лондон»[172] в 1966 году был в зените славы, Карнаби-стрит[173] процветала, «Битлз» выпустили свой «Revolver» — популярнейший альбом десятилетия, а в молодёжных кругах уже вошли в моду ЛСД и марихуана. Тем же летом появились значки с лозунгами «Хоббиты — это хобби», «Гэндальфа — в президенты!» и «Фродо жив!». Повсеместно, от Польши до Борнео, возникали клубы любителей Толкиена и Средиземья, а американские солдаты во Вьетнаме встречали местных жителей со щитами, украшенными Оком Саурона.

Понять, почему «Властелин колец» нашёл такой широкий отклик в среде хиппи, вовсе нетрудно. Действие его происходит в альтернативном мире, не знающем ортодоксальной религии, но зато полном чудес и волшебства. Он близок сердцу каждого, кто настроен против современных технологий и роста индустриального общества. Но своей популярностью «Властелин колец» обязан, в первую очередь, не хиппи, поднявшим его на щит, и даже не только молодёжи. Книгу эту полюбили читатели всех возрастов, независимо от общественного статуса и происхождения. Она по-своему универсальна, и трактовать её можно на самых разных уровнях и с самых разных точек зрения

(далеко не всегда предусмотренных самим автором).

Таким образом, Толкиен неожиданно оказался в центре всеобщего внимания и стал культовой фигурой, а для многих — своего рода гуру. Ручеек «фэн-почты» превратился с годами в полноводную реку, и Толкиен уже не успевал отвечать собственноручно на все письма. Восторженные послания приходили теперь и от мировых знаменитостей (в том числе от звёзд Голливуда и от одного астронавта), а однажды пришло жалобное письмо от какого-то бедолаги, утверждавшего, что его жена по уши влюбилась в Арагорна. Вскоре после этого случая Толкиен узнал, что десятилетние школьники из Челтнема поставили спектакль по «Властелину колец», и мальчик, сыгравший Фродо, не мог выйти из роли ещё целый месяц. А один член парламента, посетивший Толкиена в Хедингтоне, заявил ему: «Это не вы написали ‘Властелина колец’». Он имел в виду, что книга исходила от самого Бога, а Толкиен лишь записал её[174].

Случалось, поклонники звонили ему из Калифорнии посреди ночи, забыв о разнице во времени. Летом 1967 года какие-то американские студенты приехали в Англию специально, чтобы посмотреть на Толкиена, встали лагерем на лужайке у него перед домом и принялись выкрикивать: «Хотим Толкиена! Хотим Толкиена!»

Популярность книги Толкиена радовала, но реакция некоторых читателей озадачивала и подчас пугала. Он не был готов к славе. Он полагал, что важно лишь то, что он сделал, а не то, кто он такой, и не понимал, почему люди интересуются его личностью, его частной жизнью и прошлым. Эдит тоже не нравилось находиться в центре внимания. Она старалась оградить мужа от внешнего мира, чтобы ему хотя бы не мешали работать, но в то время ей уже перевалило за семьдесят, и отваживать рьяных поклонников и назойливых журналистов становилось всё труднее. В 1968 году Толкиены поняли, что оставаться в Хедингтоне больше невозможно. Они решили переехать и сохранить в тайне свой новый адрес и телефон, а в дальнейшем быть осмотрительнее.

С Оксфордом пора было расстаться. Толкиен вышел на пенсию в 1959 году и с тех пор пытался работать над «Сильмариллионом», но дело продвигалось трудно. Он начал уставать от жизни и нередко погружался в депрессию. Старость его угнетала; ему недоставало привычного разнообразия. Дети давно уже покинули родительский кров и обзавелись собственными семьями, старые друзья умерли или перебрались в другие края. Но обиднее всего было то, что постепенно угасают

энергия и страсть к работе.

Но в жизни его всё ещё оставалось две опоры: вера, которая с годами только крепла, и Эдит. Супруги сблизились, как никогда прежде, и Толкиену теперь хватало времени на неторопливые беседы о детях и внуках и на совместные походы в ресторан. Хватало и денег на то, чтобы хоть немного порадоваться жизни. В 1966 году Рональд и Эдит отправились в круиз по Средиземному морю, а марте того же года отпраздновали «золотую свадьбу». В садах Мертон-Колледжа по этому случаю состоялась пышная вечеринка, на которой композитор Дональд Сванн исполнил песни о Средиземье на стихи Толкиена — «Ведёт дорога от ворот…».

Распрощавшись с Оксфордом, Толкиены поселились в Пуле — маленьком пригороде Борнмута на южном побережье Англии. Они неоднократно проводили в Борнмуте каникулы, и у Эдит остались здесь друзья, но для Толкиена переезд стал своего рода культурным шоком.

Они купили одноэтажный коттедж в нескольких минутах езды на такси от борнмутского отеля «Мирамар», где особенно любила бывать Эдит. Здесь она чувствовала себя гораздо уютнее, чем во всех прочих местах, где ей довелось побывать за свою жизнь. Постояльцы отеля, в большинстве своём люди пожилые, принадлежали к её кругу: доброжелательные, без особых претензий, не слишком интеллектуальные. Эдит приходила поиграть с ними в карты и попить чайку, а в иные вечера просто прогуливалась с мужем по набережной мимо Зимних садов и богатых особняков.

Коттедж был уютным, с большим садом. Эдит, должно быть, никогда ещё не была так счастлива, как в те несколько лет, что они прожили в Пуле. Правда, Толкиен здесь скучал: достойных собеседников ему не находилось. Он был человеком общительным, но бесконечная пустая болтовня за чаем его раздражала. Однако он твёрдо решил смириться со всеми неудобствами. Толкиен нежно любил жену и, должно быть, в конце концов осознал, сколько тягот ей пришлось вынести за годы их совместной жизни. В обществе его приятелей по университету она чувствовала себя неуверенно; его религиозное рвение было ей чуждо; не находилось ей места и в его интеллектуальном мире, несмотря на то, что она очень гордилась его достижениями. И теперь общением с пожилыми борнмутскими буржуа Толкиен расплачивался с Эдит за все те вечера, что он провёл в «Птичке с младенцем» или у Льюиса в Модлин-Колледж.

Кроме того, ему начало казаться (совершенно

безосновательно!), что он не уделяет достаточно внимания детям. В действительности же он души в них не чаял и дарил им любовь с необычайной щедростью. Близкая приятельница семьи Симонна д'Арденн вспоминала: «Вся его переписка за сорок лет говорит о том, что он постоянно беспокоился за своих детей — здоровы ли они, всё ли у них благополучно, чем он может помочь им»[175].

И всё же, несмотря на одиночество, Толкиен постепенно привык к новому образу жизни и даже полюбил этот тихий курортный городок. Его угнетало, что он не может работать с такой же отдачей, как привык, и совсем не видится с людьми своего круга, однако скромность нового обихода ничуть его не огорчала. В домашней обстановке он всегда ставил практичность выше эстетики. Дом на Нортмур-роуд был одним из самых неказистых во всём Северном Оксфорде, а о доме в Хедингтоне У.Х. Оден отозвался как о «кошмарном месте с кошмарными картинами на стенах»[176]. Толкиенов это замечание очень расстроило.

Может показаться странным, что человек, столь тонко чувствовавший красоту языка, — человек, создавший прекрасный мир «Властелина колец» и испытавший влияние великого стилиста Уильяма Морриса, — не придавал никакого значения красоте в домашней обстановке. Но на самом деле ничего странного в этом нет: ведь Толкиен, в сущности, уделял больше времени и душевных сил Средиземью, чем реальному миру.

В период жизни в Пуле он по-прежнему усердно старался работать, и нетрудно вообразить его портрет конца шестидесятых. Толкиен сидит в скромно обставленной комнате, среди книг и бумаг, с зажатой в зубах трубкой. Он пытается уловить суть фразы, лет десять тому назад набросанной впопыхах на каком-то клочке бумаги, или подыскивает в своей мифологической системе место для новой идеи. Но за последние десять лет далеко он не продвинулся, и «Сильмариллион» остался таким же хаотичным собранием фрагментов, каким был и в пятидесятые. Он разрастался бессистемно: из одной идеи рождался десяток новых, а из них, в свою очередь, — новые взаимосвязи между многочисленными сюжетными линиями. Но Толкиен по-прежнему был предан делу своей жизни и всё так же мечтал создать «мифологию для Англии». В пятидесятые годы ему даже приходила мысль посвятить её королеве Елизавете II.

К концу шестидесятых Толкиен стал мультимиллионером, но они с Эдит так привыкли экономить, что и теперь не могли обращаться с деньгами свободно. Впрочем, они организовали трастовые фонды для своих детей и внуков, а сами жили в своё удовольствие. Больших трат они себе не позволяли, но в мелочах

себе не отказывали. Почти каждый день они ходили обедать в ресторан и наслаждались изысканными блюдами и винами, не забывая, впрочем, ворчать по поводу цен. Толкиен стал элегантно одеваться, чем, должно быть, немало удивил бы своего старого друга Льюиса. В молодости они оба не одобряли страсть к модному платью, считая её выражением латентной гомосексуальности. У Льюиса эта неприязнь доходила до абсурда: говорили, что новый костюм на нём превращается в старый за один вечер. Толкиен же на восьмом десятке неожиданно полюбил изящные шёлковые галстуки и брюки «от кутюр»; эта перемена во вкусах наглядно запечатлена на фотографиях.

Толкиен по-прежнему получал много писем, но корреспонденцию сначала просматривали сотрудники издательства, так что теперь ему не приходилось отвечать на все до единого вопросы поклонников. Он не утратил интереса к проблемам экологии и, подобно многим пожилым людям, всё чаще возмущался переменами в окружающем мире, ибо полагал, что мир меняется далеко не к лучшему. Он отказался посещать свой любимый ресторан, когда к нему проложили новую дорогу, уничтожившую прекрасный уголок сельской природы. Особенно его вывело из себя известие о том, что одному судну на подводных крыльях, возившему пассажиров через Ла-Манш, без его разрешения дали имя «Тенегрив» — в честь коня Гэндальфа. А на обороте одного чека, адресованного в службу налогового управления, он написал: «На ‘Конкорд’ — ни пенни!».

А затем безмятежной борнмутской жизни внезапно пришёл конец. В 1971 году Эдит госпитализировали с приступом острого холецистита. Спустя несколько дней, 29 ноября, в возрасте восемьдесяти двух лет, она скончалась.

Со смертью жены вся жизнь Толкиена снова изменилась — теперь уже в последний раз. Ещё несколько недель он провёл в Пуле, но лишь для того, чтобы привести в порядок все дела. Затем он пожил какое-то время с семьёй и старыми друзьями, постепенно, медленно примиряясь со своей утратой. Его сын Кристофер, в то время преподававший в Нью-Колледже, помог отцу получить просторную квартиру в доме №21 по Мёртон-стрит, принадлежавшую Мёртон-Колледжу. Здесь у Толкиена снова появился настоящий кабинет, и он перевёз сюда свою библиотеку. Плата за жильё была чисто номинальной; за квартирой ухаживал смотритель; в колледже Толкиену полагались бесплатные ланчи и ужины; телефон также был бесплатным; дом был обставлен антикварной мебелью, а в гостиной красовался огромный уилтонский ковёр.

Толкиену приятно было вернуться в Оксфорд и вновь войти в

академическое сообщество на правах почётного члена колледжа. Но жизнь его текла одиноко, и временами он чувствовал себя глубоко несчастным. Он по-прежнему возвращался к своему великому труду, по-прежнему отвечал на письма поклонников, часто виделся с детьми и внуками, встречался с теми из друзей, кто ещё оставался в живых. Весной 1973 года Толкиена навестил Кристофер Уайзмен — его старый друг и товарищ по ЧКБО, и они долго предавались воспоминаниям о минувших годах. Кроме того, Толкиен вместе с сыном Джоном съездил в гости к своему брату Хилари, который ещё в тридцатые годы стал садоводом и до сих пор жил на ферме в Ившеме.

В последние годы Толкиена осыпали почестями как в научном мире, так и в мире литературы. Весной 1972 года на церемонии в Букингемском дворце ему вручили орден Британской империи II степени[177], а тем же вечером Рейнер Анвин устроил в его честь банкет в клубе «Гаррик» в Мейфэре[178]. Множество почётных степеней Толкиен получил и от научного сообщества, но самой приятной для него наградой стало звание почётного доктора литературы, присуждённое ему на церемонии в стенах театра Шелдона — дома совета Оксфордского университета. Торжественную речь произнёс его старый друг и товарищ по клубу «Инклингов», Колин Харди, который к тому времени стал официальным оратором университета.

Вот уже несколько лет здоровье Толкиена постепенно расстраивалось. Ещё в Пуле у него начались приступы артрита и воспаления мочевого пузыря, а с конца 1972 года его стало мучить несварение желудка. Он обратился к врачам, но рентген ничего не показал. 28 августа 1973 года Толкиен отправился в Борнмут, навестить своих приятелей, Дениса и Джослин Толхерстов. Миссис Толхерст отмечала свой день рождения, и Толкиен чувствовал себя неплохо и даже выпил немного шампанского. Но посреди ночи он проснулся от острого приступа, и рано утром его увезли в больницу. Только теперь обнаружилась острая язва желудка, которую не удалось выявить на рентгеновских снимках. Три дня спустя, воскресным утром 2 сентября 1973 года, профессор Дж.Р.Р. Толкиен скончался в возрасте восьмидесяти одного года.

Глава 14. Легенда жива

Вот что писал о «Властелине колец» в конце шестидесятых журналист Найджел Уолмсли:

> «*О популярности ‘Властелина колец’ следует судить в контексте размышлений о той группе читателей, которая прочно закрепила за ним репутацию бестселлера, — о молодых, разочарованных жизнью представителях индустриального среднего класса в странах Запада середины 60-х. Эта книга оказала огромное влияние на популярную субкультуру той эпохи и в коммерческом плане не уступала записям Боба Дилана*».

Далее он заявил, что к 1968 году звезда Толкиена начала клониться к закату и что появились «…признаки, внешние показатели резкой перемены в культурных установках, которой предстояло положить конец этой кратковременной вспышке популярности. Толкиен утратил современное звучание»[179].

Уолмсли оказался столь же дальновидным, как и те, кто в своё время утверждал, что «Битлз» обречены на провал или что Третий рейх простоит тысячу лет. Случилось нечто прямо противоположное тому, что он предсказывал: «Властелин колец» стал ещё популярнее, и число его поклонников продолжает возрастать до сих пор.

В данном случае ошибка вполне объяснима: журналисту показалось, что «Властелин колец» способен заинтересовать только людей определённого типа. Если бы эта книга и вправду привлекала только разочарованную западную молодёжь, то её по праву можно было бы счесть чем-то вроде модного аксессуара — объектом повального, но кратковременного увлечения. Но в действительности «Властелин колец» обладает притягательностью для широкого круга людей с самыми разнообразными культурными установками.

И всё же Уолмсли был не одинок (и уж, конечно, не оригинален) в своих заблуждениях. Ещё задолго до него, в 1961 году, журналист Филип Тойнби писал с неподдельной радостью, что толкиеновские «…ребяческие книжонки канули в милосердную Лету»[180]. А в дальнейшем книги Толкиена своей невероятной популярностью навлекли на себя целую лавину критических выпадов. «Толкиен — модный писатель» сменился на страницах газет и журналов «Толкиеном-расистом», «Толкиеном-сексистом» и «Толкиеном-фашистом». Критик Уолтер Шепс

назвал мир Толкиена «патерналистским», а прочие принялись клеймить его как «реакционный» и даже, как это ни странно, «антиинтеллектуальный»[181]. Одни насмехались над «Властелином колец», именуя его «Винни-Пухом в позе эпоса» и «ответом волшебного царства Конану-варвару», другие отыскивали в нём непростительные недостатки, третьи и вовсе пытались сбросить его со счетов как безделицу[182].

Поток критики такого рода не иссякал с момента первой публикации «Братства Кольца» в 1954 году, но в 1997-м, когда сотрудники книжного магазина «Уотерстоунз» провели опрос с целью установить самую популярную книгу двадцатого столетия, волна агрессивных нападок поднялась с новой силой.

Для многих результаты опроса обернулись потрясением. Из двадцати пяти тысяч англичан, принявших участие в опросе, более пяти тысяч отдали первое место «Властелину колец», оттеснившему таким образом оруэлловский «1984» на второе место. «Властелин колец» возглавил рейтинги в 104 из 105 филиалов «Уотерстоунз». Единственным исключением оказался один из филиалов в Уэльсе, где Толкиен уступил первое место джойсовскому «Улиссу». Литературный истеблишмент отреагировал немедленно — и язвительно до крайности.

Сьюзен Джеффрис из «Санди таймс» восприняла результаты опроса как личное оскорбление: «Чёрт побери! Неужели? — воскликнула она, услышав эту новость. — Ой-ё-ёй. Ой-ё-ёй. Ой-ё-ё-ё-ёй!!!». В ушах так и стоял фарфоровый звон: по всему Хэмпстеду[183] швыряли об пол чайные чашки.

«Я разбудила Боба Инглиса [коллегу-журналиста] посреди ночи, чтобы сказать ему, что читатели ‘Уотерстоунз’ и зрители четвёртого канала назвали ‘Властелина колец’ лучшей книгой столетия, — продолжала она, задыхаясь от ярости. — Точно так же, как Инглис, отреагировали по всей стране — в каждом доме, где собрались хотя бы один-два *literati*»[184].

Если не обращать внимания на претенциозность тона, то останется лишь повторить вслед за профессором Томом Шиппи: «Она, конечно, хотела сказать ‘два-три *literati*’, если только не предполагала, что *literati* всегда говорят только сами с собой (а подчас такая мысль действительно приходит в голову); интересен, кстати, сам термин ‘*literati*’. Понятно, что он употреблён не в значении ‘грамотные люди’, ибо очевидно, что тогда в обозначенную группу входили бы и поклонники ‘Властелина колец’, против которых обращено сие выступление (не умей они читать, не были бы и поклонниками). Очевидно, в устах Джеффрис ‘*literati*’ — это ‘знатоки литературы’, знающие, само собой, чего именно знатоками они считаются. Эдакая вещь в

себе»[185].

Разумеется, Джеффрис не осталась в одиночестве. Несколько дней спустя на смену массовому недоверию в журналистско-писательской среде пришло негодование. Кое-кто вернулся к старым издёвкам; некто Говард Джекобсон, писатель, презрительно фыркнул: «Толкиен — это ведь для детей. Или для взрослых, забывших повзрослеть. Ещё один пример того, какая глупость все эти опросы. Пора закрыть библиотеки и тратить деньги на что-то другое»[186].

(Надо иметь в виду, что высказывания Джеффрис, Джекобсона и прочих были опубликованы в ряду других мнений по этому вопросу, принадлежащих самым разным деятелям искусства и литературы. Авторы этих слов знали заранее, что обращаются к широкой аудитории и что их замечания будут соседствовать на газетной полосе с другими точками зрения.)

До сих пор многие феминистки и другие критики повторяют вслед за Мьюиром, что «Властелин колец» — это «книга для мальчишек». Ничего подобного! В действительности, поклонники «Властелина колец» превосходят в разнообразии читателей большинства других книг, написанных за последние несколько десятилетий. Статистика показывает, что женщины читают его наравне с мужчинами, а девочки — наравне с мальчиками. Писатель Эндрю Николдс так вспоминает о своём первом знакомстве с «Властелином колец», состоявшемся ещё в семидесятые: «Пройдёшься вверх по эскалатору [на Северной линии лондонского метро] — а там с правой стороны вечно стоят девчонки и у каждой в руке раскрытый ‘Властелин колец’»[187].

Всеобщий шок сменился подозрениями. В какой-то радиопередаче критик Марк Лоусон намекнул, что данные опросов были подтасованы, и отчаявшиеся ненавистники Толкиена вцепились в эту соломинку. Оказалось, во всём виноваты интернет и «стада толкиенутых капюшонников»[188].

В попытке отстоять свою правоту «literati» из «Дейли телеграф» решили организовать свой опрос, участникам которого предлагалось назвать любимую книгу и любимого писателя. Любимой книгой у большинства оказался «Властелин колец», а любимым писателем — Толкиен. Эти «новые» результаты подлили масла в огонь, и на устроителей опроса вновь посыпались обвинения в нечестности, но теперь уже не столь громогласные. Два месяца спустя общество «Фолио» провело ещё один опрос исключительно среди своих пятидесяти тысяч членов. В голосовании приняло участие десять тысяч человек. Из них 3270 отдали свой голос «Властелину колец» Толкиена. Второе место заняла Джейн Остин («Гордость и предубеждение», 3212

голосов), а третье — «Дэвид Копперфилд», собравший 3070 голосов.

После этого критики в большинстве своём смущённо умолкли, но закалённая Джермина Грир продолжала бушевать: «С тех пор, как я приехала учиться в Кембридж в 1964 году и наткнулась на целый выводок совершенно взрослых женщин, которые носили платья с рукавами-‘фонариками’, тискали плюшевых мишек и возбуждённо лепетали что-то о приключениях хоббитов, меня стала преследовать кошмарная мысль: что, если Толкиен окажется самым влиятельным писателем двадцатого века? И вот кошмар обернулся явью. Во главе списка, под гордым именем книги столетия, стоит ‘Властелин колец’. Самый ненастоящий в мире роман. В большинстве романов действие разворачивается в каком-нибудь узнаваемом месте и в узнаваемое время; Толкиен выдумывает эпоху, выдумывает место и населяет его целой расой выдуманных существ»[189].

Почему же Толкиен вызывает такую неприязнь у людей, считающих себя знатоками литературы? Быть может, на то имеются какие-то скрытые причины?

И вот в чём, пожалуй, самая большая загадка: что плохого в том, что писатель творит вымышленный мир — «выдумывает эпоху, выдумывает место и населяет его целой расой выдуманных существ»? Кто сказал, что так поступать нельзя? Почему романист не вправе писать о выдуманных вещах? Ведь одна из задач романиста в том и состоит, чтобы ввести читателя в некую иную реальность, — иначе книга будет уже не художественной, а документальной. Даже в самых, образно выражаясь, прозаических художественных произведениях описывается не наша, а некая альтернативная действительность. Кто поставил предел, дальше которого фантазия писателя простираться не может?

Среди собратьев Толкиена по перу книги его всегда оставались немодными. Его современники, писатели вроде Эдмунда Уилсона (интересно, кто его сейчас читает?), предпочитали иметь дело с так называемыми глубокими человеческими чувствами; они всячески подчёркивали, что пишут о «реальных вещах», исследуют человеческую жизнь и помогают читателям лучше понять её. Таким образом, то, что Джермина Грир или Марк Лоусон согласились бы счесть «настоящей литературой», — это книги, посвящённые тому, что они считают важным: нравственным ценностям, природе человека или, на худой конец, таким проблемам-«однодневкам», как спорные вопросы политики или религии. Конечно же, на эти темы написано множество прекрасных, талантливых и гениальных книг; но с точки зрения современного литературного критика,

писать обо всём этом можно лишь в определённой манере, диапазон которой весьма и весьма ограничен. И большинство критиков отказываются признать, что «Властелин колец» и «Сильмариллион» Толкиена посвящены именно этим темам. Ведь они написаны не в той манере, которую критики считают единственно правильной!

Впрочем, в наши дни качественная фэнтези постепенно прокладывает себе путь в мир «большой» литературы, а потускневшие корифеи литературного истеблишмента уходят в небытие. Многие критики не устояли под натиском успеха и общественного признания, которого удостоились в последнее время многие одарённые «сказочники» — Дж.К. Роулинг, Филип Пуллмен, Айен Бэнкс и другие. Писатели этого рода работают на стыке жанров, привнося в детскую сказку элементы литературы для взрослых, как поступал полвека назад и Толкиен. Дж.К. Роулинг недавно рассматривалась как претендент на несколько популярных литературных премий для взрослых, а книги Филипа Пуллмена, вероятно, вскоре войдут в шорт-лист претендентов на Букеровскую премию.

Самыми непримиримыми критиками «Властелина колец» становятся те, в ком эта книга пробуждает комплекс неполноценности. Подчас они пытаются сделать вид, что её не существует вовсе. Составительница «Оксфордского справочника английской литературы» Маргарет Дрэббл уделила Толкиену всего двенадцать строк (а Джойсу — семьдесят шесть). Но все эти попытки заведомо обречены на провал. Толкиен — не просто самый популярный писатель двадцатого века: он уже сделался чрезвычайно влиятельной фигурой в литературном мире.

В наши дни жанр фэнтези — один из самых прибыльных и популярных литературных жанров, и большинство авторов фэнтези обязаны своим успехом именно Толкиену. Кроме того, мир Средиземья лёг в основу многих современных компьютерных игр. Целая индустрия развлечений, сложившаяся вокруг ролевой игры «Подземелья и драконы», также уходит корнями в мир толкиеновской мифологии. Многим молодым людям, прочитавшим, перечитавшим и зачитавшим книги Толкиена до дыр, ролевые и компьютерные игры дают возможность погостить в мире Средиземья подольше.

В литературе влияние Толкиена простирается и за рамки жанра фэнтези. Толкиеновский дух нетрудно ощутить, к примеру, в книгах о Гарри Поттере, несмотря на то, что приключения в замке Хогвартс сюжетно и структурно не имеют ничего общего с историей Кольца. А в сфере кино и телевидения влияние Толкиена заметно даже в таких далёких от него по содержанию

лентах, как «Звёздные войны», «Стартрек» или «Вавилон-5».

Более того, мир Толкиена стал предметом многочисленных серьёзных исследований, авторы которых разбирают по косточкам всё Средиземье и проникают в тончайшие нюансы толкиеновских произведений. О Средиземье пишут дипломные работы и кандидатские диссертации, в университетах читают циклы лекций, посвящённые «Властелину колец». В ответ на запрос «Толкиен» или «Властелин колец» поисковая машина в интернете выдаёт ссылки примерно на 450 тысяч сайтов. По приблизительным оценкам, во всём мире к настоящему времени распродано в общей сложности 100 миллионов экземпляров «Властелина колец» или 60 миллионов экземпляры «Хоббита», и ежегодно объёмы продаж возрастают на 3 миллиона экземпляров. Обе книги переведены на три десятка языков, в том числе на сербохорватский, исландский, иврит и русский[190]. Слово «хоббит» внесено в «Оксфордский словарь английского языка», а сохранившееся нетронутым издание «Хоббита» из первого тиража недавно было выставлено в интернете на продажу за 85 000 фунтов стерлингов.

Вдобавок, книги Толкиена оказывают на многих косвенное влияние. Профессор Том Шиппи, ныне занимающий место Толкиена в Оксфордском университете, признался: «Толкиен помог мне стать наблюдателем. Толкиен учит людей наблюдать за птицами, замечать деревья, возиться с живыми изгородями»[191].

Сознавая, что энтузиазм нарастает с каждым годом, Кристофер Толкиен трудился изо всех сил, чтобы открыть поклонникам Толкиена как можно больше нового о Средиземье. После смерти отца он взял на себя гигантский труд по каталогизации и изданию всего огромного собрания толкиеновских заметок, фрагментов, неоконченных историй и неопубликованных рукописей, громоздившихся кипами по всему его кабинету, заполнявших шкафы и ящики письменного стола.

Толкиен оставил после себя три версии «Сильмариллиона»: «Набросок», «Квента» (или «Краткая история нолдоли», написанная около 1930 г.) и «Квента Сильмариллион». Последнюю версию, самую проработанную, Толкиен давал почитать Стенли Анвину в конце 1937 года, после публикации «Хоббита». «Квента Сильмариллион» была главной рабочей рукописью, в которую Толкиен впоследствии внёс множество примечаний и исправлений.

Прежде всего Кристоферу Толкиену предстояло выработать на основе всех этих рукописей и заметок внутренне согласованную, непротиворечивую и законченную версию

«Сильмариллиона». Самому Толкиену это так и не удалось, и теперь справиться с этой задачей мог только близкий ему человек, обладающий тонким литературным чутьём и понимающий Средиземье почти так же хорошо, как и его создатель, но при этом способный сохранять достаточную отстранённость, которая позволила бы выразить толкиеновскую мифологию в форме, пригодной для публикации.

«Сильмариллион», которого так долго ожидали поклонники Толкиена по всему миру, вышел в свет в 1977 году. Это прекрасная, но в некоторых отношениях очень сложная книга. Для почитателей Толкиена, которых давно уже интриговали и ставили в тупик многие детали повествования, развёрнутого во «Властелине колец», «Сильмариллион» многое расставил по местам и стал ответом на многие вопросы. Опубликовав «Сильмариллион», Кристофер Толкиен взялся редактировать «Неоконченные сказания о Нуменоре и Средиземье», которые прояснили ещё множество деталей, а с 1983 по 1996 гг. выпустил в свет двенадцать томов «Истории Средиземья» — тщательно отредактированных и откомментированных материалов из отцовского архива.

Сейчас, когда я пишу эти строки, легионы поклонников Толкиена по всему миру с нетерпением ожидают выхода на экраны первого фильма по «Властелину колец» — «Братства Кольца», премьера которого должна состояться 19 декабря 2001 года. На нескольких веб-сайтах даже появились часы, отсчитывающие время, оставшееся до премьеры. По некоторым прогнозам, этот фильм окажется самым кассовым за всю историю мирового кинематографа, оставив далеко позади «Звёздные войны» и другие блокбастеры.

Голливудские режиссёры давно пытались подступиться к Толкиену. Ещё в 1957 году продюсеры Форрест Дж. Аккерман, Мортон Грейди Циммерман и Эл Бродакс предложили ему заявку на мультфильм «Властелин колец», но Толкиен, как и следовало ожидать, не оставил от неё и камня на камне. Он написал рецензию в две тысячи слов (сопоставимую по объёму с самой заявкой), в которой подверг резкой критике весь сценарий вплоть до мельчайших деталей. И на то имелись все основания: сценарий действительно представлял собой жалкую пародию на оригинал, до отвращения примитивную и проникнутую покровительственным духом. После недолгой переписки американские продюсеры поняли, что ничего не добьются, и отступились.

Спустя много лет права на постановку фильма по «Властелину колец» приобрела компания «Юнайтед Артистс», по

слухам, заплатившая английскому режиссёру Джону Бурмену не меньше миллиона за сценарий — с тем, чтобы действие всех трёх томов уместилось в односерийный полнометражный фильм. Но сценарий «Юнайтед Артистс» не понравился, и Бурмен занялся другими фильмами, в том числе «Экскалибуром» и «Избавлением».

В 1978 году американский режиссёр Ральф Бакши выпустил фильм по «Властелину колец», выполненный в так называемой технике ротоскопии, позволявшей объединить игру актёров с анимацией (компьютерные эффекты для этого стали применяться гораздо позже). Критики откликнулись разгромными рецензиями — не в последнюю очередь потому, что фильма обрывался на середине повествования. Бакши планировал снять вторую часть позже, но неприятие со стороны критиков и толкиеновских фэнов заставило его отказаться от этого проекта.

Фильму по «Властелину колец», съёмки которого сейчас идут в Новой Зеландии, по всей видимости, уготована иная судьба. Его режиссёр и один из авторов сценария, новозеландец Питер Джексон, — давний поклонник Толкиена, и работать над фильмом по «Властелину колец» он начал с 1994 года. Он обратился в компанию «Мирамакс», которой в то время принадлежали права на съёмку такого фильма. Но сотрудники компании плохо понимали, с чем имеют дело, и полагали, что единственный возможный способ поставить фильм по «Властелину колец» — сжать три книги в одну серию. Джексон на это не пошёл: он хотел снять сериал, наподобие «Звёздных войн» или «Индианы Джонса». Тогда сотрудники «Мирамакс» дали Джексону две недели на поиски продюсеров, которые согласились бы спонсировать такой сериал. Джексон обратился в «Нью Лайн Синема» (часть корпорации «АОЛ/Уорнер»), которая и выделила ему средства на съёмку трёх фильмов киноэпопеи.

Все съёмки проводились в Новой Зеландии, ландшафты которой достаточно разнообразны для того, чтобы послужить прототипом кинематографического Средиземья. Сьёмки II и III частей трилогии продолжаются до сих пор; на экраны эти части выйдут в декабре 2002 и 2003 гг. соответственно.

Съёмки I части — «Братство Кольца» — продолжались 274 дня; в них было задействовано более 2000 человек и около 300 декораций. Бюджет фильма по самым скромным оценкам составляет около 200 миллионов долларов США. Наряду с такими ветеранами, как Ян Маккеллен (Гэндальф), Ян Хольм (Бильбо) и Кристофер Ли (Саруман), в фильме участвуют и молодые звёзды экрана — Кейт Бленчетт (Галадриэль), Лив Тайлер (Арвен) и Хьюго Уивер (Элронд). Роли хоббитов достались новичкам —

Элайе Вуду (Фродо), Шон Астину (Сэм), Билли Бойду (Пиппин) и Доминику Монагану (Мерри).

Поклонники Толкиена опасаются, что режиссёр слишком далеко отступит от оригинала, и независимо от того, насколько хорош окажется фильм, у него наверняка найдутся противники. По словам Ричарда Крошо из «Толкиеновского общества», «сам Толкиен считал, что по его книге нельзя поставить фильм. Нам тоже кажется, что передать эту книгу во всей глубине и полноте средствами кинематографа невозможно». Однако сам Питер Джексон, работавший над этим фильмом в течение пяти лет по шестнадцать часов в сутки, не разделяет этого предубеждения: «С тех пор как Толкиен написал свою книгу, прошло много лет, и кинопромышленность уже доросла до его фантазии», — парировал он[192]. Продюсер фильма Барри Осборн заверяет: «Мы сделали всё возможное, чтобы передать дух Толкиена. Мы сделали всё возможное, чтобы удовлетворить все пожелания фэнов»[193]. Это подтверждают и многие из тех, кто видел клипы и анонсы. А один писатель, побывавший на съёмках фильма, рассказывал: «Дух Толкиена там действительно есть. Фильм мрачный, грозный»[194]. И тем не менее, фильм неизбежно будет нести на себе отпечаток личности самого Питера Джексона, и понятно, что далеко не все согласятся с его интерпретацией книги. «Я хочу сделать такой фильм, какой мог бы понравиться самому Толкиену, — говорит Питер Джексон. — Но для того, чтобы фильм получился честным, это должен быть мой фильм, фильм Питера Джексона, моя собственная, глубоко личная версия этой потрясающей, классической английской книги»[195].

До премьеры фильма осталось всего несколько месяцев, и возбуждение нарастает с каждым днём. В 2000 году первый пробный анонс скачали из интернета 1,7 миллиона посетителей, а летом 2001 года, когда был открыт официальный веб-сайт фильма, только за первую неделю на нём побывали 62 миллиона человек. В некоторых кинотеатрах запустили 90-секундный рекламный ролик, и, по сообщениям издателей, после каждой демонстрации клипа объём продаж «Властелина колец» резко возрастал. В преддверии премьеры фильма спрос на книги Толкиена в США и Великобритании достиг небывалых высот. Представитель американского издательского дома «Баллантайн», выпускающего «Властелина колец» в мягкой обложке, заявил: «Объёмы продаж взлетели выше крыши»[196]. Появились и первые признаки того, что Толкиена стали открывать для себя легионы поклонников Гарри Поттера — главным образом, дети в возрасте от 7 до 14 лет.

Естественно, всё это предвещает фильму небывалый

коммерческий успех. Права на фильм проданы давным-давно, так что сам кинопрокат наследникам Толкиена не принесёт почти ничего, но после выхода фильма на экраны спрос на книги Толкиена станет ещё больше, а контракт с участием в прибылях, заключённый Рейнером Анвином в 1952 году, до сих пор остаётся в силе.

Но несмотря на эту очевидную выгоду, наследники Толкиена наверняка будут выступать против фильма. Сам Толкиен терпеть не мог Голливуд и все постановки по его книгам неизменно его раздражали. Литературный агент Толкиена, Кристофер Толкиен, не поддерживает никаких контактов с производителями фильма и, по некоторым сведениям, все дети Толкиена полностью разделяют точку зрения своего отца и многих его читателей, убеждённых в том, что фильм по «Властелину колец» ставить не следует. Они полагают, что в книге сказано всё, что нужно, и ни в каких новых интерпретациях она не нуждается.

«Властелин колец» — книга уникальная во многих отношениях. По объёму продаж она превзошла все прочие художественные произведения; она вызвала больше споров, чем любая другая книга, написанная в двадцатом веке, а её киноверсия, выходящая на экраны спустя полвека после первой её публикации, привлекла к ней внимание целого нового поколения потенциальных читателей, которым ещё только предстоит открыть для себя мир Средиземья. Но чем же этой самой знаменитой из книг, созданных в жанре фэнтези, удаётся по сей день завоёвывать сердца всё новых и новых поклонников?

«Властелин колец» — это не просто мир фэнтези со всеми положенными батальными сценами, диковинными существами и увлекательными приключениями. Толкиен пишет о глубоких чувствах и исследует природу человека не менее тщательно, чем любой другой современный писатель.

Толкиен затрагивает вечные темы. Он пишет о дружбе и верности. Он размышляет о природе зависимости, символом которой служит само Кольцо. Ни одно существо, будь то человек, хоббит, эльф или даже истари, не защищено от воздействия Кольца, но каждый реагирует на него по-своему, и эти реакции не только служат развитию сюжета, но и помогают глубже понять личность каждого из персонажей.

Персонажей Толкиена нередко описывали как неправдоподобно добрых либо неисправимо злых, но такая точка зрения несправедлива. Во-первых, даже у положительных персонажей есть свои слабости: хоббиты нарушают запреты, эльфы и гномы лишь с трудом преодолевают застарелую неприязнь друг к другу. Более того, положительные персонажи

способны на дурные помыслы: к примеру, Галадриэль задумывается о том, чего она могла бы добиться с помощью Кольца. С другой стороны, отрицательные персонажи не могут себе представить, что кто-то способен устоять перед соблазном Кольца, и Саурон живёт в вечном страхе перед тем, что кто-нибудь из великих Владык, Гэндальф, или, к примеру, Арагорн, завладеет Кольцом и бросит Мордору открытый вызов. Саурон, будучи воплощением зла, не может даже помыслить, что на свете найдётся существо, способное отвергнуть соблазн власти и уничтожить Кольцо.

Во-вторых, среди толкиеновских персонажей встречаются и такие, которых назвать всецело положительными или, напротив, отрицательными невозможно. Боромир слаб духом, но по природе добр и успевает искупить свою вину перед смертью. А Голлум, один из самых загадочных и самых жалостных персонажей, когда-либо выходивших из-под пера писателей, не властен над собой: им движет всепоглощающая привязанность к Кольцу.

Итак, Толкиену удалось создать не только мифологию и альтернативную реальность (по необъяснимой причине вызывающую такое недовольство у некоторых критиков), но и правдоподобные, многогранные характеры. Вдобавок, он затронул множество эмоциональных и духовных дилемм, великолепно справившись при этом со сложным сюжетом и поведав своим читателям поистине захватывающую историю.

Кроме того, многие люди находят в толкиеновском мире утешение и уютное пристанище. Средиземье — это мир, хранящий благородные традиции и великое наследие, мир, в котором прошлое не менее важно, чем настоящее, и ценится куда больше, чем любые благие намерения и помыслы о будущем.

В связи с этим возникло ещё одно распространённое обвинение в адрес Толкиена, состоящее в том, что его книги — это, якобы, чистой воды эскапизм. «Властелин колец» невероятно увлекателен, и в качестве развлекательной книги он действительно помогает бежать от действительности тем, кто этого хочет. Но этим его смысл отнюдь не исчерпывается. Книги Толкиена завоевали столько поклонников отчасти и потому, что автор их инстинктивно понимал и воплощал в своих книгах юнговскую концепцию архетипов.

Ещё в начале двадцатого века швейцарский психолог Карл Густав Юнг выдвинул гипотезу о «коллективном бессознательном» и предположил, что в подсознании каждого человека заключена система неких примитивных образов, общих для всех людей, вне зависимости от их возраста и происхождения. Эти образы Юнг назвал архетипами и определил их так:

«Изначальные образы — это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль»[197]. Юнг считал, что это не просто врождённые идеи, а, скорее «потенциальные формы», которые дремлют в нашем подсознании, но могут пробудиться и стать осознанными.

Все великие художники, в какой бы области они ни творили, способны управлять эмоциями, обращаясь к архетипам. Они умеют вызвать сильный эмоциональный отклик на эти общие для всех нас подсознательные образы. Так поступают Стивен Спилберг и Джордж Лукас; так поступал Пикассо; так поступали «Битлз». Многие из тех, кто лучше прочих умеет пробуждать архетипические образы, действуют инстинктивно, не понимая, что творят, — а если бы поняли, то, быть может, лишились бы своего дара. Толкиен не интересовался психологией и насмехался над психоанализом, но это ничуть не умаляло его прирождённой способности пробуждать к жизни архетипы в подсознании своих читателей.

Благодаря этой способности книги Толкиена и обрели над многими такую удивительную власть. Благодаря ей читатели погружаются в его мир с головой и подчас остаются в этом мире на всю жизнь. Настоящему поклоннику Толкиена прочитанного всегда будет мало — сколько бы он ни прочёл. Он хочет ещё и ещё — ещё подробностей, ещё информации. Толкиен мог бы написать о Средиземье десять миллионов слов или десять миллионов страниц — и этого всё равно было бы недостаточно. Однако и тысячи написанных им страниц хватает для того, чтобы по-прежнему увлекать миллионы читателей и дарить им совершенно правдоподобный и неотразимо притягательный альтернативный мир, не имеющий себе равных во всей истории литературы.

Хронология

1891 — родители Толкиена, Мэйбл и Артур, сочетаются браком в Кейптауне.

1892 — 3 января в Блумфонтейне родился Джон Рональд Руэл Толкиен.

1894 — 17 февраля в Блумфонтейне родился брат Рональда, Хилари.

1896 — 15 февраля в Блумфонтейне умирает отец Толкиена; Мэйбл, Рональд и Хилари находятся в это время в Англии.

1896 — летом семья переезжает в Сэйрхоул.

1900 — Мэйбл Толкиен принята в лоно католической церкви. Семья возвращается в Бирмингем и поселяется в центральном районе города. Толкиен поступает в школу короля Эдуарда.

1901 — 22 января умирает королева Виктория.

1901 — семья переезжает в район Кингз-Хит.

1902 — семья переезжает на Оливер-роуд, в пригород Эджбастон. Рональд и Хилари посещают католическую школу Святого Филиппа.

1903 — Толкиен получает стипендию и осенью возвращается в школу короля Эдуарда.

1904 — в ноябре мать Толкиена умирает от диабета в возрасте тридцати четырёх лет.

1905 — братья переселяются в дом тётушки Беатрис.

1908 — братья переселяются в дом Фолкнеров.

1909 — весной начинается роман Толкиена с Эдит Брэтт. Осенью Толкиену не удаётся сдать экзамен на стипендию в Оксфорде. Ему запрещают встречаться с Эдит.

1910 — осенью Толкиен успешно сдаёт экзамен на стипендию, и его зачисляют в оксфордский Эксетер-Колледж.

1911 — летом Толкиен посещает Швейцарию. В октябре начинаются занятия в Оксфорде.

1913 — в январе Рональд воссоединяется с Эдит. Затем сдает промежуточный экзамен на степень бакалавра и получает второй класс отличия. Летом переходит на факультет английского языка и литературы.

1914 — в январе Эдит принята в лоно католической церкви. В том же месяце они с Рональдом заключают помолвку. 4 августа Великобритания объявляет войну Германии. В октябре Рональд возвращается в опустевший университет, чтобы продолжить учёбу.

1915 — летом Толкиен сдаёт окончательный экзамен на степень бакалавра с отличием первого класса.

1916 — 22 марта Рональд и Эдит сочетаются браком в Уорике. 4 июня Толкиена отсылают во Францию. 1 июля — начало битвы при Сомме. 14 июля Толкиен впервые участвует в боевых действиях. В ноябре он заболевает окопной лихорадкой и возвращается в Англию.

1917 — 6 ноября рождается старший сын Толкиена — Джон.

1918 — 11 ноября — окончание первой мировой войны. В том же месяце Толкиен с семьёй переезжает в Оксфорд и приступает к работе над «Новым словарём английского языка».

1919 — Толкиен начинает давать частные уроки студентам. Семья переезжает на Альфред-стрит.

1920 — Толкиен становится лектором на факультете английского языка в университете Лидса. В октябре рождается второй сын Толкиена — Майкл. На Рождество — первое «Письмо Деда-Мороза».

1922 — Толкиен и Э.В. Гордон готовят издание «Сэра Гавейна и Зелёного рыцаря».

1924 — в октябре Толкиена назначают профессором английского языка в университете Лидса. В ноябре рождается третий сын — Кристофер.

1925 — в октябре Толкиен избран профессором англосаксонского языка в колледже Ролинсона и Бозуорта в Оксфорде.

1926 — в январе семья переезжает в дом №22 по Нортмур-роуд. Весной Толкиен организует клуб «Углегрызов». Летом знакомится с К.С. Льюисом.

1929 — рождается дочь Толкиена, Присцилла.

1930 — Толкиены переезжают в дом №20 по Нормур-роуд.

1930/1931 — Толкиен начинает писать «Хоббита».

1933 — первое собрание «Инклингов».

1935 — 11 июня умирает в возрасте семидесяти восьми лет бывший опекун Толкиена отец Френсис Морган.

1937 — в сентябре выходит первое издание «Хоббита» в Великобритании. В конце декабря Толкиен начинает писать «Властелина колец».

1938 — весной американское издательство «Хоутон Миффлин» публикует «Хоббита». Толкиену присуждают премию «Нью-Йорк геральд трибьюн».

1939 — 3 сентября Великобритания объявляет войну Германии.

1942 — К.С. Льюис публикует «Письма Баламута».

1943 — Толкиен пишет «Лист работы Ниггля».

1945 — 9 мая завершается война в Европе. Вскоре умирает один из «Инклингов», Чарльз Уильямс. Летом Толкиен становится

профессором английского языка и литературы в Мёртон-Колледже.

1947 — в марте Толкиены переезжают в дом №3 на Мэнор-роуд.

1949 — осенью Толкиен завершает «Властелина колец». Издан «Фермер Джайлс из Хэма». В декабре Толкиен знакомится с Мильтоном Уолдменов из издательства «Коллинз».

1950 — К.С. Льюис публикует первую книгу «Хроник Нарнии» — «Лев, колдунья и платяной шкаф». Семья Толкиенов переезжает в дом №99 по Холиуэлл-стрит. Начинаются споры по поводу издания «Властелина колец».

1952 — осенью Толкиен передаёт рукопись «Властелина колец» в издательство «Джордж Аллен энд Анвин».

1953 — Эдит и Рональд переезжают в дом №76 по Сэндфилд-роуд (Хедингтон).

1954 — в августе издано «Братство Кольца», в ноябре — «Две твердыни».

1955 — в октябре издано «Возвращение короля».

1957 — Толкиен продаёт рукописи «Хоббита» и «Властелина колец» американскому университету.

1959 — Толкиен выходит на пенсию.

1962 — изданы «Приключения Тома Бомбадила».

1963 — 22 ноября умирает К.С. Льюис.

1965 — в августе американское издательство «Эйс Букс» выпускает пиратское издание «Властелина колец». Позднее в том же году выходит официальное баллантайновское издание.

1966 — «Эйс Букс» выплачивают Толкиену гонорар. «Властелин колец» становится международным бестселлером. В марте Эдит и Рональд отмечают золотую свадьбу в садах Мёртон-Колледжа.

1967 — издан «Кузнец из Большого Вуттона».

1968 — Эдит и Рональд переезжает в Пул и поселяются в доме №19 по Лейксайд-роуд.

1971 — 29 ноября умирает Эдит.

1972 – в марте Толкиен поселяется в квартире на Мёртон-стрит в Оксфорде. Весной его награждают орденом Британской империи второй степени. В июне Оксфордский университет присваивает ему почётную степень доктора литературы.

1973 — 2 сентября Толкиен умирает в Борнмуте.

1976 — изданы «Письма Деда-Мороза».

1977 — издан «Сильмариллион».

1979 — изданы «Рисунки Дж.Р.Р. Толкиена».

1982 — издан «Мистер Блисс».

1983 — 1996 — выходит в свет двенадцатитомная «История

Средиземья» под редакцией Кристофера Толкиена.

1984 — издана «Ровериада».

2001 — летом выставлено на продажу за 85 000 фунтов стерлингов издание «Хоббита» из первого тиража. «Хоббит» и «Властелин колец» появляются в списке бестселлеров «Нью-Йорк таймс». В декабре выходит в мировой прокат первая часть фильма «Властелин колец» — «Братство кольца» (вторая и третья части выходят на экраны в 2002 и 2003 гг.).

Избранная библиография

Художественные произведения Дж.Р.Р. Толкиена

«Хоббит, или Туда и обратно»:
The Hobbit: or There and Back Again. George Allen and Unwin, London, 1937.

«Лист работы Ниггля»:
Leaf By Niggle, 1-е издание: *The Dublin Review*, January 1945. Позднее опубликован вместе с эссе «О волшебных сказках» (*On Fairy-Stories*) в составе сборника «Дерево и лист»: *Tree and Leaf*. George Allen and Unwin, London, 1964.

«Фермер Джайлс из Хэма»:
Farmer Giles of Ham, George Allen and Unwin, London, 1949.

«Братство кольца»:
The Fellowship of the Ring: being the First Part of The Lord of the Rings, George Allen and Unwin, London, 1954.

«Две твердыни»:
The Two Towers: being the Second Part of the Lord of the Rings, George Allen and Unwin, London, 1954.

«Возвращение короля»:
The Return of the King: being the Third Part of the Lord of the Rings, George Allen and Unwin, London, 1955.

«Приключения Тома Бомбадила»:
The Adventures of Tom Bombadil and other verses from the Red Book, George Allen and Unwin, London, 1962.

Стихотворения «Давным-давно» («Once Upon a Time») и «Визит дракона» («The Dragon's Visit») в составе сборника «Зимние сказки для детей: I»: *Winter's Tales for Children: I*, ed. by Caroline Hillier, Macmillan, London, 1965.

«Кузнец из Большого Вуттона»:
Smith of Wootton Major, George Allen and Unwin, London, 1967.

«Ведёт дорога от ворот: Цикл песен» (стихотворения Дж.Р.Р. Толкиена, положенные на музыку Дональдом Сванном):

The Road Goes Ever On: A Songe Cycle. Poems by J.R.R. Tolkien set to music by Donald Swann, George Allen and Unwin, London, 1967.

«Письма Деда-Мороза»:
The Father Christmas Letters, edited by Baillie Tolkien, George Allen and Unwin, London, 1976.

«Сильмариллион» под редакцией Кристофера Толкиена:
The Silmarillion, edited by Christopher Tolkien, George Allen and Unwin, London, 1977.

«Рисунки Дж.Р.Р. Толкиена» с предисловием и примечаниями Кристофера Толкиена:
Pictures by J.R.R. Tolkien, foreword and notes by Christopher Tolkien, George Allen and Unwin, London, 1979.

«Неоконченные сказания о Нуменоре и Средиземье» под редакцией Кристофера Толкиена:
Unfinished Tales of Númenor and Middle-earth, edited by Christopher Tolkien, George Allen and Unwin, London, 1980.

«Мистер Блисс»:
Mister Bliss, George Allen and Unwin, London, 1982.

«'Монстры и критики' и другие эссе», под редакцией Кристофера Толкиена:
The Monsters and the Critics and Other Essays, edited by Christopher Tolkien, George Allen and Unwin, London, 1983.

«История Средиземья» в 12-ти томах под редакцией Кристофера Толкиена:
The History of Middle-earth. Twelve volumes, all edited by Christopher Tolkien.
I. *The Book of Lost Tales, Part One*. George Allen and Unwin, London, 1983.
II. *The Book of Lost Tales, Part Two*. George Allen and Unwin, London, 1984.
III. *The Lays of Beleriand*. George Allen and Unwin, London, 1985.
IV. *The Shaping of Middle-Earth: The Quenta, the Ambarkanta and the Annals*, George Allen and Unwin, London, 1986.
V. *The Lost Road and other Writings*, Unwin Hyman, London, 1987.
VI. *The Return of the Shadow*, Unwin Hyman, London, 1988.
VII. *The Treason of Isengard*, Unwin Hyman, London, 1989.
VIII. *The War of the Ring*, Unwin Hyman, London, 1990.

IX. *Sauron Defeated: The End of the Third Age, the Notion Club Papers and the Drowning of Anadune*, HarperCollins, London, 1992.

X. *Morgoth's Ring: The Later Silmarillion, Part One*, HarperCollins, London, 1993.

XI. *The War of the Jewels: The Later Silmarillion, Part Two*, HarperCollins, London, 1994.

XII. *The Peoples of Middle-earth*, HarperCollins, London, 1996.

Книги о Дж.Р.Р. Толкиене и Средиземье

Anderson, Douglas A. (editor). *The Annotated Hobbit*, Unwin and Hyman, London, 1988.

Becker, Alida (ed.). *The Tolkien Scrapbook*, Running Press, Philadelphia, USA, 1978.

Blackwelder, Richard A. *A Tolkien Thesaurus*, Garland, New York and London, 1990.

Bodleian Library, *J.R.R. Tolkien: Life and Legend. An Exhibition to Commemorate the Centenary of the Birth of J.R.R. Tolkien*, The Bodleian Library, Oxford, 1992.

Carpenter, Humphrey. *J.R.R. Tolkien: A Biography*. George Allen and Unwin, London, 1977.

Carpenter, Humphrey. *The Inklings: C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and their Friends*, George Allen and Unwin, London, 1978.

Carpenter, Humphrey (editor, with the assistance of Christopher Tolkien). *The Letters of J.R.R. Tolkien*, George Allen and Unwin, London, 1981.

Carter, Lin. *Tolkien: A Look Behind The Lord of the Rings*, Ballantine Books, New York, USA, 1969.

Cunningham, Valentine. *British Writers of the Thirties*, OUP, Oxford, 1988.

Curry, Patrick. *Defending Middle-Earth, Tolkien: Myth and Modernity*, HarperCollins, London, 1997.

Flieger, Verlyn. *Splintered Light: Logos and Language in Tolkien's World*, William B. Eerdmans, Grand Rapids, Michigan, USA, 1983.

Foster, Robert. *The Complete Guide to Middle-earth: From The Hobbit to The Silmarillion*, Ballantine Books, New York, 1978.

George, Clark and Timmons, Dan (editors), *J.R.R. Tolkien and his Literary Resonances: Views of Middle-earth*, Greenwood Press, 2000.

Giddings, Robert (editor). *J.R.R. Tolkien: This Far Land*, Visions and Barnes and Noble, London, 1983.

Hammond, Wayne. *J.R.R. Tolkien, Artist and Illustrator*, HarperCollins, London, 1995.

Helms, Randel. *Tolkien's World*, Thames and Hudson, London, 1974.

Isaacs, Neil D. and Zimbardo, Rose A. (editors). *Tolkien and the Critics: Essays on J.R.R. Tolkien's The Lord of the Rings*, University of Notre Dame Press, Notre Dame and London, 1968.

Johnson, Judith A. (editor). *J.R.R. Tolkien: Six Decades of Criticism*, Greenwood, London, 1968.

Kilby, Clyde. *Tolkien and The Silmarillion*, Harold Shaw

Publishers, USA, 1976.

Kocher, Paul H. *Master of Middle-earth: The Fiction of J.R.R. Tolkien*, Houghton Mifflin, Boston, USA, 1972.

Lobdell, Jarad (editor), *Guide to the Names in The Lord of the Rings, A Tolkien Compass*, Open Court, La Salle, Illinois, USA, 1975.

Moseley, Charles. *J.R.R. Tolkien*, Northcote House Publishers, Plymouth, England, 1997.

Pearce, Joseph. *Tolkien. Man and Myth: A Literary Life*, HarperCollins, London, 1998.

Rosebury, Brian. *Tolkien: A Critical Assessment*, St Martin's Press, London, 1992.

Salu, Mary and Farrell, Robert T. (editors). *Tolkien, Scholar and Storyteller: Essays in Memoriam*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 1979.

Shippey, Tom. *The Road to Middle-earth*, George Allen and Unwin, London, 1982.

Shippey, Tom. *J.R.R. Tolkien: Author of the Century*. HarperCollins, London, 2000.

Tyler, J.E.A. *The Tolkien Companion*. Pan, London, 1977.

Wynn Fonstad, Karen. *The Atlas of Middle-earth*, HarperCollins, London, 1994.

Прочая литература

Gibb, Jocelyn (editor, with contributions by Owen Barfield and others). *Light on C.S. Lewis*, Geoffrey Bles, London, 1965.

Green, Roger Lancelyn and Hooper, Walter. *C.S. Lewis: A Biography*. Collins, London, 1974.

Hooper, Walter (editor), *Of Other Worlds: Essays and Stories*, Geoffrey Bles, London, 1966.

Hooper, Walter. *C.S. Lewis: A Companion and Guide*, HarperCollins, London, 1996.

Lewis C.S. *The Pilgrim's Regress: An Allegorical Apology for Christianity, Reason and Romanticism*, J.M. Dent, London, 1933.

Lewis C.S. *The Allegory of Love: A Study in Medieval Tradition*, Clarendon Press, Oxford, 1936.

Lewis C.S. *Out of the Silent Planet*, The Bodley Head, London, 1938.

Lewis C.S. *The Screwtape Lettes*, Geoffrey Bles, London, 1942.

Lewis C.S. *Perelandra (Voyage to Venus)*, The Bodley Head, London, 1943.

Lewis C.S. *That Hideous Strength*, The Bodley Head, London, 1945.

Lewis C.S. *The Great Divorce*, Geoffrey Bles, London, 1946.

Lewis C.S. *The Lion, the Witch and the Wardrobe*, Geoffrey Bles, London, 1950.

Lewis W.H. (edited and with introduction by). *Letters of C.S. Lewis*, Geoffrey Bles, London, 1966.

Williams, Charles. *All Hallow's Eve*. Faber and Faber, London, 1945.

Веб-сайты

На запросы «TOLKIEN»и «LORD OF THE RINGS» поисковые машины выдают около полумиллиона ссылок. Вот некоторые из самых полезных и увлекательных:

«Толкиеновское общество» находится по адресу: http:// www.tolkiensociety.org. Это первый и официальный «фэн-клуб» Толкиена, располагающий массой толкиеновских материалов.

Гипертекстовый толкиеновский FAQ находится по адресу: http://www.daimi.au.dk/~bouvin/tolkienfaq.html.

Сайт «The Tolkien Network», содержащий множество ссылок на другие толкиеновские веб-сайты, находится по адресу: http:// www.tolkien.nu.

Кроме того, существуют тысячи сайтов, посвящённых фильму «Властелин колец». Для начала можно обратиться по адресам: http://www.theonering.net, http://www.lordoftheringsmovie.com и http://thelordofthering.com.

Наконец, сайт «Мифопоэтического общества» находится по адресу: http://home.earth.net.html.

notes

1

Школьный аттестат (School Certificate) — форма аттестата зрелости, существовавшая до 1951 г.; в наше время британские школьники в шестнадцать лет сдают экзамен на получение аттестата об общем среднем образовании (General Certificate of Secondary Education). — Прим. автора.

2

«Ллойдз банк» — один из крупнейших коммерческих банков, основан в 1865 г. — Прим. перев.

3

Сразу же приходит на ум, что этот случай с тарантулом запал восприимчивому ребёнку глубоко в душу и впоследствии породил образ Шелоб — гигантской паучихи, обитавшей на границе Мордора. Но гораздо более вероятно, что Толкиен помнил не сам этот эпизод, а сложившуюся о нём семейную легенду, под влиянием которой в соответствующей сцене «Властелина колец» и появилась паучиха, а не какая-нибудь крыса или змея. — Прим. автора.

4

Крюгер, Пауль (1825 — 1904) — один из лидеров бурского восстания против англичан в 1800 г., с 1883 по 1900 гг. — президент Республики Трансвааль. Стремился создать в Трансваале независимое африканерское государство, что послужило одной из главных причин англо-бурской войны 1899 — 1902 гг. — Прим. перев.

5

Лэнг, Эндрю (1844 — 1912) — шотландский учёный, поэт, литературный критик, фольклорист и антрополог, переводчик Гомера. Составитель двенадцатитомной коллекции сказок для детей (именуемых по цвету обложки — от «Синей книги сказок» до «Сиреневой книги сказок»), в которую вошли сказки разных народов мира и пересказы древних мифов. — Прим. перев.

6

Единственным исключением стали композиции Дональда Сванна, который в 1967 г. положил на музыку стихотворения из толкиеновского сборника «Ведёт дорога от ворот…». Толкиен остался очень доволен. — Прим. автора.

7

Ораторианская церковь — церковь ораторианцев, старейших из католических конгрегаций (основана в 1575 г. итальянским святым Филиппо Нери). Ораторианская община состоит из священников, живущих в послушании, но не приносящих монашеских обетов. Своей целью ораторианцы ставят возвращение к духу простоты апостольских времён в молитве, проповеди и совершении таинств. — Прим. перев.

8

Ньюмен, Джон Генри (1801 — 1890) — английский кардинал, один из выдающихся религиозных мыслителей и литераторов XIX в. В 1824 г. стал священником англиканской церкви. В 1833 — 1840 гг. принимал активное участие в т.наз. «оксфордском движении», выступавшем против стремления государства реформировать англиканскую церковь и контролировать её деятельность, и развивал теорию о промежуточном положении англиканства между католицизмом и протестантизмом. В начале 40-х гг. обратился к католическому идеалу святости, в 1843 г. ушёл в отставку с поста викария, а в 1845 г. перешёл в католичество. В 1846 г. совершил паломничество в Рим, в 1847 г. стал католическим священником и по совету папы Пия IX основал ораторианскую общину в Англии, семь лет спустя обосновавшуюся в Эджбастоне. В 50-е гг. занимал пост ректора Католического университета Ирландии, руководил авторитетным католическим журналом «Странник». В 1879 г. был назначен кардиналом. — Прим. перев.

9

«Среднеанглийским» называется язык, употреблявшийся в период между 1100 и 1500 гг. Язык периода 700—1100 гг. называется «древнеанглийским», а периода после 1500 г. — «современным английским». — Прим. автора.

10

Конфирмация (миропомазание) — христианское религиозное таинство, совершаемое над ребёнком по достижении сознательного возраста и призванное сообщить верующему дар Святого Духа и подтвердить крещальные обеты. — Прим. перев.

11

«Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 34). — Прим. автора.

12

Ibid, p. 401. — Прим. автора.

13

В письме к Майклу Толкиену от 24 января 1972 г. Толкиен открыто назвал отца Фрэнсиса Моргана своим «вторым отцом» (ibid, p. 416). Отец Фрэнсис родился в январе 1857 г. и был старше родного отца Толкиена всего на несколько недель. — Прим. автора.

14

Дочь хозяев дома. — Прим. перев.

15

Эта травма повлекла за собой дефект речи: Толкиен стал нечётко произносить слова, и с годами этот недостаток только усугубился. — Прим. автора.

16

«Сэр Гавейн и Зелёный рыцарь» — английская аллитеративная поэма XIV в. (автор неизвестен). Признана величайшим из средневековых английских романов Артуровского цикла. — Прим. перев.

17

Эксетер-колледж — один из старейших колледжей Оксфордского университета. — Прим. перев.

18

Экзаменационные требования для получения так называемой «открытой» стипендии выше, чем при сдаче экзаменов на «закрытую» стипендию, выделяемую на особых условиях (например, в зависимости от места рождения учащегося, профессии его родителей и т.п.). Стипендия шла в счёт оплаты за обучение, содержание и т.п. и на руки студентам не выдавалась. — Прим. перев.

19

«Возвращение в Брайдсхед» (1945 г.) — роман английского писателя И. Во (1903 — 1966), повествующий о распаде семьи католиков-аристократов. На страницах этого романа ярко воссоздан образ привилегированного колледжа Крайст-Чёрч, хорошо знакомого писателю по периоду его учёбы в Оксфорде. — Прим. перев.

20

Англ. Honour Moderations, экзамен, включающий ряд письменных работ по различным предметам, имеющим отношение к теме, изучаемой кандидатом. По результатам экзаменов кандидату присуждаются степени отличия — от первой (высшей) до четвёртой. — Прим. перев.

21

Чарльз Моузли. Дж.Р.Р. Толкиен (Charles Moseley. *J.R.R. Tolkien*. Northcote House Publishers, Plymouth, 1997, p. 16). — Прим. автора.

22

Блэкпул — один из самых популярных приморских курортов Великобритании. — Прим. перев.

23

Скит, Уолтер Уильям (1835 — 1915) — английский филолог-лингвист, один из ведущих сотрудников Общества изучения древнеанглийских текстов, автор первого научного этимологического словаря английского языка (1879 — 1882), издатель полного собрания сочинений Чосера (1894 — 1897). В 1878 — 1912 гг. — профессор англосаксонского языка в Кембриджском университете. — Прим. перев.

24

«Сердечное согласие» (фр. Entente Cordiale) — союзный договор между Францией и Великобританией, заключённый в 1904 г. и послуживший основой для образованного в 1907 году союза Тройственного согласия (Антанты) между Великобританией, Францией и Россией. — Прим. перев.

25

Добровольная организация при пансионах и университетах, предназначенная для подготовки офицеров. — Прим. перев.

26

Несколько воздушных атак на британские города в первую мировую войну всё же случилось. Однако налёт немецких цеппелинов на Лондон в ночь с 19 на 20 января 1915 года вызвал у горожан скорее гнев и возмущение, чем панику. В 1915 году произошло ещё восемнадцать таких налётов. Больше всего потерь гражданское население понесло при атаке на Лондон 13 октября, когда погибло пятьдесят девять человек. — Прим. автора.

27

Фалькенхайн, Эрих фон (1861 — 1922) — германский генерал пехоты, в 1913 — 1914 гг. военный министр Германии. В 1914 г. был назначен начальником генштаба, но за неудачу под Верденом в 1916 г. снят с поста. — Прим. перев.

28

Хейг, Дуглас (1861 — 1928) — британский генерал, с 1915 г. — главнокомандующий английскими экспедиционными войсками во Франции. — Прим. перев.

29

Фрагмент стихотворения «Dulce et decorum est» (лат. «[Умереть за отечество] сладко и пристойно»), написанного в 1916 или 1917 г. английским поэтом Уилфредом Оуэном (1893 — 1918), одним из самых знаменитых представителей «окопной поэзии». Цитата дана в переводе М. Зенкевича по изданию: Английская поэзия в русских переводах. XX век. М.: «Радуга», 1984, с. 321. — Прим. перев.

30

В свете этого не удивительно, что К.С. Льюис в своей автобиографии «Настигнут радостью» [рус. пер. см.: Собрание сочинений К.С. Льюиса в 8 тт., т. 7. — Прим. перев.] посвящает целых три главы неприятным воспоминаниям об учёбе в закрытом пансионе, но только одну — о своём пребывании на войне. «Эти события не имеют ничего общего со всей остальной моей жизнью, — отмечает он, — … и нередко мне кажется, что они происходили не со мной, а с кем-то другим» (C.S. Lewis. *Surprised by Joy: The Shape of My Early Life*. Geoffrey Bles, London, 1955, chapter 12). — Прим. автора.

31

Согласно некоторым свидетельствам, телеграмма с известием о гибели сына пришла родителям Оуэна 11 ноября 1918 года, когда в Шрусбери зазвонили колокола в честь заключения перемирия. — Прим. автора.

32

Фош, Фердинанд (1851 — 1929) — маршал Франции, британский фельдмаршал, маршал Польши, член Французской академии. В первую мировую войну — командующий армией, впоследствии — группой армий. В 1917 — 1918 гг. — начальник Генштаба, с апреля 1918 года — главнокомандующий союзными войсками. — Прим. перев.

33

Эрцбергер, Маттиас (1875 — 1921) — член германского правительства в октябре — ноябре 1918 года, впоследствии — министр финансов Германии. — Прим. перев.

34

«Младшая Эдда» — прозаическое изложение скандинавских мифов и важнейший памятник древнескандинавской религии, в рамках культуры европейского Севера игравший столь же важную роль, что и «Ветхий Завет» — в контексте христианской культуры. «Беовульф» — анонимная эпическая поэма, датируемая приблизительно 700 г. н.э. Главный её герой, Беовульф из племени гаутов, спасает датчан от чудовищного тролля Гренделя, а полвека спустя погибает в битве с огнедышащим драконом, напавшим на гаутов. Полагают, что это сказание восходит к скандинавскому фольклору. Поэма была записана вскоре после христианизации скандинавских народов, и языческие элементы сочетаются в ней с христианскими. Но теснее всего толкиеновский мир связан с «Калевалой» — собранием карело-финских устных преданий, древнейшие из которых сложились по меньшей мере две тысячи лет. Свой современный облик «Калевала» обрела благодаря финскому фольклористу Элиасу Лёнроту, составившему связное повествование из фрагментов эпических песен, которые сам собирал в народе много лет. Первое издание «Калевалы» вышло в свет в 1835 г. — Прим. автора.

35

Форстер, Эдуард Морган (1879 — 1970) — английский писатель, автор ряда романов («Куда боятся ступить ангелы», «Комната с видом», «Хауэрдз-Энд», «Поездка в Индию», «Морис»), рассказов, очерков и эссе, критического труда «Аспекты романа». Тема романа «Хауэрдз-Энд» — восстановление связи между «невидимым» и «видимым» мирами, между миром воображения и земной реальностью. — Прим. перев.

36

E.M. Forster. *Howards End*. Penguin, London, 1989, p. 262. — Прим. автора.

37

Уондсворт — пригород Лондона. — Прим. перев.

38

Подробнее об этой характерной черте Средиземья речь пойдёт в главе 12. — Прим. автора.

39

Англ. fantastic fiction. — Прим. перев.

Англ. romantic epic literature. — Прим. перев.

41

Лукиан (ок. 120 — ок. 190 н.э.) — древнегреческий писатель-сатирик, автор философских сатир, осмеивающих современную ему религию, мифологию и философию, догматизм и житейские предрассудки. Сатиры Лукиана изобилуют фантастическими ситуациями (полёт на небо, нисхождение в преисподнюю, беседа мертвецов и т.п.). — Прим. перев.

42

Хольберг, Людвиг (1684 — 1754) — датский драматург, историк, философ. В сатире «Подземное странствие Николая Клима» (1741) описываются приключения норвежского студента Клима, попавшего через горную пещеру в фантастический мир иной. В философской повести Вольтера «Микромегас» (1752) использован мотив космических путешествий. «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818) — фантастический роман английской писательницы Мэри Шелли (1791 — 1851), история швейцарского студента Виктора Франкенштейна, создавшего уродливое человекоподобное существо из мёртвых органов. Оживив своё творение, создатель прогоняет его; ожесточившееся чудовище объявляет войну всему человеческому роду и в конце концов убивает собственного творца. — Прим. перев.

43

Йейтс, Уильям Батлер (1865 — 1939) — великий ирландский поэт, драматург и критик, лауреат Нобелевской премии по литературе (1923 г.), вдохновитель движения за возрождение ирландской культуры. Питал глубокий интерес к национальной мифологии, восточным религиям и оккультизму. В 1912 г. Йейтс написал предисловие к одному из сборников фантастической прозы Дансейни. Раннее творчество самого Йейтса, изобилующее фантастическими мотивами кельтской мифологии, также оказало влияние на развитие жанра фэнтези. — Прим. перев.

44

«Братство прерафаэлитов» — основанное в 1848 г. объединение английских художников и писателей. Своей задачей прерафаэлиты видели возврат к простоте и непосредственности, которые господствовали в искусстве средних веков и раннего Возрождения (до Рафаэля). Художник и поэт Данте Гэбриэл Россетти (1828 — 1882), автор изысканных полотен на символические и литературные сюжеты, был одним из основателей «Братства». Эдвард Бёрн-Джонс (1833 — 1898) — живописец, рисовальщик и мастер декоративно-прикладного искусства, представитель младшего поколения прерафаэлитов, ученик Россетти. Алджернон Чарльз Суинберн (1837 — 1909) — поэт и драматург, прославившийся смелыми экспериментами в стихосложении и во многом близкий поэтам-прерафаэлитам. — Прим. перев.

45

William Morris. *The Wood Beyond the World*. Dover Press, New York, 1972. — Прим. автора.

46

Хаггард, Генри Райдер (1856 — 1925) — английский романист, автор множества приключенческих романов, а также исторических, психологических и фантастических рассказов. Берроуз, Эдгар Райс (1875 — 1950) — американский писатель, завоевавший мировую славу серией приключенческих повестей о Тарзане; также писал фантастические романы и рассказы. — Прим. перев.

47

Кэйбелл, Джеймс Бренч (1879 — 1958) — американский писатель, автор романов и очерков. В вымышленной средневековой стране разворачивается действие не только «Мануэля», но и ряда других фантастических произведений Кэйбелла. — Прим. перев.

48

Кюневульф — древнеанглийский поэт-монах VIII или IX в., от которого до нас дошло четыре поэмы («Елена», «Судьбы апостолов», «Христос» и «Юлиана»), включающие элементы германской эпической традиции. — Прим. перев.

«The Man in the Moon Came Down Too Soon»; рус. пер. В. Тихомирова. — Прим. перев.

50

Несомненно, имеется в виду сочинённая и исполненная Бильбо перед эльфами песня об Эарендиле (1-я глава II книги «Властелина колец»). — Прим. перев.

51

Эарендель (чьё имя Толкиен впоследствии изменил на «Эарендил») предстаёт здесь полуэльфом-получеловеком. Позже, в «Сильмариллионе», разъясняется, что он — сын смертного Туора из народа эдайн (предков нуменорцев) и Идриль, дочери Тургона, короля эльфов Гондолина. — Прим. автора.

52

Музей Ашмола — музей и библиотека древней истории, изящных искусств и археологии при Оксфордском университете. Назван по имени основателя, Элайаса Ашмола (1617 — 1692). — Прим. перев.

53

Об истории этого проекта и о судьбах работавших над ним людей увлекательно повествует книга Саймона Уинчестера «Хирург из Кроуторна» (Simon Winchester. *The Surgeon of Crowthorne*. London, Penguin, 1998). — Прим. автора.

54

Лектор (англ. «reader») — второй по старшинству преподаватель университета после профессора, аналог доцента. — Прим. перев.

55

«Краснокирпичный университет» (англ. redbrick university), в противоположность сложенному из камня, — университет второго разряда, т. е. любой, кроме Оксфордского, Кембриджского и Лондонского. — Прим. перев.

56

Дон (англ. don) — разговорное название преподавателя в Оксфордском и Кембриджском университетах

57

Стипендия Родса была учреждена в 1902 г. английским политиком С. Родсом для студентов из США, стран Содружества и Южной Африки (Эрик Гордон был родом из Канады). — Прим. перев.

Вице-канцлер — фактический глава университета; избирается или назначается главным руководящим органом университета на срок от двух до четырёх лет из числа руководителей колледжей или преподавателей. — Прим. перев.

Рус. пер. В.Тихомирова; цит. по: Библиотека Всемирной Литературы, том 9. «Художественная литература», М., 1975. — Прим. перев.

60

Уистен Хью Оден (1907 — 1973) — выдающийся англо-американский поэт, драматург и литературный критик, оказавший большое влияние на современную поэзию. Член т. н. «оксфордской группы», куда также входили С. Дэй-Льюис, Л. Макнис и С. Спендер. — Прим. перев.

61

Цит. по: Desmond Albrow. *Catholic Herald*, 31 January, 1997. — Прим. автора.

62

«Наставление для отшельниц…» (ок. 1200 г.) на среднеанглийском языке. — Прим. перев.

63

Дж.Р.Р. Толкиен. «Письма Деда-Мороза» (J.R.R. Tolkien. *Letters From Father Christmas*. George Allen and Unwin, 1976, London, p. 154). — Прим. автора.

От дорожного указателя «Major Road Ahead» — «Впереди большая дорога»; слово «major» имеет значения «большой» и «майор». — Прим. перев.

Англ. «Bill Stickers Will Be Prosecuted». — Прим. перев.

Owlamoo, от англ. owl — «сова». — Прим. перев.

67

«Приключения Тома Бомбадила» впервые были опубликованы в журнале «Оксфорд мэгэзин» (*The Oxford Magazine*, vol. LII, No. 13, 1937, pp. 464 – 465, Oxford Oxonian Press). — Прим. автора.

«Беовульф», 2561. — Прим. автора.

69

К.С. Льюис, запись в дневнике от 11 мая 1926 г. (The Lewis Papers, the Wade Collection, Wheaton College, Wheaton, Illinois, USA). — Прим. автора.

Молверн-Колледж — мужская привилегированная частная срдняя школа в г. Грейт-Молверн. — Прим. перев.

71

Юниверсити-Колледж — один из колледжей Оксфордского университета. — Прим. перев.

От англ. sensible — «благоразумный, здравомыслящий». — Прим. перев.

73

«Жеста» (от фр. chanson de geste — «песнь о деяниях») — средневековый литературный жанр, поэма о героических деяниях. «Лэ» (англ. lay — «баллада, песнь») — средневековый литературный жанр, короткая поэма, обычно романтического содержания. — Прим. перев.

Англ. inkling — букв. «намёк», «отдалённое представление» или «слабое подозрение»; англ. ink — «чернила». — Прим. перев.

75

На вывеске паба был изображен младенец Ганимед в когтях Зевсова орла; предполагают, что отсюда Толкиен почерпнул идею для иллюстрации к «Хоббиту», на которой орёл несёт Бильбо по воздуху. — Прим. автора.

76

Бертон, Ричард (1925 — 1984) — знаменитый английский актёр театра и кино. В Оксфорде он проходил ускоренный полугодичный курс обучения для военнослужащих. — Прим. перев.

77

Сэйерс, Дороти (1893 — 1957) — английская писательница, блестящий мастер детектива; одна из первых в истории женщин, окончивших Оксфордский университет (специализировалась на средневековой литературе, в 1915 г. получила степень бакалавра). Льюис и Чарльз Уильямс были её близкими друзьями. — Прим. перев.

78

Толкиен считал Дороти Сэйерс вполне профессиональной писательницей, но некоторые из её произведений казались ему «вульгарными». — Прим. автора.

79

К.С. Льюис, «Уильямс и Артуриада» (цит. по: C.S. Lewis, ‘Williams and Arthuriada’, из сб.: Williams, Lewis. *Arthurian Torso*. Oxford University Press, 1948, p. 1). — Прим. автора.

80

Из неопубликованного письма к Артуру Гривсу от 11 января 1944 г., цит. по: Клайд Килби, «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby, *Tolkien and the Silmarillion*, Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 73). — Прим. автора.

81

Ibid, p. 67. — Прим. автора.

82

Группа Блумсбери — действовавшее в 1920-е гг. творческое объединение английских интеллектуалов, писателей, литературных критиков и художников, живших в лондонском районе Блумсбери. «Блумсберийский кружок» сыграл важнейшую роль в истории английского модернизма. В группу входили выдающаяся писательница Вирджиния Вулф, историк Литтон Стрейчи, экономист Джон Мейнард Кейнс, философ Бертран Рассел, искусствовед и художник Роджер Фрай и др. — Прим. перев.

83

«Круглый стол Алгонкина» — неформальное объединение американских литераторов, собиравшееся по выходным за круглым столом в нью-йоркском отеле «Алгонкин». — Прим. перев.

В 30-е гг. У.Х. Оден и Кристофер Ишервуд возглавляли группу английских писателей-социалистов. — Прим. перев.

85

Цит. по: Nigel Reynolds, *Daily Telegraph*, 20 January 1996. — Прим. автора.

«Письма К.С. Льюиса» (цит. по: *Letters of C.S. Lewis*, ed. by W.H. Lewis, Geoffrey Bles. London, 1966, p. 287). — Прим. автора.

87

Из письма к Шелдону Ванокену от 17 апреля 1951 г. (цит. по: ‘Memoirs of the Lewis Family’, the Wade Collection). — Прим. автора.

88

Цит. по: Хамфри Карпентер. «Инклинги» (Humphrey Carpenter. *The Inklings*, p. 52). — Прим. автора.

89

Роджер Лэнслин Грин и Уолтер Хупер. «К.С. Льюис: Биография» (Roger Lancelyn Green, Walter Hooper. *C.S. Lewis: A Biography*. Collins, London, 1974, p. 241). — Прим. автора.

90

Эта книга сейчас хранится в коллекции Уэйда в Уитон-Колледже (Уитон, Иллинойс, США). С другой стороны, стоит обратить внимание на то, что льюисовский Гнусик (Wormwood), подмастерье дьявола из «Писем Баламута», появился раньше, чем толкиновский Червослов (Wormtongue), шпион Сарумана из «Властелина колец». — Прим. автора.

91

Из неопубликованных воспоминаний Питера Бейли о Льюисе, цит. по: Хамфри Карпентер. «Инклинги: К.С. Льюис, Дж.Р.Р. Толкиен, Чарльз Уильямс и их друзья» (Humphrey Carpenter. *The Inklings: C.S. Lewis, J.R.R. Tolkien, Charles Williams and their Friends*. George Allen and Unwin, 1978, p. 120). — Прим. автора.

92

Цит. по: «Письма К.С. Льюиса» (*Letters of C.S. Lewis*, ed. by H. Lewis, Geoffrey Bles. London, 1966, pp. 196 – 197). — Прим. автора.

93

Ibid. — Прим. автора.

Чарльз Уильям. «Развод» (Charles Williams. *Divorce*. Oxford University Press, 1920). — Прим. автора.

95

Цит. по: «Эссе в дар Чарльзу Уильямсу» (C.S. Lewis, A.O. Barfield, W.H. Lewis, Gervase Mathew, Dorothy Sayers, J.R.R. Tolkien. *Essays Presented to Charles Williams*. Oxford University Press, 1947, p. X). — Прим. автора.

Цит. по: Henry S. Resnick. *Niekas*. Volume 18, Number 43. — Прим. автора.

97

Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 341). — Прим. автора.

98

Джордж Макдональд (1824 — 1905) — романист, эссеист, поэт, философ и англиканский священник, один из самых выдающихся английских детских писателей второй половины XIX в., близкий друг Льюиса Кэрролла. — Прим. перев.

99

Из письма К.С. Льюиса к Артуру Гривсу от 4 февраля 1933 г., коллекция Уэйда. — Прим. автора.

100

Цит. по: «Эссе памяти Дж.Р.Р. Толкиена — учёного и сказочника» (*J.R.R. Tolkien, Scholar and Storyteller: Essays in Memoriam*. Ed. by Mary Salu, Robert T. Farrell. Ithaca & London: Cornell University Press, 1979, p. 34). — Прим. автора.

101

Цит. по: Хамфри Карпентер. «Дж.Р.Р. Толкиен: Биография» (Humphrey Carpenter. *J.R.R. Tolkien: A Biography*. HarperCollins, 1977, p. 184). — Прим. автора.

102

Из письма Толкиена к Чарльзу Ферту, сотруднику «Джордж Аллен энд Анвин», от 17 января 1937 г. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 15). — Прим. автора.

103

Сорок пять прямых авторских обращений к читателю осталось в «Хоббите» даже после этой правки. — Прим. автора.

104

Из письма Толкиена к Стенли Анвину от 15 октября 1937 года. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 24). — Прим. автора.

105

Ibid. — Прим. автора.

Цит. по: *The Times*, 8 October, 1937. — Прим. автора.

107

Цит. по: *Times Literary Supplement*, 2 October, 1937. — Прим. автора.

108

Цит. по: К.С. Льюис. «О здешнем и иных мирах» (C.S. Lewis. *Of This and Other Worlds*. Geoffrey Bles, London, 1967, p. 111). — Прим. автора.

109

К. С. Льюис, «Об историях» (C.S. Lewis. *On Stories*). Цит. по: *Essays Presented to Charles Williams*. Oxford: Oxford University Press, 1947, p. 104. — Прим. автора.

110

Из письма Толкиена к Чарльзу Ферту от 13 мая 1937 г. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 17). — Прим. автора.

111

Автор кратко излагает содержание постскриптума к письму Чарльзу Ферту от 31 августа 1937 г. — Прим. перев.

112

Из письма к Стенли Анвину от 15 октября 1937 г. — Прим. перев.

113

Рецензент «Джордж Аллен энд Анвин» счёл, что книга недостаточна хороша для публикации, но высказал предположение, что в один прекрасный день Льюис всё же напишет удачный роман. По первому пункту он ошибался, но по второму оказался совершенно прав. В наше время роман «За пределы безмолвной планеты» считается классикой научной фантастики и распродаётся по всему миру большими тиражами. Впервые он был опубликован издательством «Бодли Хэд» в 1938 году. — Прим. автора.

114

Письмо к Стенли Анвину от 16 декабря 1937 г. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 26). — Прим. автора.

115

«Перл» — среднеанглийская аллегорическая поэма об умершей девочке, приписывается автору «Сэра Гавейна и Зелёного рыцаря». — Прим. перев.

116

«Сэр Орфео» — среднеанглийская поэма того же периода на сюжет греческого мифа об Орфее и Эвридике. — Прим. перев.

117

А за семнадцать лет, истекшие с начала работы над «Властелином колец» и выходом в свет его первого тома — «Братство кольца», — Льюис опубликовал не менее двадцати книг, в том числе восемь романов. — Прим. автора.

118

Цит. по: Джозеф Пирс. «Толкиен: Человек и миф» (Joseph Pearce. *Tolkien Man and Myth: A Literary Life*. HarperCollins, 1998, p. 70). — Прим. автора.

119

Цит. по: Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 17). — Прим. автора.

120

См. письмо Дж.Р.Р. Толкиена к Майклу Толкиену от 9 июня 1941 г. (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 55). — Прим. автора.

121

Разумеется, время было выбрано совершенно неподходящее, и сделка не состоялась. Немецкий перевод «Хоббита» был опубликован только в 1957 году. — Прим. автора.

122

Погибло 423 сброшюрованных экземпляра книги. — Прим. автора.

123

Впервые опубликован в журнале «Даблин ревью» (*The Dublin Review*, 423) в январе 1945 г. — Прим. автора

124

Из письма Дж.Р.Р. Толкиена к Кристоферу Толкиену от 9 октября 1945 г., цит. по: Хамфри Карпентер. «Инклинги» (Humphrey Carpenter. *The Inklings*, p. 205). — Прим. автора.

125

Запись в дневнике У.Х. Льюиса от 12 ноября 1949 г., коллекция Уэйда, Уитон-Колледж (Уитон, Иллинойс, США). — Прим. автора.

126

Из письма Дж.Р.Р. Толкиена к Стенли Анвину от 24 февраля 1950 г. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 136). — Прим. автора.

127

Оформление обложки «Фермера Джайлса», предложенное издательством, Толкиену категорически не понравилось. После долгих споров от иллюстраций молодой художницы Милейн Косман пришлось отказаться, и на обложку поместили работы другой художницы, Полины Бейнс, против которых Толкиен не возражал. — Прим. автора.

128

Не исключено, что на разделении книги на три тома Рейнер Анвин настоял не без задней мысли. Если бы «Братство Кольца» потерпело фиаско, то от публикации второго и третьего томов можно было бы вовремя отказаться. — Прим. автора.

129

C.S. Lewis, Bodleian Library, London, MS. Eng lett. C.220 / 5, fol. 77. — Прим. автора.

130

Цит. по: C.S. Lewis. *Time & Tide*. 14 August, 1954. — Прим. автора.

131

Цит. по: *Manchester Guardian*, 20 August, 1954. — Прим. автора.

132

Цит. по: Howard Spring. *Country Life*. 26 August, 1954. — Прим. автора.

133

Цит. по: A.E. Cherryman. *Truth*. 6 August, 1954. — Прим. автора.

134

Цит. по: *Oxford Times*. 13 August, 1954. — Прим. автора.

135

Цит. по: Bernard Levin. *Truth*. 16 October, 1954. — Прим. автора.

136

«Газета для мальчика» («Boy's Own Paper») — детский журнальчик, выходивший в Англии с 1879 г. — Прим. перев.

137

Цит. по: Peter Green. *Daily Telegraph*. 27 August, 1954. — Прим. автора.

138

Цит. по: Edwin Muir. *Observer*. 22 August, 1954. — Прим. автора.

139

Цит. по: W.H. Auden. *The New York Times Review of Books*. 10 October, 1954. — Прим. автора.

140

Цит. по: Джозеф Пирс. «Толкиен: Человек и миф» (Joseph Pearce. *Tolkien Man and Myth: A Literary Life*. HarperCollins, 1998, p. 129). — Прим. автора.

141

Цит. по: C.S. Lewis. *Time and Tide*. 22 October, 1954. — Прим. автора.

142

Цит. по: Edwin Muir. *Observer*. 27 November, 1955. — Прим. автора.

143

Edmund Wilson. *The Nation*. 14 April, 1956. — Прим. автора.

144

Цит. по: Henry S. Resnick. *Niekas*. Volume 19, Number 43. — Прим. автора.

145

Цит. по: Шарлотта Плиммер, Деннис Плиммер. «Человек, понимающий хоббитов» (Charlotte and Dennis Plimmer. ‘The Man Who Understands Hobbits’. *Daily Telegraph Magazine*, London, 22 March, 1968). — Прим. автора.

146

Цит. по: Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 51). Холмики, о которых идёт речь, — почти наверняка Чилтернские холмы. — Прим. автора.

147

Ibid, p. 52. — Прим. автора.

148

Любопытно также, что нуменорским королям Толкиен дал имена, по звучанию схожие с древнеегипетскими. — Прим. автора.

149

Некоторые комментаторы даже соотносили лембас — дорожный хлеб эльфов — со Святым Причастием. — Прим. автора.

150

Кроме того, в христианской традиции 25-е марта — это день felix culpa, Грехопадения Адама и Евы, а также день Благовещения и Зачатия Христа, предшествующий Рождеству — 25-му декабря — ровно на девять месяцев. — Прим. автора.

151

Цит. по: «Толкиен и критики: эссе о ‘Властелине колец’ Толкиена» (‘The Quest Hero’, Neil D. Isaacs and Rose A. Zimbardo (editors). *Tolkien and the Critics: Essays on Tolkien’s ‘The Lord of the Rings’*. University of Notre Dame press, Notre Dame, 1968, p. 53). — Прим. автора.

152

Цит. по: Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 59). — Прим. автора.

153

Цит. по: Джозеф Пирс. «Толкиен: Человек и миф» (Joseph Pearce. *Tolkien Man and Myth: A Literary Life*. HarperCollins, 1998, p. 194). — Прим. автора.

«Кинопортрет Дж.Р.Р. Толкиена» (A Film Portait of J.R.R. Tolkien. Visual Corporation Ltd, 1992). — Прим. автора.

155

Ibid. — Прим. автора.

156

Цит. по: Алида Беккер (ред.). «Альбом Толкиена» (Alida Becker (ed.). *The Tolkien Scrapbook*. Running Press, Philadelphia, 1978, p. 26). — Прим. автора.

157

Цит. по: Пол Коучер. «Властелин Средиземья: творчество Дж.Р.Р. Толкиена» (Paul H. Kocher. *Master of Middle Earth: The Fiction of J.R.R. Tolkien*. Houghton Mifflin, Boston, 1972, p. 26). — Прим. автора.

158

Цит. по: Алида Беккер (ред.). «Альбом Толкиена» (Alida Becker (ed.). *The Tolkien Scrapbook*. Running Press, Philadelphia, 1978, p. 86). — Прим. автора.

159

Цит. по: *Independent*. London, 20 January 1997. — Прим. автора.

160

См.: Том Шиппи. «Дж.Р.Р. Толкиен: писатель века» (Tom Shippey. *J.R.R. Tolkien: Author of the Century*. HarperCollins, London, 2000, p. 170). — Прим. автора.

161

Позиция довольно странная, учитывая тот факт, что Толкиен опубликовал по крайней мере одно откровенно аллегорическое произведение — «Лист работы Ниггля». — Прим. автора.

162

Цит. по: Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 31). — Прим. автора.

В частности, находят немало точек соприкосновения между «Властелином колец» и «Принцессой и Творожком» Макдональда. Достаточно вспомнить сцену из «Властелина колец», в которой Гэндальф пробуждает к жизни короля Теодена, подпавшего под власть Червослова. Схожим образом герои «Принцессы и Творожка» исцеляют короля Гвинтисторма. — Прим. автора.

164

Примечательно, что Льюис взял цитату из Макдональда эпиграфом к своей книге «Великий развод», опубликованной в 1946 г. — Прим. автора.

165

В письме к Кристоферу Толкиену от 28 июля 1944 г. Цит. по: «Письма Дж.Р.Р. Толкиена» под редакцией Хамфри Карпентера и Кристофера Толкиена (*The Letters of J.R.R.Tolkien*. Ed. by Humphrey Carpenter with the assistance of Christopher Tolkien, HarperCollins, London, 1981, p. 88). — Прим. автора.

166

Цит. по: «Митпринт», информационный бюллетень Мифопоэтического общества, Алтадена, США (*Mythprinte*. September 1973). — Прим. автора.

167

В пересчёте на современный курс — около 35 тысяч фунтов. — Прим. автора.

Цит. по: *Times Literary Supplement*, 3 September, 1973. — Прим. автора.

169

По крайней мере в одном случае недовольство было вполне обоснованным. В 1965 году американское издательства «Баллантайн» выпустило «Хоббита» в мягкой обложке с иллюстрацией художника, который, как потом выяснилось, не успел прочитать книгу. На обложке он изобразил льва, двух страусов-эму и какое-то дерево с плодами, похожими на луковицы. На возмущённый вопрос о том, что это ещё за штука с луковицами, Толкиену ответили, что художник просто пытался изобразить рождественскую ёлку. — Прим. автора.

170

Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 16). — Прим. автора.

171

Цит. по: Шарлотта Плиммер, Деннис Плиммер. «Человек, понимающий хоббитов» (Charlotte and Dennis Plimmer. ‘The Man Who Understands Hobbits’. *Daily Telegraph Magazine*, London, 22 March, 1968). — Прим. автора.

«Веселящийся Лондон» (англ. Swinging London) — популярное в 60-е годы рекламное название Лондона как центра мод, музыкальной жизни и т.д. — Прим. перев.

173

Карнаби-стрит — улица в Лондоне, известная магазинами модной одежды для молодёжи. — Прим. перев.

174

Клайд Килби. «Толкиен и Сильмариллион» (Clyde Kilby. *Tolkien and The Silmarillion*. Harold Shaw Publishers, USA, 1976, p. 13). — Прим. автора.

175

Цит. по: «Эссе памяти Дж.Р.Р. Толкиена — учёного и сказочника» (*J.R.R. Tolkien, Scholar and Storyteller: Essays in Memoriam*. Ed. by Mary Salu, Robert T. Farrell. Ithaca & London: Cornell University Press, 1979, pp. 33-34). — Прим. автора.

Цит. по: *The New Yorker*, 15 January 1966. — Прим. автора.

177

Орден, присуждаемый за выдающиеся заслуги перед Британской империей. — Прим. перев.

178

«Гаррик» — лондонский клуб актёров, писателей и журналистов, назван в честь знаменитого актёра XVIII в. Д. Гаррика. Мейфэр — фешенебельный район лондонского Вест-Энда. — Прим. перев.

179

Цит. по: Роберт Гиддингс (ред.). «Дж.Р.Р. Толкиен: ах, эти дальние края!» (Robert Giddings (editor). *J.R.R. Tolkien: This Far Land*. Vision and Barnes and Noble, London, 1983, pp. 82 – 83). — Прим. автора.

180

Цит. по: ‘Dissension among the Judges’, Philip Toynbee, *Observer*, 6 August 1961. — Прим. автора.

181

Walter Scheps, ‘The Fairy-tale Morality of *The Lord of the Rings*’, pp. 43 – 56 in Jarad Lodbell (editor). *A Tolkien Compass*, Open Court, La Salle, 1975. — Прим. автора.

Michael Moorcock, Wizardry and Wild Romance, Victor Gollancz, London, 1987, p. 125. John Goldthwaite, *The Natural History of Make-Believe*, OUP, 1996. — Прим. автора.

Хэмпстед — фешенебельный район Лондона. — Прим. перев.

Susan Jeffreys. *Sunday Times*, 26 January 1997. — Прим. автора.

185

Том Шиппи. «Дж.Р.Р. Толкиен: писатель века» (Tom Shippey. *J.R.R. Tolkien: Author of the Century*. HarperCollins, London, 2000, p. xxi). — Прим. автора.

Sunday Times, 26 January 1997. — Прим. автора.

Sunday Times, 26 January 1997. — Прим. автора.

188

Цит. по статье Хамфри Карпентера, первого биографа Толкиена (Humphrey Carpenter. *Independent*, 20 January 1997). — Прим. автора.

189

Germaine Greer, *W magazine*, Winter/Spring 1997. — Прим. автора.

190

Издание на датском языке, вышедшее в свет 1977 года, снабжено иллюстрациями, которые выполнила сама королева Дании Маргрете II. — Прим. автора.

191

Профессор Том Шиппи, «Кинопортрет Дж.Р.Р. Толкиена» (A Film Portait of J.R.R. Tolkien. Visual Corporation Ltd, 1992). — Прим. автора.

192

Цит. по: ‘Hobbits go to Hollywood’, Richards Brooks, *Sunday Times*, 13 May 2001. — Прим. автора.

193

Цит. по: ‘News from Middle-earth’, *Starlog*, August 2001, p. 30. — Прим. автора.

Из частной беседы с автором. — Прим. автора.

195

Цит. по: ‘One Ring to Rule Them All’, Gary Gillatt, *Dreamwatch*, August 2001, pp. 44 – 49. — Прим. автора.

196

Цит. по: ‘Hobbits Take Revenge on America’, Tony Allen-Mills, *Sunday Times*, 1 July 2001. — Прим. автора.

К.Г. Юнг. «Психология бессознательного». — Прим. перев.